

уральский

следопыт

№10 *** 1980

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:

Наследники Нестерова

Кое-что о лыжах

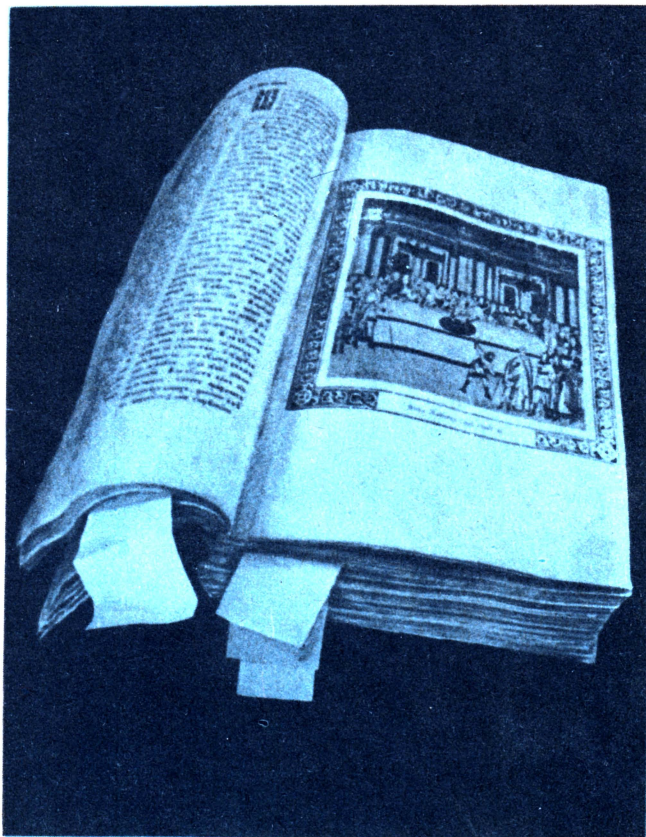
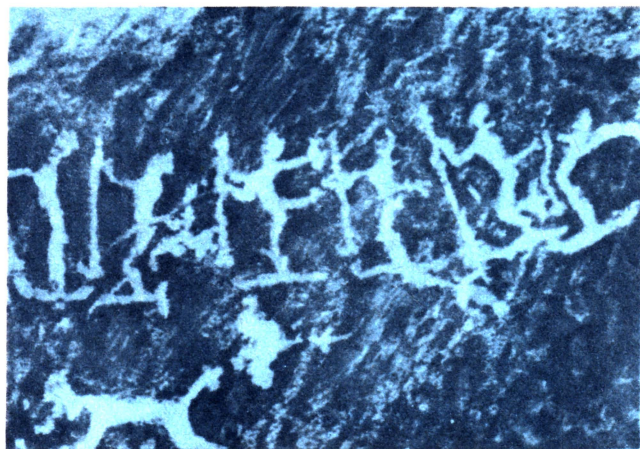
Жил в переулке волшебник

Музей «Уральского следопыта».

Слово в слово...

На снимках: П. Н. Нестеров с женой и дочерью; наскальный рисунок лыжников эпохи неолита; М. Г. Комаров за работой; Библия лицевая из музея «Уральского следопыта».

В номере:

СЛЕДОПЫТСКИЙ ТЕЛЕГРАФ	2
Ф. Борисов СОЛДАТЫ ДЗЕРЖИНСКОГО	4
Л. Голубев ЭТИ УЛИЧНЫЕ ПАРНИ	10
М. Иванов ЧТО ТАКОЕ РАЗВЕДКА	14
С. Ярков ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ШКОЛА УРАЛА	16
В. Сафонов ЧУДАК-ЧЕЛОВЕК	17
И. Шакинко ЛЕГЕНДЫ НЕВЬЯНСКОЙ БАШНИ	21
П. Прусс ЖИЛ В ПЕРЕУЛКЕ ВОЛШЕБНИК...	31
Ф. Патрунов ЗЕМЛЯ, ГДЕ РОЖДАЮТСЯ ЛАВИНЫ	32
Б. Путилов ДЕТСТВО ПРЕЗИДЕНТА	34
Н. Супрунов КОЕ-ЧТО О ЛЫЖАХ	39
В. Фирсов СРУБИТЬ КРЕСТ. Повесть. Продолжение	40
КАЛЕЙДОСКОП. МОЙ ДРУГ — ФАНТАСТИКА	55
А. Куницын ЗВЕЗДНЫЙ ДОЖДЬ. Стихи	58
А. Абрамов НАСЛЕДНИКИ НЕСТЕРОВА	60
Л. Леонидов ВРУЧЕНИЕ СУДЬБЫ	64
Ю. Рязанов СЛОВО В СЛОВО	66
А. Крашенинников ПЕРО ЯСТРЕБА	68
В. Баныкин, О. Богданов. ИЗ КНИГИ ПРИРОДЫ	72
Е. Черникин ПОЙМАТЬ СОБОЛЯ	76
А. Левченко ПАМЯТНИК СОБАКЕ, ЛЕБЕДЮ, ПЧЕЛЕ...	77
МИР НА ЛАДОНИ	78

Редакционная коллегия:
 Станислав МЕШАВКИН
 (главный редактор),
 Муса ГАЛИ,
 Алексей ДОМНИН,
 Спартак КИПРИН,
 Владислав КРАПИВИН,
 Юрий КУРОЧКИН,
 Давид ЛИВШИЦ
 (заместитель главного
 редактора),
 Геннадий МАШКИН,
 Николай НИКОНОВ,
 Анатолий ПОЛЯКОВ,
 Лев РУМЯНЦЕВ,
 Константин СКВОРЦОВ,
 Игорь ТАРАБУКИН
 (ответственный секретарь).

Художественный редактор
 Маргарита ГОРШКОВА
 Технический редактор
 Людмила БУДРИНА
 Корректор
 Майя БУРАНГУЛОВА

Адрес редакции:
 620219,
 Свердловск, ГСП-353,
 ул. 8 Марта, 8
 Телефоны: 51-09-71, 51-22-40

Рукописи не возвращаются
 Сдано в набор 30.06.1980 г.
 НС 11503.
 Подписано к печати 18.8.1980 г.
 Бумага 84×108¹/₁₆.
 Бумажных листов 2,62
 Печатных листов 8,8
 Учетно-издательских листов 10,8
 Тираж 249 000.
 Заказ 562.
 Цена 35 коп.
 Типография издательства
 «Уральский рабочий».
 Свердловск, пр. Ленина, 49.

На 1-й стр. обложки — рис.
 Ю. КАЛМЫКОВА

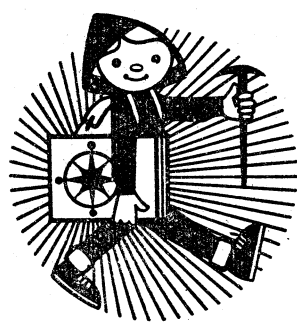
© «Уральский следопыт», 1980 г.

ЛИТЕРАТУРНО-
 ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
 ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
 ДЛЯ ДЕТЕЙ
 И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН
 СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
 РСФСР
 СВЕРДЛОВСКОЙ
 ПИСАТЕЛЬСКОЙ
 ОРГАНИЗАЦИИ
 И СВЕРДЛОВСКОГО
 ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ
 С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
 СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
 КНИЖНОЕ
 ИЗДАТЕЛЬСТВО

№10 * 1980

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ

ТВОИ АДРЕСА, ТВОИ ИМЕНА, ИСТОРИЯ!

**ЮНЫЕ СЛЕДОПЫТЫ
ВМЕСТЕ СО ВСЕМИ
СОВЕТСКИМИ ЛЮДЬМИ.
ГОТОВЯТСЯ
ДОСТОЙНО ВСТРЕТИТЬ
ВЫСШИЙ ФОРУМ
ПАРТИИ.
ЭТОМУ
ЗНАМЕНАТЕЛЬНОМУ
СОБЫТИЮ
В ЖИЗНИ СТРАНЫ
ПОСВЯЩЕН
ИХ СЛЕДОПЫТСКИЙ
ПОИСК.**

● Музей школы № 326 Ленинграда располагает материалами, рассказывающими о соратнице В. И. Ленина Александре Михайловне Коллонтай — трибуне, дипломате, народном комиссаре.

● Пятисотым экспонатом ленинского музея 19-й керченской школы стал выполненный соломкой портрет вождя. Его сделал и прислал в школьный музей дедушка первоклассницы Ани Вильшун — Михаил Иванович Старостин, житель Симферополя.

● Первая в горном Алтае коммуна «Красная Кулада» стала сейчас передовым колхозом имени XXIV партсъезда. Долгое время сельские следопыты собирали записи воспоминаний бывших коммунаров, удостоверения, почетные грамоты, депутатские мандаты, старые фотографии. Ныне эти исторические документы по праву стали экспонатами открывшегося в сельской школе музея.

● Открылся музей в новосибирской школе № 176. Он посвящен Елене (Августе) Васильевне Бердниковой, «товарищу Елене» — большевичке, активной участнице подполья в период борьбы с колчаковщиной.

● Рукописная книга «Люди Ленинской гвардии» написана пионерскими отрядами 43-й андижанской школы (Узбекская ССР). Ее страницы рассказывают о судьбах старых большевиков.

● Бронзовый политрук

Этот монумент не нуждается в подробном описании. Он очень похож на знаменитого «Политрука», а эта военная фотография известна каждому: решающий момент боя, полуразвернутая фигура человека с забинтованной головой и с поднятым в руке наганом, яростный и вдохновенный призыв «Вперед!»...

Монумент этот установлен близ поселка Славяно-сербск Ворошиловградской области. Он воздвигнут в честь политработников Советской Армии, павших в боях.

Бронзовая фигура политрука поднялась в знаменательном месте, его называют «полем комиссара». Здесь в суровом 1942 военном году, в самый тяжелый момент боя поднял роту в атаку политрук Алексей Еременко.

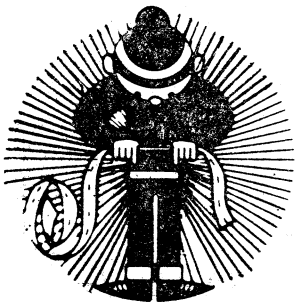
На многотысячном митинге, посвященном открытию монумента, выступили Председатель Совета Министров УССР А. Ляшко, начальник политуправления Краснознаменного Киевского военного округа генерал-полковник В. Деметьев, сын политрука А. Еременко, ветераны войны.

● Анкета для 1000 выпускников

Когда первые коммунары поставили на берегу Днепра избу, положившую начало советскому селению, назвать будущий поселок было решено — Ильич. Шесть десятилетий — таков возраст белорусского поселка Ильич. За эти годы 1000 выпускников окончили местную школу. Каждый из этой тысячи обозначен алой точкой-адресом на карте в музее поселковой школы.

Тысяче своих земляков отправили школьники анкету «Кем вы стали, потомки коммунаров?» И получили социальный портрет, будто сведенную воедино биографию поселка Ильич. В графе «профессия» — перечислений множество. Столь же разные и адреса мест жительства бывших учеников. Но есть и другие вопросы в анкете. «Участие в общественной деятельности?» — Сто процентов. «Награды, почетные звания и другие отличия за труд?» — Сто процентов. «Членство в партии?» — Каждый третий.

Ответы выпускников заняли почетное место в экспозиции школьного музея.

СЛЕДОПЫТСКИЙ

телеграф

● Каким было «Зерно»

Старым питерским домом по адресу Невский, 110 не зря заинтересовались студенты Высшей профсоюзной школы культуры ВЦСПС, которые ведут поиск по историко-революционной теме.

...В 1906 году Санкт-Петербургский градоначальник дал официальное разрешение, по которому известному литератору Б. Б. Веселовскому позволялось на Невском, 110 открыть издательство и книжный магазин с безобидным названием «Зерно». Откуда было царским начальникам знать, что за спиной Веселовского стоит профессиональный революционер Михаил Сергеевич Кедров, вложивший в новое дело восемьдесят тысяч рублей, полученных по наследству... Одно его имя отпугнуло бы градоначальника, чьи жандармы давно разыскивали большевика за участие в событиях 1905 года...

Организация издательского дела была необходима для партии. Незадолго до открытия «Зерна» только в Петербурге власти запретили три большевистские легальные газеты: «Волну», «Вперед» и «Эхо». Полиция громила партийные издательства и склады. В этой обстановке «Зерно» должно было взять на себя заботы по выпуску нужной литературы. К новому издательскому делу имели отношение только близкие и родственники М. С. Кедрова — надо было сберечь его от провала. В конце октября 1907 года к работе подключился Н. И. Подвойский, состоявший в дружбе и родстве с Кедровым.

Издательству «Зерно» суждено было жить менее двух лет. Но за это время им выпущены в свет два тома собрания сочинений В. И. Ленина, целый ряд его статей, много нелегальной революционной литературы.

Вот что такое был на самом деле дом на Невском, 110...

● Большевик, изобретатель, торгпред

Более двадцати лет назад организован в Первомайской средней школе города Выборга музей имени Александра Михайловича Игнатъева.

Кто он такой? В Большой Советской Энциклопедии есть это имя; против него значится — «советский изобретатель». А. М. Игнатъеву принадлежит немало изобретений. Им сконструирован оригинальный прицельный прибор для стрельбы по воздушным целям. Он изобрел особый самозатачивающийся режущий инструмент, запатентованный в нашей стране и за рубежом, необычный сварочный пресс и лентосварочную машину.

Сказано еще об Игнатъеве, что в 1901 году поступил он в Петербургский университет и что возобновил учебу только в 1911 году. А что же между этими годами? Краткие сведения: «принимал участие в Революции 1905—1907 годов, в 1908-м по заданию ЦК РСДРП выезжал за границу...»

Следопыты Первомайской школы установили место в окрестностях озера Чернявского, где находилась дача А. М. Игнатъева. Дачи давно нет. Но стоит на этом месте стела, на которой высечено: «Здесь находилась дача

видного деятеля большевистской партии А. М. Игнатъева, где в 1905—1907 годах существовал крупный конспиративный пункт по хранению и транспортировке из-за границы в Россию революционной литературы, боеприпасов и оружия».

Александр Михайлович Игнатъев был одним из организаторов боевой технической группы ЦК РСДРП, соратником Ленина. Впоследствии стал торгпредом СССР в Финляндии.

Каждый год ребята Первомайской школы высаживают цветы у стелы на бывшей даче. Столетие со дня рождения А. М. Игнатъева отмечала вся школа: прошли сборы в отрядах, состоялась торжественная общешкольная линейка, была организована научно-практическая конференция «Мужество во имя революции».

● На бывшей Елизаветинской...

Клуб интернациональной дружбы Рижского профтехучилища № 19, названный «Планета», решил проследить судьбу участников собраний и митингов, проходивших в Латвии в начале века, когда занималось зарево революции. Эта работа велась под началом преподавателя истории и обществоведения П. Молотникова. За адресами следопыты обратились к архивам, в редакции, музеи.

Они нашли в Даугавпилсе ветеранов партии, видевших и слышавших В. И. Ленина, — М. Волина, А. Биезайс, А. и И. Ассар, Э. Полиса.

Из города Лудзе ответил членам клуба «Планета» Бернард Цейрулис, голосовавший в декабре 1918 года на митинге рабочих за послание Ленину приветственной телеграммы: митинг был созван по инициативе местных большевиков.

Следопыты профтехучилища раздобыли текст резолюции митинга представителей комитетов бедноты Сакстагальской волости нынешнего Резекненского района. Один из участников митинга, Изидор Брызги, восемнадцатилетним юношей приехал работать на Путиловский завод, принимал участие в забастовках 1905 года, встречал Ленина на Финляндском вокзале в апреле 1917 года. Вернувшись в родной Сакстагал, Изидор Брызги возглавил первую в здешних местах сельскохозяйственную артель «Светлый путь», рассказывал латышским беднякам о Ленине, о большевиках, о том, как он понимает их программу и что делать, чтобы удержать власть в руках народа.

И еще многих людей нашли следопыты. Обо всем этом они рассказали на встрече за «круглым столом», которая на сей раз проходила в доме № 18 по улице Кирова, бывшей Елизаветинской. Восемьдесят лет назад, 2 (14) апреля 1900 года Владимир Ильич приезжал сюда на совещание с рижскими социал-демократами. В память о встрече вождя с марксистами Латвии здесь создана мемориальная квартира-музей В. И. Ленина.

В разговоре за «круглым столом» приняли участие заведующая мемориальной квартирой-музеем Регина Риекстиня и член КПСС с 1912 года, кавалер орденов Ленина и Октябрьской Революции Марта Крустынсон.

СОЛДАТЫ

**Федор
БОРИСОВ**

*Рисунки
С. Сухова*

Конопатый красногвардеец Ванюшка Григорьев вбежал в волревком и, не успев отдышаться, крикнул: — Беда!.. Белочехи на вокзале! — Что? — переспросил председатель ревкома Спиридон Зотович Ленеv. — Не перепутал, Ванюха? — Да вот те крест, дядя Спиридон! Паровоз с двумя вагонами из Челябинска... Охвигер ихний речь шпарит...

— А где Шабуров?

— Там остался.

— Ясно. Собирай дружинников на вокзале. С оружием, понял?

Спиридон Ленеv и его ближайшие соратники — Петр Андреевич Грязнов и Андрей Петрович Коростин — знали о тяжелой обстановке в губернии: Челябинск, Курган захватили белочехи, подняла голову притихшая было местная буржуазия. Ревкомовцы знали, что мятежники появятся в Мишкино, но никто не мог подумать, что это произойдет так скоро. До Челябинска сто шестьдесят километров, до Кургана — девяносто... И вот уже мятежники на станции.

— Похоже, разведка, — сказал Петр Грязнов.

— Я тоже так думаю, — согласился Ленеv.

— Надо ее задержать! — вклинился в разговор Андрей Коростин.

Все ревкомовцы были энергичными и смелыми людьми. Например, в декабре прошлого года Коростин один, по распоряжению совпеда, разрушил пристава, несмотря на сопротивление. Арестовал и доставил его в милицию.

Но на сей раз задержать разведчика не удалось. Когда они появились на вокзале, офицер мятежников стоял на подножке паровоза и кричал на ломаном русском языке:

— Мы хотим помогать... истинный русский патриот... Челябинск свобода, Курган — тоже. Читайте наше декларация, — и он бросил в толпу притихших пассажиров, случайных мужиков, местных лавочников кипу листовок.

— Прекратите! Сейчас же прекратить контрреволюционную агитацию! — раздался твердый и властный голос Спиридона. — Я председатель волревкома. Потрудитесь открыть вагоны и показать груз!

Но офицер приказал машинисту спешно трогаться. Состав дрогнул и стал набирать скорость. Офицер высунулся в окно с новой пачкой листовок. Дмитрий Шабуров прицелился и выстрелил. Пуля попала в руку. Окровавленные листовки плюхнулись на обочину железной дороги. Началась беспорядочная стрельба вслед удаляющемуся паровозу. Но он уже скрылся.

Это был сигнал к действию: Теперь красногвардейцы понимали, что белочехи не сегодня-завтра будут здесь. Среди пассажиров вертелись кулацкие подпевалы Никишка Юрий со своим братцем Афонькой, прозванные Шерманами. Эти красномордые забулдыги постоянно выслеживали то, что близко лежало, служили и нашим, и вашим. Они внесли смуту и беспокойство: «Слышали, граждане, Челябинка свободна, Курган свободен.. А мы че, хуже? Надо отобрать ружья у красногвардейцев, пока не поздно».

Спиридон вскочил на телегу и крикнул:

— А ну-ка, граждане, все по домам!

В ответ послышались злобные выкрики: «Не слушайте, тащите его вниз!» Но Спиридон выхватил из кармана гранату и поднял над головой. Вид у него был решительный.

— Повторяю, граждане буржуи, все по домам. У меня в руках граната, с румынского фронта, привез. Расходитесь, а не то полетите все к чертовой бабушке! А ну!

— Братцы! Истинно граната! — воскликнул неказистый мужичонка, стоящий впереди, — на ерманской видывал. В пух-прах разнесет! — и первым дал такого стрекача, что и лошадь оставил.

— Держи его! — крикнул кто-то.

В это время Спиридон с поднятой в руке гранатой прыгнул с телеги прямо в дрогнувшую толпу. Как от неожиданного проливного дождя, толпа с криками «караул!» кинулась в разные стороны. Впереди всех бежали Шерманы — Никишка с Афонькой.

...На экстренном заседании ревкома в кабинете начальника станции было решено: командиром отряда на-

ДЗЕРЖИНСКОГО

значить Петра Андреевича Грязнова, его заместителями — Ленева и Коростина.

Петр Андреевич родился в семье бондаря Нижнетагильского уезда, окончил реальное училище, был знаком с горным делом, знал бухгалтерию и военное дело. Попал в черные списки полиции за связь с политическими ссыльными. Отец выгнал его из дому. Петр уехал в Миасс и устроился бухгалтером у одного золотопромышленника. Видя тяжелую нужду рабочих, самовольно зависил плату за воденщину. Хозяину это не понравилось. Потеряв работу в Миассе, Петр долго ездил по Уралу, наконец приехал в Мишкино и поступил на мельницу екатеринбургской кулчихи конторщиком.

Здесь свела его судьба с Андреем Коростиним, сыном батрака-саманщика, выбравшегося в люди исключительно благодаря незаурядным способностям. Андрей работал тоже конторщиком — на другой мельнице. Коростин был моложе Петра Андреевича. По молодости он попал под влияние анархистов, но потом понял, что анархия — не тот путь, по которому надо идти. Встреча с Петром Грязновым многое прояснила. Большевик с подпольным стажем понял его и стал ему не просто другом, но и верным единомышленником. Они развернули активную агитацию среди рабочих и к февралю семнадцатого организовали отряд красной гвардии из ста двадцати человек. Вернулся с фронта бывший рабочий мельницы Спиридон Зотович Ленев, вступивший в окопах в большевистскую партию. Ему было тогда двадцать пять. В Мишкино сошлись пути-дороги этих людей.

...Разогнав кулацкую сходку на привокзальной площади, ревкомовцы решали, как помешать мятежникам соединиться. Одни требовали сражения, другие — отхода из-за неравенства сил. Петр Андреевич предложил разомкнуть железную дорогу. Предложение поддержали. Заскрежетали ржавые костыли, полетели под откос смоляные шпалы, рельсы... К вечеру путь был испорчен на расстоянии семи километров. Конечно, ревкомовцы понимали, что это лишь на какое-

то время притормозит приход врага на станцию. Но принимать бой с регулярными частями белых отряду было не под силу.

Уходили скрытно, прихватив с собой лишь винтовку с патронами да краюху хлеба. А Дмитрий Шабуров внезапно гяжело заболел. Решил подождать до утра, авось полегчает, а там догнать свой отряд на лошади...

Но случилось непоправимое. Уже на следующий день появились первые группы карателей. Местная буржуазия воспрянула духом. Купцы Глухов, Хлябов, Тальков и их приспешники встретили белочехов хлебом-солью. Среди них вертелся Никишка Юрин. Этот верзила, девичий сердCEED с блудливыми глазами, еще несколько дней назад славил Советскую власть, а сегодня лез из кожи, чтобы доказать свою преданность новым хозяевам.

Рабочие домишки, особенно семей красногвардейцев, притихли в тревожном ожидании. Никишка Шерман наводил белочешскую разведку на интересующих ее людей. Первой жертвой предателя стал Дмитрий Шабуров.

Каратели нагрянули внезапно, схватили его, связали руки и начали избивать. Они искали оружие. Шабуров молчал.

— Ваше благородие, большевик он, — шептал карателю Никишка.

— О-о! Политик! — усмехнулся офицер.

— Охвйцера вашего изранил, может и вас, вот те хрест! — помахал грязными пальцами Шерман. — А винтовку он спрятал на чердаке. Позвольте мне, я достану.

На чердаке нашли винтовку, завершенную в тряпицу.

— Расстрелять! — коротко приказал каратель. — А винтовку пусть возьмет Юрин...

— Премного благодарен, ваше благородие! — обрадовался Никишка.

Шабурова повели за железнодорожный пакгауз в рощу. Следом за карателями поплыла мишкинская аристократия — любители острых ощущений. Им было интересно, как будут казнить большевика...

Шабурову подали саперную лопату.

— Копай здесь...

Публика гоготала. Шабуров с презрением посмотрел на злобные лица, поплевал на руки и покрестьянски обстоятельно принялся за дело. Он знал, что роет собственную могилу, но духом не падал, вера в правоту большевистского дела подбадривала его.

— Всех не перестреляете! — крикнул Шабуров в тот момент, когда белочехи вскинули винтовки.

...Отряд Петра Грязнова прибыл в Шадринск. Начались суровые военные будни. В составе сводных отрядов мишкинцы приняли участие в семи боях — в Далматово, Богдановиче, селе Сухоложском, на станции Егоршино, в селе Таушкан, деревне Талице и селе Ирбитские Вершины. В этих боях мужал и креп характер воинов. Умелым командиром показал себя Петр Грязнов.

Колчаковцы, заняв важные подступы к Перми, начали обстреливать железнодорожный мост через реку Каму. А этот мост был единственным путем отступления наших эшелонов. В эти минуты казалось, что все останется в руках врага. Бойцы, а также эвакуируемый личный состав военных и гражданских учреждений спешно покидали состав. Произошло замешательство, пробка из сплошной цепи вагонов.

Андрей с пистолетом в руках ворвался в толпу перепуганных людей. Выстрелил вверх. Все стихли.

— Без паники, товарищи! — раздался его спокойный, но твердый голос.

— Так вить... снаряды... Убить могут! — зашумела толпа.

— Все по вагонам! — командовали чекисты. — Сейчас поедем!

Толпа людей колыхнулась, сначала неуверенно, а потом все смелее поворачивая обратно к вагонам.

Андрей между тем допрашивал машиниста головного паровоза.

— Почему не едешь?

— Воды мало, до станции не дотянуть...

— А еще что?

— Так... семья же тут. Уеду и неизвестно — свижусь ли?

Сейчас, все решали секунды. Андрей нарочито медленно доставал пистолет.

Машинист оторопело схватился за управление, пустил пар Состав дрогнул, стал набирать скорость и через несколько минут был уже на том берегу. Но, отъехав несколько километров, поезд вновь остановился — не было воды в котлах.

— Хоть снегом разбавляйся, так в ту же пору! — со злостью бросил старый машинист.

Андрей подхватил мысль:

— А что? Это дело можно повернуть!

Тут же передали команду по эшелонам:

— Собрать все ведра, котелки, чайники!

Составы благополучно добрались до ближайшей станции, где заправились водой и топливом. Этот случай в Перми навсегда остался в памяти Андрея и его соратников.

Учитывая тяжелое положение под Пермью и просьбу Уральского обкома партии, ЦК ВКП(б) 1 января 1919 года образовал партийно-следственную комиссию для подробного расследования причин сдачи Перми, поражения на уральском фронте, а также для скорейшего восстановления партийной и советской работы в районе действий третьей и второй армий. В состав комиссии ЦК ввел Дзержинского и Сталина. Комиссия прибыла на Урал.

Стоял холодный январь девятнадцатого. Но многим штабникам он показался жарче знойного июля. Работала партийно-следственная комиссия, выявляла причины трагического декабря. Докладывали комиссии и армейские чекисты — Бокий, Самсонов, Герцман и Коростин. Они привели конкретные факты засорения штаба армии белогвардейскими офицерами и другими сомнительными людьми, которые через машинистку узнавали распоряжения командования.

Как младший по занимаемой должности, Андрей докладывал последним. Он рассказывал об эвакуации застрявших в Перми эшелонов, об участии работников отдела в схватке с врагом непосредственно на передовой линии фронта, об укреплении дисциплины и воспитании молодых чекистов. Дзержинский не перебивал, слушал внимательно.

— Все это хорошо, — похвалил Феликс Эдмундович. Известно было, что на похвалу председатель ВЧК был довольно скуп. — Но одно мне пока не ясно...

Андрей внутренне насторожился, готовый защищать каждое положение своего доклада, каждый факт. Но, к его удивлению, разговор пошел совсем не о докладе.

— Почему вы, Андрей Петрович, до сих пор не в большевистской партии?

— Считаю себя коммунистом,

Феликс Эдмундович... — смутился от неожиданного вопроса Андрей.

Слушая Дзержинского, Андрей был, прямо-таки поражен его осведомленностью. Председатель ВЧК знал о нем буквально все. И юношескую увлеченность анархизмом, и про экспроприацию чайной фирмы в Челябинске, и то, что по своей инвалидности Андрей не подлежал службе в армии. В конце беседы Дзержинский еле заметно улыбнулся, потрогал пальцами свою бородку и сказал:

— Считайте, Андрей Петрович, что мы поняли друг друга.

В феврале девятнадцатого Андрей был принят в члены большевистской партии без прохождения кандидатского стажа.

...Андрея вызвал председатель Челябинского губкома партии Эйхе, человек большой эрудиции и личного обаяния.

— Обратите особое внимание на контрреволюционные элементы в тылу, в казачьих уездах губернии. От них можно ожидать любого подвоха, — советовал он Коростину. — Мы создаем в Полтавке, Куртамыше и других районах специальные коммунистические роты, вооружаем, как можем. Но все же главная забота ложится на ваши плечи. Действуйте решительно. Мы доверяем вам всецело. Доверяет вам и Феликс Эдмундович. Мы только что говорили с ним по телефону.

— Спасибо за доверие! — поблагодарил Андрей и поспешил в свое управление.

Контра поднимала голову. Наиболее опасным представлялся Троицкий уезд. И, как ни тяжело было расставаться, откомандировал туда Андрей своего друга и соратника — Петра Андреевича Грязнова. Он возглавил там уездную чеку.

Обстановка накалялась. День ото дня становилось все яснее, что враги не сложили оружия, а поджидали удобного случая для своей вылазки. В руки чекистов попало несколько контрреволюционных листовок, отпечатанных типографским способом. Бандиты извещали о формировании «голубой армии», призывали всех недовольных Советской властью вступить в ряды голубоармейцев. «Дни Советской власти сочтены», — писали они. Андрей немедленно собрал оперативный состав и объявил о боевой готовности. Когда закончилось совещание, он оставил в кабинете молодого сотрудника отдела Зимноха.

— Для вас есть особое задание.

— Слушаю, Андрей Петрович.

— Вы должны под видом дезертира из Красной Армии проникнуть в штаб «голубых», войти в доверие и выудить их секреты. Нам необходимо знать точно количество

штыков и сабель в банде, ее расположение, а также план и время наступления. Ясно?

— Вполне, Андрей Петрович.

— Тогда вот вам пропуск! — Андрей подал Зимноху листовку «голубых» и предупредил:

— Спрячьте подальше, переоденьтесь соответственно с личностью, роль которой вам придется изображать. Будьте осторожны и осмотрительны, не забывайте — враг жесток. Связь не устанавливаем, но с выполнением задания немедленно возвращайтесь в Челябинск.

— Все понятно.

Андрей пожал руку разведчику и отпустил его. Этот человек ему нравился. И не только смелостью, но и беззаветной преданностью рабочему делу. Этого парня он заметил еще во время Шумихинской операции.

А дело было так. Со станции Челябинск поступил сигнал, что на восток следует эшелон с анархистами. Властям они не подчиняются, а силой оружия принуждают железнодорожников двигать их эшелон дальше. Сообщение озадачило Андрея. Приказав железнодорожникам задержать анархистов на три часа, Андрей с группой чекистов выехал на дрезине на станцию Шумиха, где обычно менялась паровозная бригада, производилась заправка локомотивов водой и топливом. Всюду развесили таблички с надписью: «На станции тиф». Председатель губчека определил место и характер действия каждого сотрудника ЧК, приказал затопить станционную баню...

И вот состав прибыл. Паровоз набрал воды, загрузился углем, но отправку ему не давали. К дежурному по станции прибежали увешанные оружием анархисты.

— Где начальник? Пачиму не пускаешь шалон?! Или на тот свет охота? Это мы чичас устроим!

— Не могу... Приказ... Санобработка... — перепугался дежурный.

— Ахия санобработка? Мы здоровы, як буган... Пушай!

В помещении появился Андрей. Он был в кожаной тужурке, в армейской фуражке, с черной повязкой на руке.

— Что за шум? Почему мешаете работать дежурному?

— А ты хто такой!? — окрылись анархисты. — Тоже, видать, из санитарной команды.

— Я комендант гарнизона, — сказал Андрей. — Чем вы недовольны? Могу оказать содействие.

Анархисты немного смягчились.

— Да вот дороги не дает...

— Так это же проще простого. Надо сходить в баню и катись, хоть до самого Владивостока!

— Как в баню, пошто?

— Тиф свирепствует, — пояснил Андрей.

Анархисты задумались. Умарать

от тифа им определенно не хотелось. Они побежали к своему главарю советоваться.

А в это время Зимнох, по указанию Андрея, ходил возле вагонов и всюду похвально:

— Эх и баня ж, братцы! За всю дезертирскую жизнь не мылся в такой, то вши заедали!

— Ха-ха-ха! Теперь, значит, того, — выжарил их! — хохотали анархисты. А сами почесывали бока. Баня им и впрямь давным-давно была необходима.

Тем временем из вагона вышел главарь. Это был детина лет тридцати пяти, почти на голову выше Андрея, с руками гориллы и красными от беспрудного пьянства глазами.

— Где тут комендант? — спросил он пропитым голосом.

— Я комендант, — представился Андрей.

— Пачиму стоишь попэрэк дороги? — рявкнул анархист.

— Без бани пропустить не могу. Разве не видите? — Андрей кивнул на огромный щит, где было написано углем: «На станции тиф». Анархист скептически прищурился, вчитываясь в текст.

— Ну да ладно, — махнул он рукой. — Веники есть?

— Есть и веники, — улыбнулся Андрей.

— Эх и баня! — подскокил Зимнох. — Вша заедала...

— А ну, брысь! — брезгливо отмахнулся анархист. — Выходи, братва, в баню приглашает комендант! Из вагонов повыскакивали вооруженные молодчики.

Андрей остановил их, замахал руками:

— Нет, нет, нет! Так вы всех наших банщиков перепугаете! Надо все по порядку... Оружие оставьте под охраной в вагонах, а сами — в парную. Когда вернетесь, помоемся и охрана.

— А что? Комендант разумный человек, — согласился главарь и тут же приказал: — По два братишки на вагон в охрану, остальные — за мной!

Зимнох и группа переодетых чекистов остались у вагонов. Как только анархисты, возглавляемые «комендантом», отошли к назначенному месту, бойцы подразделения губчека тотчас разоружили охранников...

Андрей без улыбки не мог вспомнить эту историю с анархистами и тем не менее понимал, что это лишь удачный случай. Могло быть хуже. Хотя и этот худший вариант он тоже предвидел, вызвав на всякий случай на подкрепление роту местных коммунистов и комсомольцев.

Но предстоящая операция против «голубых» была куда сложнее, и Андрей очень надеялся на Зимноха.

...Бывший царский сотник, он же полковник колчаковской армии, взятый в плен под Челябинском, некто Мировицкий, весной двадцатого года бежал из лагеря. Он пробрался в район Еткульской станицы. Хитрый и расчетливый головорез был встречен с распростертыми объятиями своими подручными Петровым и Кулагиним, а также другими, скрывающимися в лесах от советского правосудия. Они ждали вожака, способного объединить под своим началом всех недовольных, а затем повести весь этот сброд в открытое сражение с Советской властью.

Таким вожакom и стал Мировицкий. Отставные урядники, кулаки и дезертиры потянулись к нему. Банда росла быстро. Именовала себя не иначе как армия. Но не белая, не зеленая, а голубая! Мировицкий поставил дело на широкую ногу. Его помощники соорудили типографию и печатали контрреволюционные воззвания, распространяли их в казачьих станицах. Есаул конского запаса Шундеев и благообразный поправастрига Иоанн встречали призывающих, заставляли присягать белому с голубой полосой знамени, а затем Иоанн исповедовал каждого. Лесной священник легко и быстро снимал мирские грехи.

Однажды к нему подошел молодой курчавый дезертир в поношенной красноармейской форме, но без звездочки на фуражке. Он подал Шундееву, расправлявшему шикарные усы, листовку «голубых». Через плечо, стволом вниз, висела на ремне винтовка французского производства.

— А патроны есть? — спросил есаул.

— А как же, четыре штуки! — поспешно ответил солдат. Это был Зимнох.

Поп Иоанн с особым удовольствием принялся допрашивать Зимноха. Не каждый день в банду приходили молодые люди. А раз они пошли, стало быть, слава голубых воинов растет.

— Что тебя привело к нам, сын мой?

— Должность хочу занять, батюшка! — выпалил Зимнох. — Красные мне не доверяли. Они узнали, что отец мой был уполномоченным адмирала Колчака по закупке лошадей... Погиб, царствие ему небесное! Вот и держали меня в рядовых, а я взял да и убер к вам.

— Добро, сын мой. Только почему же к нам?

— Все бегут к вам. Вот я и подумал: значит, дело клонится к вашей победе. И говорю себе: раз батя служил у Колчака, беги к «голубым», авось какую-нибудь должность дадут.

— Ну, а если не дадут? И от нас пятки смажешь?

— Никак невозможно, отец святой. Я же... отделенного на тот свет

отправил, — заговорщицки подмигнул Зимнох попу. — Было пять патронов, когда на пост шел, а осталось только четыре.

Поп сделал вывод, что перед ним «отрок невеликого ума», но отказываться и от таких не приходилось.

Через неделю «отрок невеликого ума» знал о голубой банде не меньше самого Мировицкого. В ней насчитывалось около трехсот человек. Организация имела боевые подразделения, штаб, типографию, знамя.

Расположение было тщательно замаскировано. Зимнох с немалым трудом выследил к нему подходы. Его не брали на операции, видимо, не доверяли или впрямь считали недотепой. Бандитские набеги возглавляли Петров и Кулагин. Ездил с ними и сам Мировицкий. Однажды, воспользовавшись отсутствием главаря, Зимнох проник в штаб и похитил план выступления. Из плана явствовало, что бандиты наметили выступить против губернского центра в конце августа. Они держали связь с контрреволюционными элементами в городе, которые и должны были поднять восстание.

Медлить было нельзя. Зимнох отправился в поселок Потаповский, где у него был связной — местный крестьянин. Но его расчетам не суждено было сбыться. Оставшиеся в расположении бандиты хватились, что новенького что-то не стало, пустились в погоню. А тут подъехал с двумя бандитами есаул.

— Новенький бежал! — доложили ему.

— Назад! — скомандовал он своим спутникам и первым помчался в погоню за Зимнохом, настегивая коня нагайкой.

Разведчик заметил погоню, но было поздно. Он лишь сумел передать план связнику и приказал: «Немедленно в город, передать Коростину в собственные руки!»

Бандиты схватили Зимноха.

— А, красная зараза, попался! — злорадно выкрикнул есаул. — Вот теперь мы тебе покажем «должность»!

Обозленные лесные бродяги увезли Зимноха обратно в штаб и там зверски его растерзали.

Андрей, получив сведения, тотчас связался с комендантом гарнизона, и в район Еткульской станицы был направлен большой отряд, состоящий из конницы и пехоты. К сожалению, местонахождение «голубых» отряду обнаружить не удалось. Посланец Зимноха не мог указать конкретного места. Разведчик надеялся участвовать в операции самостоятельно, но события развернулись не так, как он рассчитывал. Враг оказался хитрее...

Когда отряд вернулся ни с чем, Андрей решил действовать по-другому. Большому отряду пройти лесами

незамеченным трудно. Скрытно и осторожно можно продвигаться лишь небольшими группами. Андрей поднял роту войск ВЧК и оперативников губчека. Участвовала в этой операции группа милиционеров во главе с начальником горужезной милиции Спиридоном Леневым. Общее командование Андрей взял на себя.

Этот сравнительно небольшой отряд проник в леса незаметно для врага и встретил бандитов возле заимки Шеломенцевых. Завязался бой, длившийся около получаса. Штаб Мировицкого был застигнут врасплох. Чекистам удалось выбить его из леса, многих взяли в плен.

Бандитов судила коллегия губчека. Им предъявили в качестве обвинения в том числе и план нападения на советские учреждения Челябинска, добытый разведчиком Зимнохом. К тридцати четырем активным участникам и организаторам «голубой армии» была применена высшая мера наказания. Андрей Петрович Коростин делал работу большой государственной важности, очищая губернию от вооруженных бандитов.

В годы нэпа, когда частный торговский капитал начал оживленно проникать во все сферы жизни, Коростин выдвинул на должность начальника экономического отделения губернского отдела двадцатидвухлетнего Николая Веренкина. Он знал его еще по работе в военном контроле третьей армии Восточного фронта, где Коля был агентом.

Андрей вызвал Николая Веренкина.

— Получено указание Феликса Эдмундовича Дзержинского: пресекать спекуляцию и всяческие хищения, усилить борьбу за сохранность народного добра. Займись, Николай Степанович, этим основательней и строже.

И Коля Веренкин начал действовать. Поначалу ничего не выходило. Чувствует, вроде бы где-то близко орудуют мошенники, возьмет на подозрение, а проверит документы — все прекрасные люди, документы с печатями и подписями, все честь по чести... Но однажды столкнулся с группой кооператоров, поведение которых ему показалось подозрительным.

Чекист установил, что кооператоры поселились на квартире поблизости от железнодорожного вокзала, у домохозяйки Силантьевой. Дни проводили на вокзале, а вечерами сидели в ресторане. Когда их не было дома, зашел к Силантьевой. Предъявив документ, он спросил:

— Кто и откуда ваши квартиранты?

— Говорят, что заготовители из Нижнего Тагила.

— Чем они занимаются?

— Скупают хлеб и отправляют домой.

Николай связался с нижнетагиль-

скими чекистами. Те сообщили, что названные им люди в системе кооперации не работают... Похоже было, что это спекулянты большого размаха. Коля начал спешно готовить документы для привлечения хищников к ответу.

И тут позвонила Силантьева:

— Ночью жильцы вернулись из Нижнего Тагила, долго возились во дворе, что-то спрятали в дровах. Когда уснули, нашла в поленнице мешочек с каким-то песком... Что мне с ним делать?

Николай ответил:

— Ждите, сейчас буду у вас. Веренкин встретил Силантьеву в условленном месте, забрал мешочек и — на доклад к начальнику губотдела. Был третий час ночи.

Андрей Петрович высыпал на стол темно-серый песок и обратился к Николаю с вопросом:

— Знаешь, что это такое?

— Нет, первый раз вижу, — честосердечно признался тот, еще не понимая, что за песок он доставил.

— Это же платина, драгоценный металл. Немедленно получайте ордер на арест, берите людей и приступайте к операции! — приказал Андрей Петрович.

При обыске чекисты нашли в дровах одиннадцать фунтов платины. Потянуло это на тридцать одну тысячу шестьсот восемьдесят рублей золотом.

— Поздравляю, Николай Степанович, с успехом! — пожал руку Андрей Петрович чекисту.

— Служу трудовому народу!

Гражданская война принесла страшные бедствия, в том числе — детскую безнадзорность, грозившую разрастись в большую национальную трагедию. Не случайно Владимир Ильич Ленин поручил чекистам Дзержинского охрану детей.

Как председатель губчека, Андрей Петрович возглавил комиссию по борьбе с детской безнадзорностью. Он так настроил аппарат своих сотрудников, что каждый почувствовал личную ответственность за судьбу ребенка.

С немалым трудом удалось Андрею подыскать помещение и организовать первый детский дом в городе, носивший впоследствии его имя. Буквально по кирпичику пришлось собирать этот дом. Надо было найти оборудование, посуду, белье, педагогов; желающих воспитывать беспризорников было негусто, но нашлись.

По настоянию Андрея открыли детские дома в других городах и крупных населенных пунктах губернии.

...Подросток, одетый в лохмотья, жался к стенке, как загравленный зверек. Раздобревшая нэпманка — торговка ливерными пирожками —

мертвой хваткой держала пацана и возмущенно кричала на всю площадь:

— Мерзавец! Разбойник! Чертово семя!

— В чем дело, гражданка? — остановил Андрей торговку.

— Вот, гражданин начальник, берите его — и в тюрьму! Ограбил, окаянный! Чуть жизни не лишил... У, звереныш! — подняла она свободную правую руку над головой мальчика. Он, ожидая удара, съежился.

— Бить не смей! — остановил торговку Андрей. — Идите в следственную комнату.

На вокзале была специальная детская комната, где занимался с несовершеннолетними правонарушителями Иван Федорович Григорьев.

— Опять вы, Мерчуткина?! — удивился Григорьев. — Третьего пацана приводит, Андрей Петрович, за одно утро!

— Так, гражданин начальник, никакого сладу с ними нет. Ташут! — жаловалась торговка.

— Сколько? — спросил Андрей.

— Чего? — не поняла Мерчуткина.

— Сколько пирожков стащил этот разбойник?

— А-а... Два, гражданин начальник, на третьем я его подкараулила. Подросток, молчавший до сих пор, вдруг ожил:

— Врет она!

— Как так? — обратился Андрей к мальчику.

— Не два, а один пирожок.

— Да как же один, когда я знаю, что два!

— Довольно, отпустите ребенка! — приказал Андрей, потом достал из кармана деньги. — Вот вам за два пирожка. Получайте и отправляйтесь на свое место.

Торговка удивленно посмотрела на Андрея, не зная, что и подумать. Председатель губчека рассчитывается за какого-то воришку наличными. Что же это значит? «Надо было на три пирога напор держать, авось и за три бы заплатил», — осуждала себя торговка за промаху.

Андрей Петрович выпроводил торговку, закрыл дверь.

— Как тебя зовут? — спросил он пацана.

— Сенькой...

— Родители есть?

— Были, да тятка на войне сгиб, а мамку тиф подобрал, — зашвыркал носом парнишка.

— А почему в детский дом не идешь?

— Дык я уж большой, восьмой год пошел... Прокормлюся как-никак сам собой.

— Ну вот что. Парень ты, как мне думается, еще не пропащий, а стоишь на скользкой дорожке — воруюсь. Это очень плохо, пропасть можешь в два счета.

— Известное дело, могу, — совсем по-взрослому рассудил парниш-

ка. — Но че же делать-то? Отпусти меня отсюда, товарищ начальник, а?

Андрей пожал плечами и миролюбиво проговорил:

— Никто тебя не задерживает, иди! Я ведь хотел тебя только чаем напоить. С сахарином! Давно, думаю, парнишка чай не пил...

— Да ну?

— Серьезно. Поедешь со мной? Мальчонка замялся, стреляя глазами по сторонам.

— Да-а, зовешь на чай, а сам в тюрьму отправишь!

— Вот тебе раз! Тебе же туда неохота?

— Торговка пугала, что начальник Коростин всех таких, как я, в тюрьму сажает, селедкой кормит и пить не дает.

— Да ну? Ай-ай-ай! Плохи твои дела, Сенька! — звонко рассмеялся Коростин. — Слышишь, Иван Федорович, какие глупости болтает о нас буржуазная милость? Есть у тебя желающие еще поехать на чай?

— Двое мальцов где-то спят...

— Веди их сюда, увезу.

Когда Григорьев привел двух мальчишек, оборванных и грязных не меньше, чем Сенька, Андрей Петрович сказал им:

— Вот что, друзья дорогие. Повезу я вас в теплый и светлый дом, где раньше только буржуи жили. Вас там отмоют, наденут чистое белье, накормят, игрушки и книжки дадут, учить будут.

— А не обманешь? — не унимался Сенька.

— Вот вам моя рука. Если обману, можете сразу же уходить, никто держать не станет. Идет?

— Идет! — протянул Сенька руку. К ней присоединились еще две руки.

...На всю жизнь осталась в памяти Андрея Петровича поездка в столицу, на празднование пятилетнего юбилея Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем, преобразованной в Государственное политическое управление. Юбилей был скромным и деловым. Руководствовались указаниями Ленина о том, что лучший способ отпраздновать юбилей — это сосредоточить внимание на недостатках, еще не решенных вопросах. В тот день группе особо отличившихся сотрудников были вручены грамоты Государственного политического управления о присвоении звания почетного чекиста и нагрудные знаки к ним.

Как сквозь сон, услышал Андрей свою фамилию и вышел к столу, накрытому алым сукном.

— Поздравляю вас, Андрей Петрович, с присвоением звания Почетного чекиста! — крепко пожал руку Феликс Эдмундович и вручил Коростину грамоту и нагрудный знак.

— Служу трудовому народу! — уверенно и четко ответил Андрей.

В грамоте ГПУ было написано: «Почетное звание чекиста требует бдительности, решительности и храбрости». А на правой стороне разворота: «От коллегии ГПУ товарищу КОРОСТИНУ АНДРЕЮ ПЕТРОВИЧУ за беспощадную борьбу с контрреволюцией выдан нагрудный знак № 248. Председатель ГПУ Ф. ДЗЕРЖИНСКИЙ». Собственноручная подпись и печать Государственного политического управления.

Андрей был счастлив.

Чекисты школы Дзержинского не случайно вызывают глубокий интерес и уважение у современной молодежи. И смысл здесь не в детективной занимательности, хотя и это немаловажно, а в революционной романтике, в красоте души этих людей. Феликс Эдмундович говорил, что «чекист должен быть чище и честнее любого — он должен быть, как кристалл, прозрачным».

Чекисты легендарных двадцатых своим примером показали, каким должен быть человек будущего коммунистического общества. Среди гвардейцев Дзержинского были и наши земляки — Андрей Петрович Коростин, Петр Андреевич Грязнов, Спиридон Зотович Ленев и их боевые соратники.

ЭТИ УЛИЧНЫЕ ПАРНИ

Записки директора школы

**Леонид
ГОЛУБЕВ**

*Рисунки
Е. Крутских*

ПЕРВАЯ ПЛАВКА

Меня неожиданно вызвали в районный отдел милиции, коротко объяснили суть дела: группа подростков бродяжничает по улицам в районе Уралмаша. Их нужно устроить в интернат.

— Прошу вас встретиться с ребятами. — Подполковник показал на женщину в милицмейской форме: — С лейтенантом поедете.

В подвал мы спустились очень тихо. В дальнем углу около мерцающего огарка свечи собрались подростки. Тот, кто был повзрослее, явно верховодил. Он был в модной цветастой рубашке и джинсах. Вожак ривисовался.

Двое мальчишек вытряхивали содержимое из карманов. Знать, добыча была плохая: глухо звякнуло лишь несколько монеток. Из полумрака появился еще один мальчик. Он вытащил из-за пазухи палку ва-

реной колбасы. К ней тотчас потянулись. Но тут раздался властный голос:

— Не тронь!

— Так ведь это я увел!.. — парнишка обидчиво заморгал.

— Еще разговаривать!.. — Вожак ткнул его в грудь. — Сгинь, Долбарь, я лишаю тебя пайка.

Долбарь покачнулся и, потеряв равновесие, упал.

— Прекрасный ужин сегодня, братишки! — довольно засмеялся вожак и отрезал первый кусок.

— Соловьев, лови! — Он бросил пайку худенькому мальчику. — Ешь, Костя. Ты сегодня больше всех заработал.

Костя на легу схватил кусок.

— А это Жучке... — Вожак подмигнул, отрезая кусок побольше. — Ха-ха-ха!.. Поправляйся, Жучка...

Тот, кого так называли, резко протянул руку, чуть не погасив свечу.

— Иди, Долбарь, ешь... Не обижайся, — разрешил «хозяин».

Тот подошел, рваным рукавом вытер мокрый нос, боязливо взглянул на грозного вожака.

Свеча догорала.

— Теперь спать! — приказал вожак. — Жучка, у тебя нюх собачий. Слушай, чуть что — твякай!

Жучка стал присосабливать под лежанку два деревянных ящика. В это время мы ступили вперед и включили фонарики.

— Поднимайтесь, ребята! — скомандовала инспектор детской комнаты милиции, — выходите, — она показала на дверь, — машина ждет.

Вожак небрежно бросил гитару на плечо и сплюнул:

— Не трудитесь... Козырь все равно убежит!

Так я познакомился с подростком Козырем.

Ребят привезли прямо в интернат, определили в группы.

Казалось бы, в наши дни не должно быть беспризорных ребят, но, к сожалению, они есть.

Перечитывая личные дела моих новых воспитанников, я пришел к заключению, что все эти бродяжки — дети с трудными судьбами.

...Однажды у Артема Козырева кончилось детство. Отец погиб при исполнении служебных обязанностей. Мать слегла в больницу и умерла. За внуком приехала из Крыма бабушка, увезла к себе. Там-то он и свихнулся. Появились дружки. Играли в карты, стали выпивать, по ночам грабили отдыхающих. Заприметил бабушка неладное за внуком, да было уже поздно.

Отправили Артема в специнтернат. Но оттуда он убежал, попал в Свердловск. Здесь и прибрал к своим рукам малолеток. «Заработок» у них был простой — воровство. С утра они расходились по вокзалам, рынкам. Все ворованное доставлялось вожаку.

Ребята понемногу привыкали к жизни интерната. Труднее было с Козырем. Он пытался убежать, воспитателей не слушал, твердил одно: «Меня ждет Крым!» Никакие дела его не интересовали.

— Чтоб вы сгорели со своим инкубатором! — злился он.

Весной Артем исчез из интерната. Болтался по городу. Снова появились дружки. Только сейчас командовал не он, а парень по кличке Граф. Снова воровали, пили. Артема обучали воровскому искусству. Но после того, как однажды вожак зверски его избил, он снова появился в интернате. Деваться было некуда.

После этого случая Артем смирился. Теперь я думал, как лучше занять парня делом. Мы строили хозяйственный двор. Артем работал хорошо, и я решил рискнуть — предло-

жил ребятам избрать его командиром стройки. Парень расцвел у всех на глазах. Большое дело — доверие!

А немного позднее на встрече с нашими шефами, сталеплавильщиками Уралмаша, Артем познакомился с заслуженным металлургом РСФСР, кавалером орденов Ленина и Красного Знамени сталеваром Валерием Дмитриевичем Кузевановым. Эта встреча сыграла большую роль в судьбе Артема.

В воскресные дни многие шефы брали детей из интерната к себе домой. Артем тоже бывал у Валерия Дмитриевича. Кузеванов решил показать ему, как варят сталь. После этого Козырь стал просить сталевара устроить его на завод.

С этим и пришел ко мне Кузеванов. С одной стороны, мне хотелось, чтобы Артем попал на завод, с другой... парню было только шестнадцать. Как он будет совмещать учебу в интернате и производственное обучение? Все-таки решили попробовать.

Артем Козырь стал учиться сталеплавильному мастерству. Дело это пришлось ему по душе, хотя трудностей было немало.

Три дня в неделю торопился в цех. Приходилось выполнять разные работы: уборку, подноску добавочного материала, следить за ходом плавки. Как мне рассказывали, дела у Артема продвигались. Он полюбил завод. По вечерам я все чаще видел его в интернатском кабинете физики, забегал он и в кружок «Юный химик», где менделеевцы проводили разные опыты. Артем понимал, что без знаний физики и химии сталеваром не станешь. Как-то сталевар поручил ему разобрать электромотор. А он не знал, с чего начать. Тот укоризненно покачал головой.

— Не знаешь? А разве в школе не проходили?

Стыдно стало Артему. Нужно было наверстывать упущенное. Я замечал, что парень меняется, подражает во всем Кузеванову: размеренно басил, не торопился с выводами и обычно все делал наверняка. Производственная практика, труд и личный пример сталевара оказали большое влияние на Артема. Кузеванов не читал ему нотаций, а учил жить и трудиться так, как жил и работал сам. Во время скоростных плавок Артему приходилось трудно. Бывали и неудачи.

Учеба у маргеновской печи шла к концу. Владимир Дмитриевич предложил провести встречу воспитанников интерната прямо в цехе: пусть посмотрят, как их товарищ варит сталь. И вот мы с ребятами пришли в маргеновский цех. Артем выполнял обязанности второго подручного. Кузеванов следил за каждым его шагом. Плавка шла к концу.

— Бери пробу!..

Артем схватил большую ложку

в полпуда весом, почерпнул сталь, разлил ее на чугунную площадку — и бегом в экспресс-лабораторию. Вернувшись, доложил сталевару, что сталь готова к выпуску. Все подошли к задней площадке. Артем взял длинную металлическую пику, несколько раз ударил ею в выпускное отверстие — хлынула сталь, и над желобом заиграли голубые огоньки. Артем отскочил от него, поправил на глазах синие очки и сосредоточенно стал смотреть на металл. Он был горд и рад — у него была первая плавка!

Кузеванов, показав на своего ученика, прокричал:

— Мечта сбылась: он стал сталеваром! Артем Козырь — его величество рабочий класс!..

Артем стоял смущенный, радостный и не знал, что делать...

Так Козырь окончил две школы: общеобразовательную и заводскую.

СЕРЕБРЯНЫЕ ПОДКОВКИ

Однажды в детский приемник на Сортировку привезли задержанного на вокзале мальчика лет тринадцати. Мальчишка исподлобья поглядывал на меня и неохотно отвечал на вопросы.

— Звать-то как? — спросил я.

— Ромка... — проговорил, и отвернулся к окну. Он сердито поглядывал на нас, а если и отвечал, то с какой-то злостью.

— На кого злишься? — я легонько коснулся его хрупкого плеча. Он, точно дикий, тут же отскочил в сторону.

Потратив более часа на всякие расспросы, я почти ничего вразумительного от него не узнал. Документов никаких. В кармане лежала завернутая в грязный носовой платок пожелтевшая фотокарточка, которую он сначала упорно не показывал. Наконец сдался — развернул платок.

— Мамка... — прошептал.

На фотографии была красивая молодая женщина. Я приметил в мальчишке большое сходство с этой женщиной: такое же чуть продолговатое лицо, озорные черные глаза и кудрявые волосы. Ромка уже был приведен в некоторый порядок — обмыт, но не подстрижен. Одежонка на нем была неказистая, хотя выстирана, на широких штанах пестрели цветные заплатки. В руках держал скрипку.

В таком-то виде я и привез мальчишку в интернат. Сбежались любопытные, рассматривали странного маленького скрипача. Он, как и в детприемнике, ни с кем не разговаривал. Старшеклассники решили подстричь Ромку, но он поднял страшный шум и крик, а Ваню-парикмахера даже ухитрился укусить.

Пришлось отказаться от стрижки. На зависть всем мальчишкам Ромка остался с кудрявой головой.

Вечером в канцелярии на Ромку заводили личное дело.

— Фамилия?.. — старшая воспитательница приготовилась писать.

Фамилию он почему-то не хотел назвать. Но на обратной стороне фотокарточки прочитали — Рада Кудряш. Так в личном деле Ромки записали: «Кудряш Роман, 13 лет, цыган. Отстал от табора. Подобран работниками милиции на Свердловском железнодорожном вокзале. Отправлен в детский приемник на Сортировку. Поступил в школу-интернат. Ученик 6-го класса».

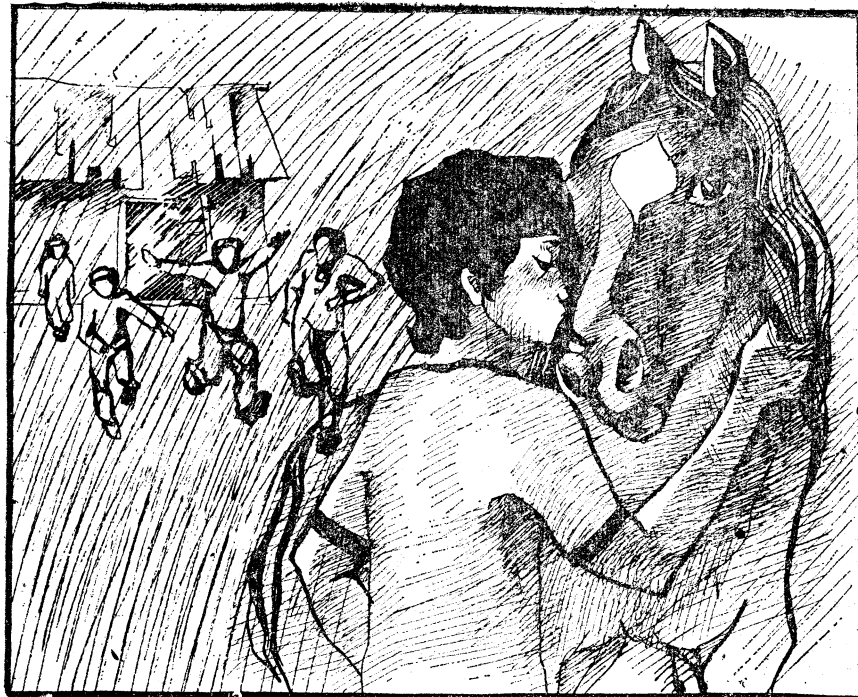
Дни бежали быстро. Ромка по-прежнему оставался трудным по характеру. Никого не признавал, всех дичился. С трудом удалось уговорить его учиться. Но учился лениво. Отсидит уроки и слоняется по интернату. Поздним вечером, перед сном, всегда долго смотрит на фотографию матери. Тяжело вздыхает, так с карточкой в руке и засыпает. Мне подумалось, что ребенок скучает по матери, по цыганской жизни, где для него не существовало никаких писанных законов. Ромка знал одно — целыми днями бродит по улицам со скрипкой, на которой неплохо играл. Пел цыганские песни, плясал. Зарабатывал деньги. Такова была прежняя Ромкина жизнь.

Жизнь в интернате угнетала цыганенка. И однажды Ромка исчез, прихватив с собой новенький комплект одежды. Однако он путешествовал недолго. Наши командеры заметили его на рынке и привезли в интернат. Цыганенок был неузнаваем: в широких плисовых штанах, цветной рубашке, замызанной шубейке и зеленой шляпе. За неделю, как сбежал, он промотал всю казенную одежду. После побега Ромка притих, но учился так же с большой неохотой. Не ладилось у него, особенно по русскому и литературе. В тетрадях выводил каракули. По математике учился лучше. Однажды в классе решали задачу, в условии которой шла речь о лошадях. Ромка весь преобразился. Первым решил.

— Молодчина! — похвалил учитель.

После уроков Ромка рассказал учителю о своей привязанности к лошадям.

У нас при интернате на конном дворе содержались две лошади — Карюха и Орлик. Там работал Степан Иванович Колесников. У него всегда были помощники — ребята его любили. Вот его-то мы и решили сделать Ромкиным наставником. Дядя Степа не слыл особенным грамотеем, но рассказчик он хороший. Бывало, облепят его ребятами и с замиранием сердца слушают о лошадях, которые выступали когда-то у нас на городском ипподроме. Дядя Степа хранил коллекцию фотографий знаменитых буденновских скакунов. Сам еще до войны работал на коне-

заводе в Сальских степях. Там и встречался с маршалом С. М. Буденным.

Трудовая практика заканчивалась у ребят уже перед самым отбоем. Чистили лошадей, задавали им корм, поили. Ромка не отходил от жеребчика — гладил его по волнистой гриве, обнимал за лоснящуюся длинную шею, приговаривал:

— Добрый ты мой скакун!.. Любимый мой Орлик!..

Все это видел Степан Иванович, улыбался:

— Подрастай, Роман, быстрее! — и показывал на жеребца. — Подарю тебе коня. Смотри, какой красавец вымахал! Будешь на нем летать, как на крыльях.

Ромка прыгал вокруг коня. Эх, скорей бы шло время! А дядя Степа подзадоривал:

— Ради такого скакуна и спать не грех!..

Цыганок заводил залихватскую песню, вскидывал вверх руки, раздавались хлопки, начинал плясать. Ребята окружали его плотным кольцом. Цыган выбрасывал замысловатые коленца, ходил волчком, ударял себя по бедрам, дробил ногами. Мальчики в такт плясуну хлопали в ладоши. Это был своеобразный концерт прямо на площадке у конного двора.

Прилип Кудряш к Степану Ивановичу. Слово нитка за иголкой: куда дядя Степа, туда и Ромка Ухаживал за лошадьми, чистил их до блеска. Или придет в кузницу, раздует горн и начинает с дядей Степой ковать подковки из металлической заготовки. Посмотришь на подковку — как будто простая вещица, а

вот попробуй изготовить вручную. Понравилось Ромке кузнечное ремесло. Дядя Степа доволен — из Кудряша получится неплохой подмастерье. Кует и в такт молоту поет — одно загляденье! Весной принес откуда-то тягучую синеватую глину, стал лепить разные фигурки, и лучше всего выходили кони. Целый табунок вылепил. А одного вздыбленного коня «подковал» бронзовыми подковками.

— Ну, Роман, ты у меня просто мастер! — Колесников погладил цыганенка по кудрям. — Так и быть, отныне будешь хозяином Орлика!

Ромка ликовал от радости. Из стойла вывели жеребца. Цыганок вскочил на него, притронулся ногами к бокам. Мальчишки с завистью смотрели на своего товарища. Кто-то крикнул: «Атуй!.. Атуй!..». Рысак с места тронулся галопом. Дядя Степа качал головой:

— Ай да цыганенок!..

До этого он никому не доверял жеребца, а вот Кудряшу сам отдал в руки поводья. Душой поверил, что мальчишка не подведет, станет заботливым хозяином скакуна.

— Ты и впрямь молодчина!.. — сказал он Ромке. — Вот только с грамотой у тебя не идет. Учиться бы тебе...

Послушался Ромка своего дядю Степу. Приналег на учебу. Посадили его за парту вместе с рыженькой веснушчатой Наташкой, которая стала охотно помогать ему одолевать грамматику русского языка.

Шло время. И вот однажды Ромка вместе с Орликом исчез. Искали Кудряша, но он как в воду канул.

Помню вечер, когда красное солнце уже пряталось за верхушки соснового бора. В интернате стояла тишина. В это самое время я увидел, как по улице промчался маленький всадник. Конь птицы перемахнул оградку и, подскочив к конюшне, где возле лошади Карюхи толпились мальчишки, остановился. Из конюшни выскочил Колесников. Кудряш соскочил с Орлика и доложил:

— Дядя Степа, жеребец Орлик доставлен в полном порядке! — Он показал на копыта: — Пригом он обут в серебряные башмачки!..

Старик растерялся, что-то промычал себе под нос, часто заморгал глазами, потом неуклюже обнял цыганенку и расцеловал.

— Непутевая твоя голова...

Только на выпускном вечере я узнал историю о серебряных подковках. Еще в шестом классе ему понравилась рыженькая Наташка, с которой он сидел за одной партой. Ему казалось, что только благодаря ее помощи он закончил восьмилетку. В знак благодарности Роман решил сделать девочке что-то приятное. Пообещал обязательно покатать ее на Орлике.

— Подожди, Натаха, — похвалился Роман. — Придет время, и мой Орлик будет обут в серебряные башмачки!..

Девочка поверила. Роман решил сдержать слово. Смастерил четыре подковки, отшлифовал их так, что они походили на серебряные. Но как подковать коня?.. И тогда он вспомнил, что в Пышме живет кузнец, старый цыган. К нему он и поехал. Цыган подковал Орлика — всем на загляденье! Искусно подрезал копыта, ровно примерил подковки и поставил их на нержавеющей гвозди. Подковки и впрямь получились особые — блестящие, точно серебряные.

— Тебе, Роман, от старого цыгана память! — кузнец легонько подтолкнул подростка к коню. — Скакун у тебя добрый! Гони домой. Знать, уж тебя потеряли...

Через три года после этого в город вернулся цыганский табор, от которого когда-то отстал Кудряш. Его разыскали. Стали уговаривать вернуться. Он узнал, что мать умерла. Отца вообще не помнил. И он наотрез отказался вернуться в табор.

Роман закончил сельскохозяйственный техникум, получил специальность зоотехника. Попросил направить его в далекий сельский племяконезавод, о котором в свое время так много рассказывал Степан Иванович. При заполнении диплома его спросили отчество. Роман вспомнил дядю Степу и без колебания сказал:

— Пишите — Кудряш Роман Степанович!

Кудряш поехал в Сальские степи не один, а с женой. С той самой рыженькой Наташей, ради которой и смастерил серебряные подковки.

ПАСТУШОК

Со слесарем Константином Петровичем Захаровым у меня давняя дружба. С ним я не раз хаживал на охоту. Однажды у ночного костра он рассказал историю об одном подростке, пастушке.

Как-то поздней осенью Захаров возвращался с охоты. На высокой мохнатой кочке он заметил какой-то шевелящийся предмет. Инстинктивно вскинул ружье. Но из-за кочки неожиданно выскочил мальчишка и бросился бежать.

— Эй, пацан! Погоди, куда ты?.. — кричал Захаров.

Мальчик нерешительно остановился.

— Как ты сюда попал? Что делаешь?

— Клюкву собираю... — проговорил мальчик.

Он был рыжеголовый, худенький, нос усеян большими веснушками.

— Ты откуда?

— С Сортировки.

— Родители-то есть?

— Нету.

— С кем живешь-то?

— С бабушкой... Летом пастушу.

Захаров дотронулся до рыжеволосой головенки.

— Ну что ж, пошли вместе, пастушок. Темнеет...

Прошлой зимой у Захарова случилась беда: умер единственный сыннишка. Он поглядывал на пастушка и сравнивал его со своим сыном: такой же был, голубоглазый.

Шли молча.

— Слушай, — Захаров остановился возле большого дома. — Зайдем ко мне...

Мальчик согласился.

— Познакомились в лесу, — объяснял Захаров жене, лукаво подмигнув своему маленькому приятелю. — Покорми-ка нас. Проголодались...

— А сначала давай освежимся, — предложил он пастушку. — Страсть люблю помыться!

Петрович (так звали Захарова на заводе) долго гер мочалкой худенькое тело мальчика и приговаривал: «Мой до дыр... мой до дыр...». После купания сели ужинать. Захаров показал на большую фотографию, висевшую на стене:

— Сынишка... в прошлом году умер... Тебя как звать-то?

— Аркашка.

— Аркашка?! — он обнял мальчика. — Вот так история! Совпадение-то какое... Сына гоже звали Аркашкой.

Жизнь у мальчишки была тяжелой. Мать умерла, когда ему было два года. Отец женился. Старенькая бабушка забрала внука к себе. Он летом пастушил, по вечерам с пацанами лазал по огородам, погребам. Попадал и в милицию. Бабушке предлагали отдать внука в детский

дом, но ей было жаль с ним расставаться. В шестом классе Аркашка просидел два года, в седьмой не пошел...

— На работу бы мне устроиться, — проговорил он.

— Мал ты еще. Учиться надо, а работать успеешь...

Аркашка заночевал у Захарова.

А вскоре у него случилась новая беда — умерла бабушка. Но Захаров не оставил Аркашку, пригласил жить к себе. Он брал своего приемыша на завод, знакомил с работой электрослесаря. Мальчишке нравилось быть среди рабочих. А дома он часами мастерил машинки. Однажды разобрал стенные часы, но собрать до прихода тети Иры — жены Петровича — не успел. Та его поругала и обронила неосторожно: «Откуда ты только свалился?»... После этого случая Аркашка убежал. Несколько ночей провел где-то на задворках, хорошо, что было лето.

Нашел Захаров своего мальчишку. Уговорил идти домой. О прошлом не говорилось ни слова. Петрович часто ходил в школу, где Аркашка учился в восьмом. И тот с трудом, но закончил восьмилетку. А после Захаров устроил его на завод, к себе в цех, обучил электрослесарному делу.

Летело время. Вскоре Аркадий сдал экзамен на электрослесаря — причем на «отлично».

По такому случаю Ирина испекла вкусные шанги, накрыла стол. Аркадий же вернулся домой с подарками:

— Отец, это тебе, — он подал Захарову сверток, потом подошел к тете Ире. — А это вам...

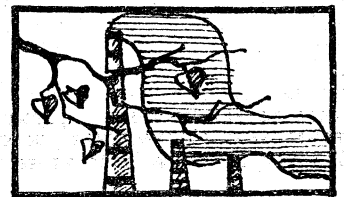
Захаровы развернули свертки. В них были памятные подарки — миниатюрный радиоприемник «Сокол» и хрустальная ваза.

— От меня! — с гордостью проговорил Аркадий. — На первую полчку.

...Из подъезда выходят двое: один седой, грузный, другой — небольшого роста, еще жиденький подросток с ершистыми рыжими волосами. Оба в рабочих спецовках. Ирина весело кричит им с балкона:

— Захаровы! Сегодня не задерживайтесь. Будут пельмени!

И шагают отец с сыном на работу.

ЧТО ТАКОЕ РАЗВЕДКА

**Михаил
ИВАНОВ**

Семнадцатилетний парень из деревни Верхняя Кига Пермской области Михаил Иванов на второй день войны пришел в райвоенкомат записываться в добровольцы. Ему отказали по возрасту. Михаил поехал в облвоенкомат. Отказали и там. Тогда упрямый парень вложил в конверт фото своего отца — Антона Александровича, партизана гражданской войны, снятого с Буденным, и послал прославленному полководцу короткое прошение: «Хочу на фронт!»

Буденный похлопотал за уральца, и Михаил ушел на войну осенью сорок первого, закончил ее именитым разведчиком на Эльбе. Среди наград — два ордена Красной Звезды, две медали «За отвагу», три — «За боевые заслуги».

А после войны сказались раны... Они почти приковывают бывшего разведчика к постели. Но он не сдаётся...

Предоставляем слово ветерану-разведчику.

Весной неудержимо тянет в лес, и, как только подсыхают дороги, я отправляюсь в мой огородик и хибарку на окраине небольшого поселка под Свердловском. И всегда поражаюсь, как быстро трогает запустение место, где долго не было человека.

Припоздаешь с приездом — и туже открываются двери, на половицах земля... А трава! Буйствует и зеленеет даже там, где осенью была тропка. Жалко даже трогать ее...

Так и с памятью. Заживешь тихонько — и поползет травка забвения, затянет вроде и цветом живительным те дымные дни войны, приглушит боль... Может, так и надо? Не вечно же нить солдатским ранам.

Нет, нет! Что, кроме правды, суровой и горькой, вложу я в сердце того вон подростка, метнувшего быстрый взгляд на мои медали? Что я отвечу на немой вопрос этой вот девочки, не успевшей погасить гримасы сострадания моему неуклюжему

переползанию по лестничному пролету?

Какая была война? Усилим воли и памяти, склонившись над листом бумаги, я снова отправляюсь белым от тумана утром в разведку. Востоящую разведку и для тебя, юный друг, чтобы ты знал, почему невозможно не помнить войну.

...Нас двенадцать. Идем в тыл на пять суток — берем по три гранаты, четыре диска патронов, запоминаем пароли... Ведет нас гвардии капитан Токарский, одессит. Как хорошо помнятся фамилии! А лица? Я бы описал каждого из двенадцати, но очень бы похожими мы были... Молодые, вот и похожие. Мне — семнадцать, тому — двадцать, тот еще немного постарше...

Токарский внимательно смотрит на меня.

- Сколько раз в тыл ходил?
- Шесть.
- Часового снимал?
- Нет.
- Снимешь.

Я ловлю его взгляд, устремленный в то место, где у меня кинжал. Машинально проверяю его: остер. Уже после войны я прочту стихотворение про разведчиков. «Ах, как остро снято у нас ножи, прикажи, прикажи, прикажи...» Мы стоим спиной к лесу. Уже опускается туман, забеливает поляну. Природа не перестает быть прекрасной, она как бы напоминает: «Дерево осталось деревом, цветок — цветком, родник — родником; останься и ты человеком...»

А я обязан сегодня убить. Эшелон, в котором я ехал на войну, не дотянул до фронта. Его разбили. Хорошо видел лица летчиков — со злорадством и наслаждением они расстреливали безоружных, как я, ребят. Да, мы ехали на войну, да, были уже солдаты, но бить по беспомощному и с наслаждением?.. Такого врага нельзя уважать. Я сниму сегодня часового, но без наслаждения. Помню еще по школе спокойные и достойные слова Александра Невского: «Кто с мечом к нам придет,

от меча и погибнет...» Вот моя высшая нравственная норма, вот что нарушимо записано в моей совести.

...Мы видим немецкого парня, спокойно отшагивающего свою смену. Наша задача проста — собрать за пять дней в тылу врага как можно больше сведений. Этот широкоплечий парень нам сильно мешает — крепость его я отмечаю к неудовольствию: мой рост не так велик, плечи не так широки... Токарский глазами посылает меня вперед.

Стрелять нельзя, только кинжал. Бросок мой силен, но неточен. Я промахиваюсь, и тут же часовой вскидывает меня вверх. Вижу его испуганно-свиное лицо. Он бросает меня на дно окопа, размахивается... На долю секунды опережаю я — достаю снизу резким ударом.

Бесшумно и быстро проходим... Я возбужден. С трудом слушаются руки. Токарский молча пожимает мне локоть — его форма поощрения. Успокаиваюсь.

Мы в стане врага. Нет, думаю я, — это мой клочок земли. Нет прав у врага! Прекрасные слова выбиты на медалях: «Наше дело правое, мы победили». Остроту своей правоты я почувствовал именно в... разведке.

Мы не идем, а бесшумно скользим. И природа, мне чудится, не перестает помогать — не шумит трава под сапогом, не плещется вода, тушит шорох лес...

Разведчику — первая пуля, но и первая ложка, — так говорили на войне. Всегда в окружении. Мы — зрение и слух.

Хладнокровно пересчитываем технику, запоминаем боевые точки, блиндажи. В бой не вступаем.

Так проходят сутки, вторые, третьи, четвертые. Возвращаемся. То, что можем попасть в немыслимые обстоятельства, помним всегда. Да, кажется, не все благополучно. Противник передислоцировался, и пути отступления забыты невесть откуда взявшейся частью. Может, она отойдет?

Путь один — через болото, но и до него надо добраться... Кончатся продукты. От немцев тянет вкусной едой. И все нестерпимей...

Отходим подальше. Залагаем у дороги и решаем захватить оказию, вдруг там еда. Ждем сутки. Чувствительнее сырость ночью, медлительнее загорается утро. Дорога пустынная. Звенят комары. В сердце заползает безысходность.

Рокоток мотора услышали издалека. Противопехотная мина зарыта на дороге надежно. Короткий взрыв, грузовик с тентом окутывается пылью. Бросаемся вперед. Никому не дать уйти! По нам резко стукнула очередь. Кто-то шумно упал.

В короткой схватке потеряли троих. Трофеи — несколько банок кон-

сервов, машина, три мертвых фашиста.

— Снимите одежду с убитых, — брезгливо говорит Токарский.

Мы недоуменно смотрим на него: еще фашистских тряпок не хватало!

— Снять! — уже резко командует Токарский. Объясняет замысел: трое в немецкой форме поведут к болоту остальных как будто бы пленных.

К счастью, переодеться перепало не мне. План рискованный. Совсем немного чужой язык знает Токарский. Он делает глупое лицо и с ходу громко командует:

— Форвартс! (Вперед!)

...К вечеру выходим к расположению. Смеемся, что легче пройти мимо полевой кухни. Нам феноменально везет. Немцы отужинали, развалились в траве. Многие спят. Мы идем быстро. Я не подымаю глаз. Малейший просчет — и нас перебьют, как курят. Только бы не перейти на бег. Токарский закуривает, я вижу, как он шарит по лицам напряженным взглядом, пропуская нас вперед. Еще метров двадцать — и лощина. Слышно, как поплескивает там ручеек. Токарский пропускает нас вперед, чтобы, если потребуется, прикрыть отход.

Мы — в лощине!

— На цыпочках бегом, — шепчет Токарский. Бежим, оглябая болото. Хлюпает вода. Вот она уже по пояс... Бредем в жиже. Вдруг — вскрик. Оглядываемся: двое исчезли. Сомкнулась ряска. Яма! Не умеют плавать? Минуту стоим, ошеломленные потерей. Но надо двигаться. Я немного плаваю, пристраиваюсь последним — вдруг успею кого выхватить. Бредем по грудь, и нам везет, сильно везет — скоро выползаем на кочкарник. Бежим, перепрыгивая с кочки на кочку.

Грохочет выстрел. Падаем на землю. В чем дело? Кто-то взвел затвор и вот — непростительный промах.

Сейчас с той стороны ударят! Здесь они герои — по малейшему поводу валят десятки снарядов.

Мы уже бежим по-настоящему. Но от снарядов не уйдешь. Они летят слева, справа. Разрывы быстрые, болото как бы вспухает от них. Бьют и с нашей стороны.

Попали в переплет!

Выскакиваем из болота только втроем. Нет Токарского... Грязные, как черти, бредем к своим.

...К нам метнулись тени. «Свои», — успеваю крикнуть я, но получаю почти нокаут в солнечное сплетение. Мы опоздали, пароли перезабыли, да еще один из нас в немецком мундире.

«Я такой-то, такой-то, — устало сообщает молоденькому лейтенанту, — выполняли задание за линией фронта, ведите в штаб».

Лейтенант смущен, по глазам его вижу — верит и не верит.

— В штаб-то я вас отправлю, но с охраной, — говорит он и участливо добавляет: — Подкрепитесь?

— Давайте уж с ходу на место...

Нас ведут по траншеям. Что-то неохота мне гнуть голову на своей стороне, но гну — посовистывают пули. Метров за триста до штабного блиндажа попадаем под артострел.

Из траншеи я выполз один... Мне было девятнадцать лет, и я плакал. Это были слезы не боли и поражения, но и не геройские. Герои, я слышал, не плачут. Как считать, победили мы или нет, если из двенадцати уцелел я один? Правда, благодаря добытым нами сведениям немцам досталось, а от невесть откуда появившегося подразделения остались рожки да ножки. Но мне невыносимо жаль Токарского...

И по прошествии лет я вглядываюсь в молодых парней — такие ли вы? Точнее, можете ли быть такими? Широкие плечи иметь немудрено. Немудрено, в общем-то, иметь покладистый характер, ладить с людьми, слыть приятным человеком.

А у меня не пропадает ощущение, что рядом со мной воевали великие люди.

За тот трагический рейд я получил орден Красной Звезды. Все реже я о нем рассказываю. Все труднее переходить ту линию фронта даже в рассказе. Болят наши раны.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ШКОЛА УРАЛА

Степан
ЯРКОВ

Фото
А. Нагибина

Почти все художники нашего журнала в разное время закончили Свердловское художественное училище. Это и Николай Моос, ныне преподающий в училище, и Зоя Баженова, Александр Банных, Николай Павлов, Сергей Малышев и многие другие.

Вклейку этого номера мы и посвящаем художественной школе Урала. Рассказывает об училище кандидат искусствоведения Степан Петрович Ярков.

Своей ранней популярностью Екатеринбургская художественная школа целиком обязана талантливым педагогам, людям прогрессивных взглядов на искусство. Это и ее первый директор М. Ф. Каменский, брат известного русского скульптора XIX века Ф. Ф. Каменского. Большим уважением среди учеников пользовался преподаватель лепки ученик О. Родена Т. Э. Залькайн, позднее народный художник СССР, действительный член Академии художеств СССР, Герой Социалистического Труда. Интересной фигурой в школе был преподаватель лепки и композиции В. А. Алмазов, автор ряда скульптурных бюстов, три из которых — В. Г. Белинского, Д. Н. Мамина-Сибиряка, Ф. М. Решетникова и сейчас украшают фасад здания центральной детской библиотеки Свердловска. В школе преподавал участник передвижных выставок В. В. Коновалов. Среди преподавателей выделялся разносторонним дарованием А. Н. Парамонов, творчество которого полностью раскрылось уже в советское время. В училище преподавали Л. В. Туржанский, С. Д. Эрзя, И. А. Камбаров и другие известные советские художники.

Среди учеников первого набора был всемирно известный советский скульптор И. Д. Шадр (Иванов), чьи произведения «Бульжник — оружие пролетариата», «Сеятель», «Памятник В. И. Ленину в ЗАГЭСе» и другие составляют гордость советского искусства. Вместе с Шадром учились певец Урала пейзажист И. К. Слюсарев, камнерезы П. М. Кремлев, и И. А. Семиряков.

Великая Октябрьская революция открыла новый этап в деятельности художественного училища, омраченный на первых порах вандализмом колчаковцев, разграбивших школу. Однако, несмотря на трудности тех лет, школа сыграла большую роль в художественной жизни Урала. Ее учащиеся активно участвовали в создании агитационно-массовых форм искусства: выпускали плакаты для «Окон РОСТА», писали панно, лозунги, которые украшали улицы и площади города. В 1923 году художественную школу Урала посетил А. В. Луначарский.

Это было время поисков наиболее эффективных форм обучения. Школа меняла профиль и названия: «Екатеринбургские высшие государственные свободные художественные мастерские», «Уральский практический художественный институт», «Уральский художественный техникум», «Уральский художественно-промышленный техникум», «Уральский индустриально-художественный техникум», «Техникум ИЗО», а позднее «Свердловское художественное училище». Это наименование она носит и по сей день.

В середине тридцатых годов в Свердловском художественном училище определилось новое направление: главным отделением стало живописно-педагогическое,

Воспитанников Свердловского художественного училища можно встретить во всех уголках нашей Родины. Одни из них работают преподавателями общеобразовательных и художественных школ, изостудий, художественных училищ и институтов, другие — в творческих организациях. Основной состав Союза художников Тувы — выпускники училища, почти целиком из выпускников Свердловского художественного училища состоит Курганская организация художников, десятки их успешно работают в организациях Союза художников Москвы, Ленинграда, Киева, Минска, Алма-Аты, Новосибирска, Томска, только в Свердловске больше половины членов Союза художников — выпускники училища.

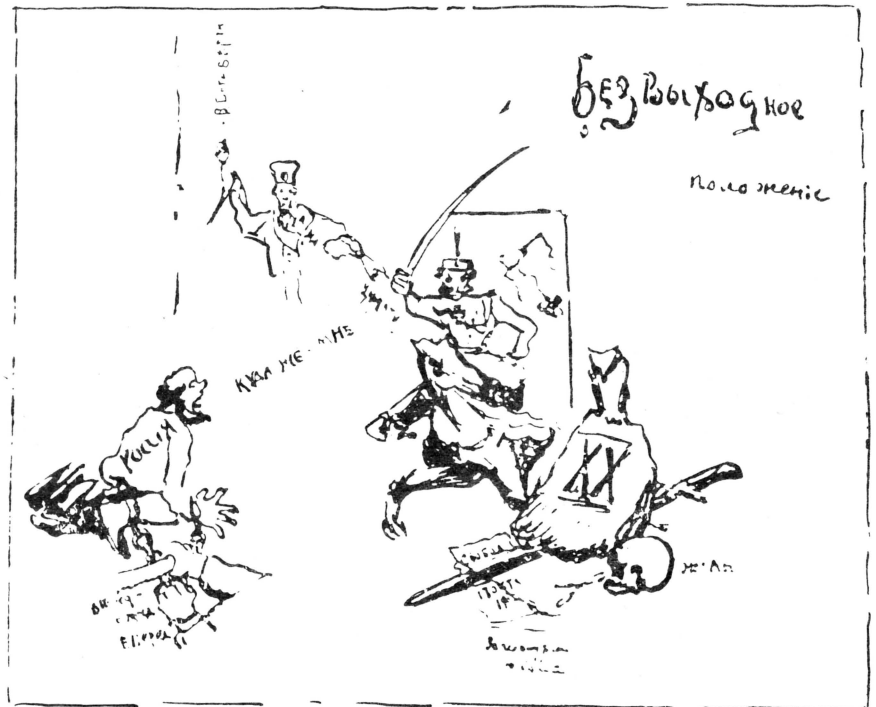
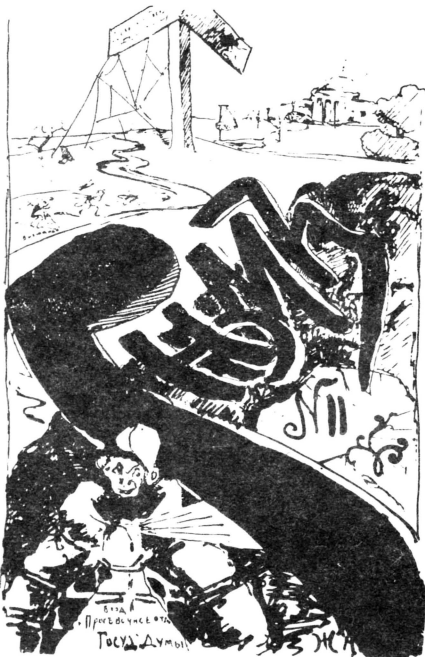
Творческая деятельность многих выпускников Свердловского училища, работающих в разных областях искусства, отмечена высокими званиями: народные художники РСФСР И. И. Симонов и Е. Н. Широков, заслуженные художники республики В. М. Волович, П. П. Блок, Г. П. Гаев, Е. И. Гудин, В. С. Золотавин, А. П. Зырянов, В. С. Зайков, А. А. Шумилкин, заслуженный деятель Украинской ССР, профессор Киевского художественного института И. М. Селиванов, заслуженный художник Украины В. В. Панфилов, заслуженный деятель искусств Белоруссии, заведующий кафедрой живописи Минского театрального института П. С. Крокалев, заслуженный деятель искусств Казахстана Н. С. Гаев, заслуженный архитектор РСФСР Г. И. Белянкин, заслуженный работник культуры РСФСР Д. М. Ионин.

Училище и сегодня является кузницей художественных кадров Урала.

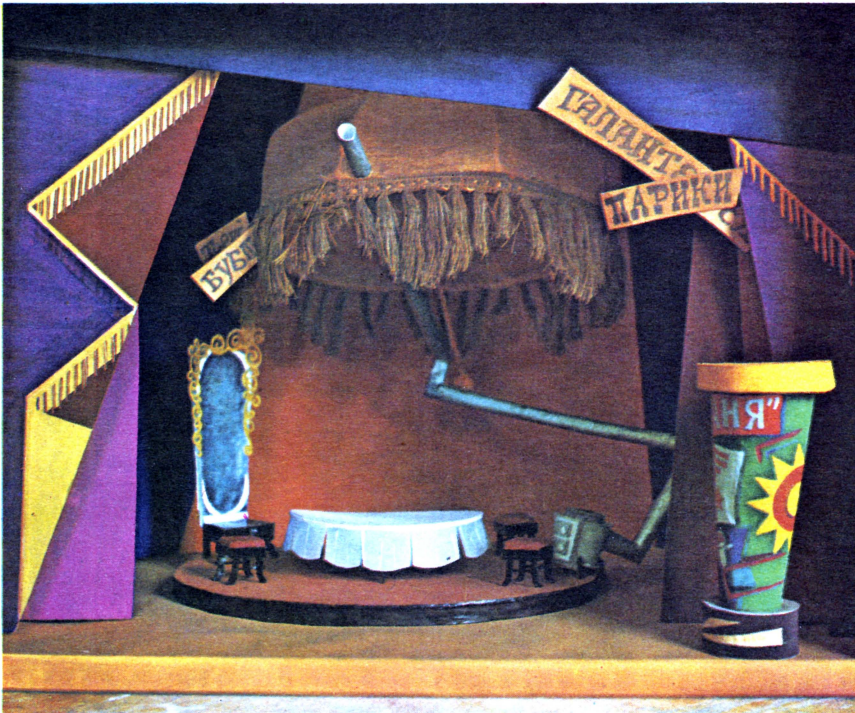
И. К. СЛЮСАРЕВ. «Уральская осень» (картон, гуашь)

И. Д. ШАДР. Рисунки.
«Безвыходное положение», 1906 г. ►
На обложке журнала «Гном», 1906 г.

В мастерской
училища —
выпускники
1980 года

Е. КИРПИКОВА. Оформление спектакля В. Маяковского «Клоп», 1979 г.
[макет]

В. ВОЛОВИЧ. Иллюстрации. Ж. Бедье.
«Роман о Тристане и Изольде»,
1979 г.

Е. ГУДИН. «Северный пейзаж»,
1979 г. (холст, масло)

А. КУКЛИН. «По этапу», 1966 г. {холст, масло}

Л. КУЛИШ. В гости, 1978 г. {холст, масло}

Л. ОРЛОВА. У старого тополя, 1978 г. {холст, масло}

ЧУДАК-ЧЕЛОВЕК

Валентин
САФОНОВ

Рисунки
Н. Мооса

1
Это с каждым бывает. Непременно. Однажды, в какой-нибудь пасмурный или, напротив, отчаянно веселый день своего бытия, вдруг озадачишь себя вопросом. Таким, к примеру: почему это, парень, жизнь твоя сложилась так, а не иначе? Почему в это русло направленной оказалась — не в другое?

Так вот и я спросил себя однажды: а почему ты, парень, моряком стал? Какая сила еще в детстве-отрочестве тебя на палубу потянула? Вырос в самой что ни на есть степи, на южном краешке сухопутной Рязанской области. Разные там корабли-пароходы только на картинках и видывал. А тропинку из вышеназванной степи к самому синему морю-океану протоптал. Почему так оно получилось?

Думал я, вспоминал. Молодость ворошил, юность. Все не то, все не так. Но когда дошел памятью до начальной точки своей жизни, до мальчишеских ранних годочков, — будто с мертвых якорей снялся. Все на свои места поставил. Потому что из той дальней дали, из первых послевоенных лет глянул на меня, улыбнулся мне дядя Ваня.

2
Раз в году, в день своего рождения, дядя Ваня вспоминал, что в молодые свои годы служил на флоте. И снова становился моряком: натягивал на себя видавшую виды темно-синюю суконную рубаху, влазил в широченные черные клеши и, метя ими землю, выходил во двор. Высокий, негнувшийся, не человек — живая мачта. Блеклые добрые глаза его весело подмаргивали нам из-под седоватых густых бровей. А мы не отрывали глаз от ленты на его бескозырке. На ленте — золотые и тоже блеклые — семь букв сверкали, сливаясь в одно слово: «ОЧАКОВЪ».

— Полный назад, корсары! — командовал нам дядя Ваня, видя, что мы готовы увязаться за ним. — Ждать меня к вечеру.

— Есть ждать к вечеру! — браво отвечал я.

А Егорка ничего не отвечал, потому что один раз в году Егорка забывал все слова. Немел, замороженный волшебным действием, чудом превращения. По прихоти судьбы мы становились свидетелями и даже персонажами переименованной на свой лад, но все той же классической сказки о Золушке: отмыв копыт с лица, сменив стеганые штаны и драную фуфайку трубочиста на костюм моряка, дядя Ваня в нашем воображении поднимался на высоту, недоступную принцам. И только Оська, едва дядя Ваня отходил на несколько шагов, скороговоркой верещал ему вслед:

— Мыряк-с-печки-бряк-рыстянулся-как-чирвяк... Мыряк-с-печки-бряк...

Мы бы вздули Оську, если бы не его отец. Круглый и маленький, похожий на медный пузатый самовар, Григорий Ефимович стоял здесь же, во дворе, и качал головой, ласково приговаривая:

— Чудак-человек! Пра сло, чудак...

«Это он, наверно, прс дядю Ваню»,— догадывались мы. Потому что всякому понятно, какой же Оська человек... А меня и Егорку Григорий Ефимович величал не иначе, как братья-разбойники. «Башибузуки,—каждодневно выговаривал он нашей матери,—пра сло, нехристи. Только это я вздремнуть примощусь—у них самые события...»

Но в день дядиваниного рождения мы не гоняли тряпичный мяч во дворе, не запрягали в одноколесную тачку вислоухого Шарика, даже в Чапая не играли. Сидели смиренхонько и рисовали по догадке море и корабли, чтобы вечером подарить картинки дяде Ване.

А в тот праздник, про который я сегодня вспоминаю, мы с Егоркой мастерили фрегат. Я выпиливал из березового полена корпус корабля, а Егорка кроил паруса из носовых платков—моего и своего.

— Все равно они не нужны нам,—шмыгая носом, убеждал меня и себя Егорка.—А маме скажем, что потеряли.

«Так она и поверит»,—подумал я.

А потом мы чуть не подрались. Егорка хотел, чтобы у фрегата было имя «Очаковъ». А я воспротивился, забрал фрегат и пошел себе. Егорка закричал вслед, чтобы я отдал ему весь рангоут—паруса и мачты. «С какой стати?—засмеялся я.—Мой платок был больше...» Тогда он надумал пустить слезу, но я взял кисточку и вывел черной краской на голубом борту: «ДЯДЯ ВАНЯ». И тут Егорка раздумал реветь и протянул мне руку. Помирились мы.

Смеркалось, когда дядя Ваня появился во дворе. Он шагал, заложив руки в карманы и чуть покачиваясь. Так, теперь я знаю, ходят моряки на палубе корабля, когда море штормит.

— Подставляйте бескозырки, пираты,—велел

он нам и насыпал мне и Егорке по целой панамке карамелек в зеленых бумажках.

— А ты чего же? Ждать заставляешь,—подстегнул он Оську.

— Я щас, мигом,—живо откликнулся Оська и, не сняв панамки с головы, сбежал домой, вернулся с отцовской фуражкой: — Сыпь сюда, дядя Ваня!

Ох, жила!

Мы выволокли из сеней большое цинковое корыто, налили в него воды из колонки. Спустили на воду наш фрегат.

— Это будет Балтийское море!—торжественно объявил Егорка. И стал раскачивать корыто. Вода зарыбила, плеснулась через край.

— Это, понарошку если, морская буря!—придумал Егорка.

— Шторм без ветра не бывает,—строго сказал дядя Ваня и, став перед корытом на колени, принялся дуть в паруса фрегата. Я тоже опустился на колени с другой стороны корыта и тоже стал дуть. И наш фрегат весело забегал по всему «Балтийскому морю»: от меня—к дяде Ване, от дяди Вани—ко мне. А Егорка творил бурю: не жалея воды, колыхал корыто. Нам было весело—выкрикивать морские команды, хлопать в ладоши, смеяться.

Оська сидел на скамеечке рядом со своим отцом—такой же начищенный самоварчик, только без пуза еще,—подпирал лопатками стену нашего двухэтажного коммунального «скворечника», смотрел на нас и, опустошая фуражку, жевал карамельки.

— Гляди, какая у него физия кислая,—шепнул мне Егорка.—Будто карамельки вовсе не вкусные.

— Пойди, дай ему шоколадку,—посоветовал я.

— Чего захотел—шоколадку!—облизнул сухие губы Егорка.—Лучше я ему по шее дам.

И так качнул «море», что фрегат вылетел из корыта.

Дядя Ваня бережно поднял кораблик, обмахнул с него воду огромной своей лапишей, поправил паруса.

— Вы мне его насовсем дарите, да?

— Насовсем,—заверил я.

А Егорка добавил:

— Мы вам еще сделаем. Целых десять штук. Во!

— Еще не надо, мальчики,—очень тихо сказал дядя Ваня.—На этом спасибо.

И добавил с грустной усмешкой:

— Вот и моим именем корабль поименовали. Высокая честь, юнги, адмиральская...

Он прижал кораблик к груди, к сукну матросской рубахи, отвернулся и побрел к дверям дома. Честное слово, в эту минуту грубо вырезанная деревянная чурка с тряпицами парусов на тонких прутиках мачт показалась нам пре-

краснейшим из всех творений рук человеческих. Мы упивались неслыханной своей щедростью, царским своим великодушием, и не видели за всем тем, каким он, дядя Ваня, был в эти минуты, у порога своей квартиры. Сгорбленный, с головой, втянутой в плечи, он совсем не походил на того высокого, сильного моряка, который час назад оделял нас карамельками.

Дети, как я теперь понимаю,—самые добрые существа на земле и в то же время самые большие эгоисты.

— Чудак-человек,—вслед дяде Ване ласково пропел со скамеечки Григорий Ефимович.— Поди, все село навзрыд хохотало, когда он— в форме-то!—в чайную наворачивал, медные гроши свои тратить.

Я посмотрел на него, на Оську. Умиротворением, вечным покоем веяло от сытенькой фигуры Григория Ефимовича. И Оська, в тесном соседстве с отцом, безмятежно наслаждался карамельками. А рядом со мной сопел и сопел Егорка и вдруг, вздохнув обреченно, рукавом рубахи снял из-под носа набежавшую было каплю. Я дал щелчка ему в лоб и приказал:

— Пошли ужинать, салага.

3

После ужина дядя Ваня постучал в нашу дверь.

— Хотел вот посидеть с ребятами,—несмело сказал он матери.— Праздник у меня сегодня.

— А чего же, посиди,—охотно согласилась мать.— Чай, не убудет их.

И сама устроилась со спицами у стола.

Обрадованные, мы с ногами забрались на большой, покрытый самотканым ковриком сундук. Дядя Ваня уселся напротив, на табуретке, которую называл до смешного непривычно—банкой. «Вот,—сказал, подвигая ее,—и банка мне».

— Про что будем разговоры плести, флибустьеры?—спросил он.

— Про что будем разговоры вести?—зачарованно повторил Егорка.

Я ткнул его в бок и ответил за него и за себя.

— Про море, конечно. И про корабли.

И мы долго говорили про море и про корабли. Про то, почему на ленте у дяди Вани «Очаконь» написан с твердым знаком. Про то, какие есть на белом свете удивительные страны. И про то, как плавают в море киты и как охотятся на них с гарпунной пушкой. Еще—про айсберги: бродят они по волнам, повитые дымкой туманов, на три четверти укрытые волной,—поди угляди такое чудовище! Не любят их моряки.

— А в революцию,—тихо сказал дядя Ваня,—в революцию балтийские матросы пошли за Лениным, Советскую власть во всей России устанавливали.

— И ты тоже?

— А как же!—укоризненно взглянул на меня дядя Ваня.—Я Ильича видел. И речь его слушал. Перед тем, как на фронт против царского адмирала Колчака идти. Разбили мы тогда адмирала...

— Старый ты, дядь Вань,—вздыхнул Егорка.—Вон когда еще воевал.

Дядя Ваня не обиделся.

— Старый, верно. Только и последняя война меня не минула—пригодился я: у Сталинграда баржи водил по Волге...

Потом мы пели. Про «Варяга». И про то, как «раскинулось море широко». Долго пели. В этой песне дядя Ваня помнил каждую строчку, и мы с упоением и не раз повторили самые жалостливые, в которых «напрасно старушка ждет сына домой». От песни этой плакать хотелось. Я все поглядывал на маму и думал, что вот вырастем мы с Егоркой и станем, как и дядя Ваня, моряками. А мама к тому времени превратится в старушку. И будет ждать нас из плаваний, тосковать о нас. И это, наверно, очень неплохо, когда кто-то ждет тебя дома... А когда мы в новый раз завели этот куплет, пришел из своей квартиры Григорий Ефимович и, раздувая щечки, закричал, что это форменное безобразие, что мы мешаем жильцам спать, что есть такой закон, по которому после двенадцати даже вслух говорить нельзя—только шепотом, и что он будет жаловаться.

— Чудак-человек, у нас праздник, а вы...— вслух возмутился Егорка, но мама не разделила его возмущения—шлепнула Егорку по затылку, а дядя Ваня скомандовал нам:

— Отбой!

И мы нырнули в постели.

Дядя Ваня ушел не сразу. Задержался у двери и—слышали мы—тихо говорил матери:

— Счастливая ты, Антонина. Хорошие у тебя мальцы растут, душевные. Безотцовщина, коли разобраться, но достойны погибшего на войне батьки. А я вот живой-здоровый, да не пофартило...

— Не рви себе сердце,—невпопад перебила его мама, поднимая голову от вязанья.— Не надрывай себя, Алексеич.

Дядя Ваня закашлялся, махнул рукой, толкнул дверь от себя.

4

Через два дня мы уехали в пионерский лагерь. А когда вернулись недели спустя—тотчас засобирались к дяде Ване. Егорка хотел отнести ему какую-то необыкновенную оранжевую стрекозу. Засушенную, он берег ее пуше глаза. Мне нечего было нести. Мне просто-напросто нужно было поговорить с дядей Ваней, посоветоваться по страшно секретному делу. Я надумал убежать из дому. Из самых благородных побужде-

ний надумал. Матери было трудно прокормить нас — мы с Егоркой росли, и вместе с нами рос наш аппетит. А убегу на море, Балтийское или Баренцево — неважно, поступлю юнгой на корабль. Чем время терять понапрасну, за школьной партой штаны протирать, настоящему делу выучусь. Пусть только дядя Ваня подскажет, на какой корабль надежней проситься: на линкор или на крейсер. Где кормят лучше?

— Нету дяди Вани, — сказала нам мать, вовсе не догадываясь о моем коварстве. — Сидите, братцы, дома.

— А где он? — в один голос спросили мы с Егоркой.

— В город уехал. К дочери.

— К Варьке?

— Я тебе задам «к Варьке»! Как ты взрослых называешь? — непривычно громко закричала мать и замахнулась на меня.

— Все равно она Варька! И дура набитая! — не смирился я и выскочил за дверь. Егорка — за мной.

Мы шли, куда глаза глядят, и наши босые ноги купались в дорожной пыли. А мы отчаянно размахивали руками и, перебивая друг друга, вспоминали, какая она, эта Варька, и не могли поверить, что дядя Ваня уехал к ней.

— Помнишь, — захлебывался словами Егорка, — помнишь, как она нашу маму колхозной бабой обозвала?

— А ты помнишь, как мы ее на вокзале встречали? Про сирень помнишь?

Мы втроем ездили на вокзал. Прошлой весной. Дядя Ваня огромный букет сирени дочери протянул — от пояса до макушки укрыл ее цветами и листьями. А она взяла сирень, ткнулась накрашенными губами куда-то за дядиванино ухо, а потом букет мне протянула:

— Подержи, кавалер, минуточку.

Да так и не вспомнила о нем. Когда домой приехали, Егорка побежал к дяде Ване спросить, что с ней делать, с сиренью этой. А дядя Ваня махнул рукой.

— Делайте, что хотите...

Так вот и шли мы, и вспоминали, и Егорка вдруг изрек непримиримо:

— Неправда это!

— Что, Егорка, неправда?

— Не мог он так, чтобы нас бросить и уехать к Варьке, — пояснил Егорка и подлюбопытствовал: — А куда это мы летим как угорелые?

Мы остановились и сразу же увидели Оську. Он катился нам навстречу — новый медный самоварчик на ножках-колесиках, и сияние от его улыбки во весь рот напоминало блеск юбилейной медали.

— Эх вы, прокатали в лагерь — так ничего не знаете. Хотите, скажу?

— Проваливай, Оська, не до тебя нам! — отрубил я.

— Проваливай! — подтвердил Егорка. — Поколотим!

Но желание поделиться не ведомой еще нам новостью пересилило все страхи в заячьей Оськиной душе.

— А я тонул! В речке! А меня еле спасли! — радостно выкрикивал он.

— Напрасно спасли, — неумно съязвил я. — И какой только чудак полез за тобой?

— Дядя Ваня полез... — Оська вдруг осекся, мазнул пятерней по своему лицу — улыбку стер. Повернулся к нам спиной. — Я пойду, отец ждет...

— Погоди, — взял я его за плечо. — Ты чего замолчал вдруг? Где он — дядя Ваня, куда уехал?

Оська побледнел. Нижняя губа его вздрагивала мелко и часто.

— Договаривай, Оська.

Он утупил глаза в землю, голос у него сорвался, стал тонким.

— Я не виноват... Он сам... Никто его не просил... Когда из воды вышел — сердце разорвалось... Старый уже был...

Что-то хрустнуло под ногами. Это Егорка выронил коробочку с оранжевой стрекозой и нечаянно наступил на нее.

Я не убежал из дому, не нанялся в юнги. Глупости все это — понял в тот день, — надо учиться. Пусть и голодноватой порой, и холодной на земле без дяди Вани стало, а надо учиться.

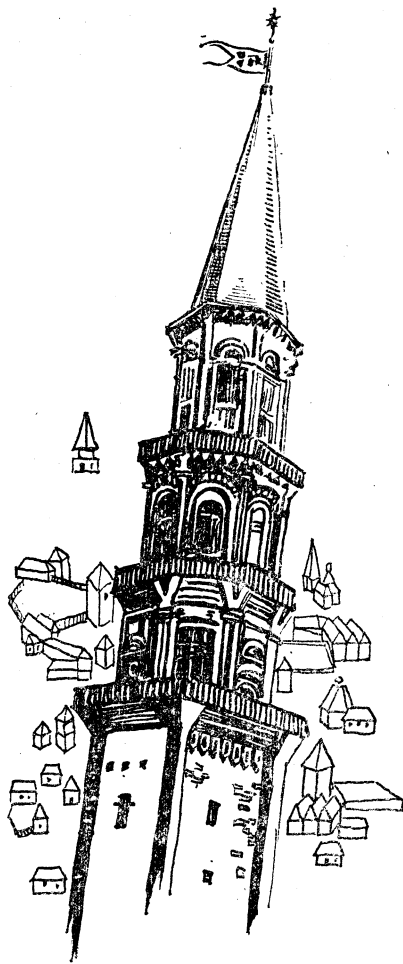
Когда пробил мой час надеть шинель — пришел в военкомат и попросился на флот.

ЛЕГЕНДЫ И БЫЛИ НЕВЬЯНСКОЙ БАШНИ

Игорь
ШАКИНКО

Рисунки
З. Баженовой

В один из морозных январских дней 1744 года до Невьянского завода — горной столицы ведомства Акинфия Демидова — добрался с Алтая посольный, преодолев более двух тысяч верст сибирского бездорожья со скоростью, с какой не ездил ни один самый срочный правительственный курьер. У Демидова с горным Алтаем была своя великолепно налаженная связь. Посольный передал грозному властелину письмо приказчика Кольвано-Воскресенских заводов, в котором тот, кроме разных заводских дел, уведомлял, что после окончания контракта выехал в Петербург саксонский штейгер Филипп Трегер. Но уехал не просто так, а с обидой на хозяина завода. Перед самым отъездом, сообщал приказчик, хмельной штейгер говаривал знакомым, что известит в столице о кое-каких кольванских делах и что извет уже приготовил...

С этим письмом Акинфий Никитич просидел целый день один, никого к себе не допуская. Умный и опытный хищник сразу же почувствовал опасность. Он понял, что если этот проклятый саксонец, по его хо-

зяйскому приказу выпоротый плетью за промашку в деле, объявится в столице, то ему, Акинфию Демидову, несдобровать: есть грехи, за которые не пощадят даже самого могущественного горнопромышленника России.

И, несмотря на январскую стужу, на свои шестьдесят шесть лет, на недомогание, он приказал немедленно готовить свой возок с дворянским гербом, отобрать лучших лошадей да загрузить две подводы подарками.

И не успел посольный еще прощаться после долгой изнурительной езды, как Акинфий Никитич вместе с самыми верными приказчиками и телохранителями уже отправился в свой длинный и трудный путь. В дороге он гневался из-за любой, даже самой малой задержки, не жалел ни лошадей, которых меняли на его же, демидовских, постоянных дворах, раскиданных на всем пути от Невьянска до Петербурга, ни своих людей, которым не было ни часа покоя, ни самого себя; отказался ночевать под крышей, спал на ходу, прямо в возке, закутавшись в огромный тулуп.

Прибыв же в столицу, уже не торопился, не светился, но и времени зря не терял. К своему новому милостивцу, барону Ивану Черкасову, личному кабинет-секретарю императрицы, Демидов явился с такими подарками, что даже привыкший к подношениям барон был польщен чрезвычайно. В ближайшие же дни уральский заводчик нанес визиты еще некоторым придворным, находившимся в особом фаворе у императрицы.

И, получив в феврале «высочайший случай», пал в ноги императрице Елизавете Петровне, преподнес ей двадцатисемифунтовый слиток золотистого серебра и на словах объявил, что выплавил это серебро впервые и совсем недавно на его Кольвано-Воскресенских заводах «чрез искусство» его мастеров из вновь найденных руд. А поскольку

Окончание. Начало в № 9.

серебряные руды — это уже государственный интерес, то просил для «подлинного освидетельствования» этих руд прислать к нему на Алтай «сведущего доверенного чиновника». И еще просил Акинфий Демидов, чтобы быть ему отныне со всеми заводами, и с детьми его, и со всеми мастеровыми и работными людьми под ведением единственно всепресветлейшей державнейшей государыни императрицы, а больше бы никто в его заводские дела не вмешивался.

И на все свои просьбы получил Демидов милостивое высокомонаршее обещание...

Но это уже одна из заключительных страниц долгой и странной «серебряной истории», завершившейся вынужденным, но поистине царским подарком Акинфия Демидова. Мы имеем в виду не серебряный слиток в 27 фунтов, а богатейшие алтайские рудники и заводы, превратившие Россию в серебряную державу. И это не преувеличение. Историки позапрошлого столетия заговорили о наступлении серебряного века. В начале царствования Екатерины Второй генерал Ганс Веймарн, тщательно изучивший состояние Колывано-Воскресенских рудников и заводов, восторженно сообщал императрице, что «не только в Российской империи, но и во всей Европе в рассуждении изобилия и богатства оных руд» алтайские серебряные рудники «бесспорно из всех известных рудокопных мест богатейшими почтены быть...» Аккуратный немец пришел к этому выводу только после того, как дотошно, оперируя цифрами, проанализировал состояние самых крупных в мире серебряных копей. В крупнейшем отчете, преподнесенном императрице, Веймарн показал, что ни американские, ни норвежские, ни австрийские, ни саксонские серебряные рудники нимало не сравняются с великим богатством подземных сокровищ Алтая.

Веймарн оказался прав. Ежегодно колыванские караваны стали привозить с серебряных рудников до тысячи пудов серебра и несколько десятков пудов золота. Ни одно месторождение в мире не давало в то время такого количества драгоценного металла.

Но это уже потом, когда началась, так сказать, официальная история алтайских серебряных рудников, состоящая больше из статистики, чем из событий и происшествий. А перед этим была другая, потаенная история поисков и открытия алтайского серебра. Ее страницы долгое время оставались непроцитированными. Почти никто не знал ничего достоверного об этом важном событии века... И все-таки оно было отражено в легендах о Невьянской башне, хотя и в полудантасической форме. Но недаром говорят, что нет дыма без огня.

Фантастические слухи о неведомых землях на северо-востоке, куда лишь изредка добирались караваны и привозили оттуда меха, золото, серебро, драгоценные камни, доходили еще до древних греков и римлян. Позднее «за Камень» стали проникать дерзкие новгородцы. Но затем татарский шит загородил им и другим русским дорогу на восток.

Со времен же Ермака распахнулись для московитян ворота в сибирскую Азию. И по указу государя, и на свой страх и риск русские землепроходцы — казаки и охочие люди — всего за несколько десятилетий прошли «встречь солнца» тысячи и тысячи верст, дошли до края сибирской земли и умылись водой из Великого Океана. Русским открылись огромные просторы, изобильная и вольная страна, куда можно уйти от обид помещика, воеводы и церкви. И в Сибирь устремилась энергичная народная вольница — упрямые и строгие раскольники, отважные артели лихих людей, охотники за пушным зверем и просто авантюристы, мечтавшие о наживе. Но сибирская одиссея не была похожа на колонизацию Америки, ибо главным ее героем стал не конкистадор с оружием, а русский крестьянин с сохой. В новых просторных местах он рубил избы, расчищал под пашню дикую тайгу, сажал хлеб, разводил скот, сближался с местными народностями. Не обходилось и без стычка, но это было редко. Не кровью, а потом завоевал русский человек сибирские земли.

Вместе с петровской эпохой начался новый этап урало-сибирской одиссеи. Загадочные просторы уже манили иных первопроходцев — ученых, рудознатцев, мастеровых. Таинственная и непонятная Северная Азия рождала неистребимое любопытство и вызвала страстную жажду новых, доселе невиданных открытий.

Петр I все чаще и пристальнее, а в последние свои годы особенно настойчиво обращал внимание на восток и своей самодержавной волей начал эру великих сибирских открытий. Одна за другой снаряжались экспедиции, которые требовали не только учены, но и немалой фи-

зической выносливости, расчетливой дерзости, фанатичного упорства, бесстрашия духа. Это были рискованные путешествия в terra incognita, где подстерегали стужа и голод, болезни и лишения, путешествия, которые длились не недели и месяцы, а годы, иногда десятилетия и нередко кончались трагически.

Вместе с учеными экспедициями и вслед за ними, рука об руку все с тем же крестьянином, шел уже главным образом не охотник, а рудознавец, которого давно манили сказочные богатства уральских и сибирских недр. В петровское время о рудных местах знали или, по крайней мере, слышали многое. Ведь в наказных грамотах первым землепроходцам обязательно значилось: «про золотую руду, и про серебро, и про жемчуг, и камень, и медь, и олово, и свинец, и железо, и про всякие камни накрепко проводить и спрашивать».

По «скасам»-отчетам этих землепроходцев и разных охочих людей можно судить о множестве сведений, а чаще всего просто слухов о самых разных сибирских рудах, в том числе и о серебре. Но серебро было словно заколдованным: рудознатцы, посланные на проверку, возвращались ни с чем, а если и находили серебряные руды, то они оказывались невыгодными.

А без серебра России было туго. Именно серебро стало главным дефицитным металлом Европы. Поэтому царям приходилось зарубежные талеры (или ефимки, как их называли русские) перечекивать в свою монету. Серебра постоянно не хватало. В критических ситуациях шли на «порчу» монеты. Так, царь Алексей Михайлович приказал чеканить медные рубли, которые должны ходить «с серебряными заодно». Вскоре появилось огромное количество «воровских» рублей. С фальшивомонетчиками расправлялись жестоко: заливали им в глотку расплавленное олово, отрубали руки и ноги. Ничто не помогало — соблазн был велик. Торговля пришла в расстройство. Крестьяне «не почали в города возить сена и дров и съестных припасов, и почала быть от тех денег на всякие товары дороговь великая», — писал подьячий Григорий Котошихин.

Вспыхнуло народное восстание, известное в истории как «медный бунт» 1662 года.

«А были в том смятении люди торговые, и их дети, и рейтеры, и хлебники, и мясники, и пирожники, и деревенские, и гулящие, и боярские дети», — свидетельствовал тот же Котошихин. С восставшими расправились престоко: семь тысяч казнили, пятнадцать — отправили в ссылку.

Не успели еще перевесить бунтовщиков, как по царскому повелению «для сыска серебряных руд» уже

пробирались по диким местам на севере и востоке в одиночку и группами рудознаты, стрельцы, охочие люди, иноземные мастера. Они искали серебро на Новой Земле, на Канином Носу, в Приполярном Урале, на Югорском Шаре, в Башкирии. Особенно внушительной была экспедиция во главе с московским подьячим Силиным, а затем думным дворянином Яковом Хитрово. За несколько лет отряды этой экспедиции, состоящие из сотен и сотен людей, исходили многие тысячи верст по Уралу и Зауралью. И все напрасно — серебро как сквозь землю провалилось...

Новые и новые группы рудознатов уходили все дальше и дальше на восток. И уже в самом конце XVII века в диком Забайкалье, на реке Аргунь, набрали на древние копи. Когда-то, так давно, что рудные отвалы успели зарости многовековыми деревьями, какой-то неизвестный народ добывал здесь руду и плавил серебро. В старых копиях нашли деревянную лестницу и остатки древних горных инструментов. В самом начале следующего — XVIII столетия построили на Аргуни серебряный рудоплавильный завод, который называли Нерчинским.

Но первые полсотни лет добыча серебра здесь была столь незначительна — всего несколько пудов в год, что едва окупала расходы. В двадцатые годы XVIII века завод дал даже 46 тысяч убытка, а с 1731 года серебро «за пресечением руд» вообще не плавил. Только позднее, уже при Екатерине II, стали получать ежегодно по несколько сот пудов нерчинского серебра. Пока же Нерчинск не спасал положения. Недостаток серебра вынуждал правительство идти на прямое мошенничество. Так, в мае 1726 года по инициативе светлейшего князя Александра Меншикова стали чеканить монету из отвратительного сплава серебра с дешевыми металлами и мышьяком. Даже слитки этого сплава, пролежав некоторое время на Монетном дворе, начали разрушаться, выделяя черную жидкость. Василий Татищев, бывший тогда одним из руководителей московского монетного двора, запротестовал против «вымышленных» полудержавным властелином «вредительских денег», за что едва не угодил в ссылку. Население отказалось принимать «меншиковскую монету», и в феврале 1727 года появился указ, запрещающий чеканку этих денег.

Воцарилась Анна Иоанновна, и в России начал властвовать ее фаворит Бирон — «большой охотник до роскоши и великолепия». И сама Анна вернулась из нищей Курляндии с ненасытной жадной всевозможных развлечений. При ней русский двор стал первым в Европе по блеску и роскоши. За границу уплы-

вали миллионы рублей, и именно серебряных — других в Европе не брали — на чрезмерно дорогие капризы Бирона, императрицы и придворного окружения. При Анне двор тратил в пять-шесть раз больше денег, чем при Петре I. Доходы же отнюдь не возросли. «При неслыханной роскоши двора, — писал один из европейских посланников, — в казне нет ни гроша, а потому никому ничего не платят».

Елизавете Петровне досталась гигантская империя с десятками миллионов подданных, обширными плодородными землями, многочисленными заводами и фабриками и... совершенно пустой казной. А Елизавета тоже любила и умела повеселиться. Ей больше нравился блеск власти, чем сама власть. Заняв русский престол после длительного ожидания, она превратила свою жизнь в бесконечный праздник — в маскарады, балы, загородные прогулки. Она не знала предела в мотовстве и, по выражению В. Ключевского, жила «в золоченой нищете», ибо в первые годы ее царствования в казне часто не бывало ни гроша.

Восстановленный Елизаветой Сенат постоянно занимался тем, что пытался собрать в казну всю серебряную монету. Многочисленные указы настойчиво требовали от всех, кто имел серебряные деньги, сдать их в обмен на медные. За утайку серебра и золота, которые считались отныне принадлежностью государственной казны, полагалось наказание. За тайную сплавку монет в слитки Сенат грозил самыми жестокими карами. Того же, кто занимался тайной добычей драгоценных металлов, ожидала не просто смерть, а мучительная казнь.

По-прежнему настойчиво звали именные и сенатские указы ко всем подданным: ищите, ищите, ищите золото и серебро. И по-прежнему, словно заколдованные, российские недра, распахнув двери к железу и меди, упрямо скрывали свои золотые и серебряные кладовые...

Еще современников приводила в удивление демидовская устремленность в Сибирь. Зачем понадобилось

Акинфию Демидову строить медные заводы на далеком Алтае, на тогдашнем конце света, в местах диких, необжитых и опасных, отдаленных от уральской демидовской резиденции двухтысячечверстным бездорожьем? Ведь совсем близко, здесь же, на Каменном Поясе, сколько угодно медных руд.

Но, может быть, все-таки демидовским рудознателям не удалось найти хороших месторождений меди на Урале и потому Акинфий Демидов вынужден был заняться медным делом на Алтае?

Политаем документы.

Еще в январе 1705 года, удивившись на берегах Нейвы, Никита Демидов подал в рудный приказ заявку, в которой сообщал о найденной в Кунгурском уезде медной руде, просил разрешения строить медеплавильный завод и уже в мае получил это разрешение. Но, закрепив за собой рудные места, он вовсе не спешил ими воспользоваться, несмотря на строгие указы, требовавшие немедленно начать медное производство: нужда в меди тогда была велика.

И только почти через четверть века — в 1729 году уже не Никита, а Акинфий построил в Кунгурском уезде Суксунский медеплавильный завод, а еще через несколько лет — Бымовский.

Несмотря на указ Берг-коллегии от 20 декабря 1720 года о строительстве на реке Вые медного завода, Демидовы с большой неохотой взялись за медное дело. Пустив в 1722 году Выйский завод, Демидовы вскоре свернули медную плавку, сославшись на то, что медная руда их «обогала», то есть запасы ее оказались не столь велики, как они предполагали. А после пожара 1729 года медное производство на Вые уже не возобновляли — поставили там домы. Однако, как мы теперь знаем, медное месторождение под Нижним Тагилом являлось одним из крупнейших в мире и разрабатывалось потом почти два столетия, дало сотни и сотни тысяч пудов руды, из которой выплавляли огромное количество великоленной меди.

Правда, нежелание Демидовых в то время активно заниматься медью можно понять: в то время цены на медь, установленные правительством, были очень низки, а потому медное дело оказывалось не только малоприбыльным, но иногда и убыточным. Но тогда тем более непонятно страстное стремление Акинфия Демидова плавить медь на далеком Алтае, ибо перевозка ее оттуда обходилась весьма дорого. Самый простой расчет наглядно показывал всю невыгодность алтайской медной авантюры Акинфия Демидова.

Значит, не медь, а что-то другое интересовало Демидовых на Кольвани? Знали ли они заранее об алтай-

ском серебре или наткнулись на него только в ходе медных разработок? Да, знали. Причем знал не только Акинфий, но и его отец, Никита. Вспомним известное письмо, посланное Петром I из Персидского похода в августе 1722 года Никите Демидову:

«Демидыч! Я заехал зело в горячую сторону, велит ли бог видеться? Для чего посылаю тебе мою персону: лей больше пушкарских снарядов и отыскивай по обещанию *серебряную руду*».

Это письмо свидетельствует прежде всего об особых отношениях между царем Петром и Никитой Демидовым. «Персоной» — миниатюрным портретом царя, оправленным в золото и украшенным бриллиантами, Петр лично жаловал только за самые выдающиеся заслуги перед государством. Но здесь нас интересуют прежде всего последние слова: Демидов обещал царю найти серебряную руду. Подобными обещаниями, да еще самому Петру, первый Демидов никогда не бросался и если что-то обещал, то выполнял. Выполнял все, кроме обещания... найти серебро. Его Никита так и не нашел до самой своей смерти. Значит, на этот раз обещал просто так? Нет, не просто так. Никита и Акинфий давно знали, что в Сибирь есть и серебро, и золото. Еще в 1715 году Демидыч в честь рождения царского сына подарил Петру древние золотые и серебряные изделия, найденные его рудознатоками в сибирских курганах. Знали Демидовы и еще кое-что.

Дело рудонскателя Степана Костылева

Оно хранится в Центральном государственном архиве древних актов в Москве, в фонде Берг-коллегии, в одном из толстенных фолиантов, одетых в кожаный переплет, и повествует о приключениях, а чаще о злоключениях сибирского рудонскателя Степана Костылева, содержит и кое-что об интересующем нас серебре.

Рудонскательство тех времен — это еще не наука, а, скорее, чародейство, требующее чутья, наблюдательности, особенных знаний, чтобы по

едва заметным признакам — окраске горных пород, по запаху ветра в жаркий день, по травам и цветам, по ночным блуждающим огонькам от земных испарений и еще по чему-то неуловимому — определить присутствие руд. Здесь нужен особый дар да еще стойкий азарт, фатальная надежда на удачу. Без такого азарта и без такой надежды нет истинного рудонскателя, который может неделями, месяцами, а иногда и годами бродить безо всякого форта в безлюдных местах и не потеряет желанья к дальнейшим поискам.

Одним из таких рудонскателей и был сибирский крестьянин Степан Костылев. Заразился он однажды рудной охотой и с тех пор не знал покоя. И отправился Костылев со своим товарищем Федором Комаровым в Томский острог к коменданту Василию Козлову с челобитной и просил отпустить их руды искать. Но комендант, как позднее рассказывал Костылев, «челобитную их бросил наземь, нас не отпустил и грозил бить кнутом». Нарушил комендант царский указ: уж очень ему не хотелось лишиться хлопот с этими рудами.

Но не отступились рудонскатели — охота пуше неволи. В 1718 году упрямый Степан Костылев с товарищами, «отлучась от домов своих», без комендантского разрешения ушли в горы к верховьям Иртыша и вернулись не с пустыми руками, а с кусками медной руды. Объявили о своей находке все тому же Василию Козлову. Комендант рудные куски забрал, но на том дело и кончилось. А настырный рудонскатель, «не видя от оного (коменданта) никакого произведения», в 1720 году вновь отправился в горы, в междуречье Алея и Чарыша, на этот раз вместе с казачьим сыном Михаилом Волковым. И снова появился в Томск с рудными образцами. Но к коменданту на этот раз не пошел, а закричал на площади: «Слово и дело государево!» Костылева и Волкова отправили в губернский Тобольск, а оттуда в Москву — в Преображенский приказ, а после допроса — в Берг-коллегию, где образцы руд испытали и нашли в них «признак медный». Рудонскателей отправили снова в Тобольск, а затем по указу губернатора вместе с рудоплавильным мастером Каменского завода Федором Инютиним послали на реку Алей для показания тех мест. Инютин вернулся из поездки с рудными образцами, которые при проверке оказались... пустой породой.

Но вскоре в Уктус, в горную канцелярию к капитану Василию Татищеву, недавно назначенному горным начальником Уральских заводов, поступил донос от Волкова, в котором тот сообщал, что Инютин на Алтае подкупили местные жители, промышленные серебряными самородками и не желавшие в местах своего промысла казенных разработок, а пото-

му Инютин, получа 400 рублей, тех руд не осматривал и нарочно представил в тобольскую канцелярию дрову, то есть пустую породу.

Татищев, находившийся тогда в Кунгуре, немедленно затребовал к себе Волкова и Инютина, и последний «с пристрастием был расспрошан», но в обмане своем не внился. В Кунгуре горный начальник закончить розыск не успел, так как в конце декабря 1720 года переехал на Уктусский завод, куда приказал доставить и Инютина. Но по дороге тот бежал и, как дознались уже через много лет, скрылся на Невьянском заводе.

Демидовым, конечно, было не впервой скрывать у себя беглых, но Инютин в виде исключения могли бы выдать местным властям, если он не был им очень нужен. Ведь именно от Инютина Демидовы узнали, что в верховьях Иртыша имеются не только медные руды, но и серебро и золото. Вот эти-то инютинские сведения наверняка и имел в виду Никита Демидов, когда обещал царю Петру найти серебряную руду.

Но Демидовы прекрасно понимали, что, пока Василий Татищев на Урале, пока он ведает горными делами, до алтайского серебра им не добраться. Ибо, если один конец серебряной нити в их, демидовских, руках, то другой — крепко держит горный начальник и по своей воле не выпустит. Демидовы уже убедились, что ни дерзкая война, объявленная Татищеву, ни смеившие ее лезть и попытки подкупа не смогли ни сломить, ни приручить гордого капитана. Татищев стал опасен Демидовым, так как все решительнее ставил под свой контроль их горные дела, уже немало вскрыл демидовских беззаконий и не намерен был спускать им впредь. А потому решили Демидовы любимыми средствами убрать Татищева с Урала.

И вот в начале 1722 года при личной встрече с царем Никита Демидов обвинил горного начальника в разных обидях и разорении его заводов. Все эти обвинения, как выяснил потом своим розыском генерал Геннин, оказались ложными. На основании следственных материалов Высший суд вынес решение: за то, что Демидов «не бил челом о своей обиде на Татищева у надлежащего суда, но презирая указы дерзнул его величество в неправом деле словесным прошением утруждать, вместо наказания взять штраф 30 000 рублей».

И все-таки Демидовы частично добились своего: Татищев был отстранен от горных дел на Урале.

При этой же встрече с царем Демидов и обещал ему найти серебряную руду — ведь он теперь знал, где ее искать.

О демидовском нетерпении прибрать к своим рукам алтайские месторождения говорит и такой факт.

Едва в начале 1722 года Татищев отбыл с Урала в Петербург, как в Уктусский завод, где размещалась горная канцелярия и временная резиденция горного начальника и куда демидовские люди обычно опасались появляться, захал приказчик Невьянского завода Гаврила Семенов и встретился там с приехавшим из Сибири Степаном Костылевым. А при встрече расспрашивал: подлинно ли рудознатцы про алейские руды знают? Причем, как вспоминал позднее сам Костылев, Семенов про те руды уже раньше от кого-то проведаль и при разговоре многозначительно намекнул, что тех руд, ему, Костылеву, одному не поднять.

В конце 1722 года Татищев, хотя уже и в качестве подследственного, вновь вернулся на Урал, и Демидовы опять на время затанцлись, словно позабыли об алтайских рудах. Но едва в ноябре 1723 года Василий Никитич покинул построенный им Екатеринбург, как сразу же, буквально через несколько дней после его отъезда, к повому горному командиру генералу Геннину явился все тот же Гаврила Семенов и просил дать ему указ, разрешающий искать руды в Сибири.

Между тем Костылев вновь повторил свою заявку на медные руды (как выяснил потом Татищев, не только на медные, но серебряные и золотые!) по реке Алей и другим местам Алтая. Отныне эти месторождения должны были принадлежать казне и любая повторная заявка от другого рудонискателя и заводчика уже не имела силы. Геннин пересылает костылевские рудные образцы в Берг-коллегию и запрашивает о дальнейших мерах. Но Петербург молчит.

Привыкший иметь дело непосредственно с царем Петром, к которому генерал обращался с любыми, порой даже пустяковыми вопросами, находя всегда внимание и поддержку, Геннин оскорблен теперь необычным для него равнодушием к своим донесениям. Он сам едет в столицу, чтобы потребовать решения нужнейших горных дел.

Но в Петербурге совсем не до забот уральского горного начальника. После смерти Петра все стало неустойчиво, все колеблется, все меняется, никто ни в чем не уверен и не знает, какому святому молиться. Каждый озабочен теперь только своей судьбой. Двор погряз в интригах. На одних ни с того ни с сего вальются чины и поместья, другие по непонятным причинам теряют не только чины, но и головы. А потому все выжидают, все пассивны и не желают решать никаких дел.

И претензии Геннина к членам Берг-коллегии, оставшимся без своего президента Якова Брюса, который, не выдержав скандальной придворной атмосферы, ушел в отставку, остаются без всякого внимания.

Зато Акинфий Демидов, тоже прибывший в столицу, в мутной придворной воде ловко ловит свою серебряную рыбку. В то время, когда важнейшие государственные дела остаются без всякого движения, когда самые высокопоставленные лица бессильны продолжать свои начинания, именно в это время и Берг-коллегия, и только что созданный Верховный Тайный Совет, и сама императрица Екатерина постоянно занимают челобитными и прошениями заводчика Акинфия Демидова и с невероятной быстротой появляются один за другим царские именные и другие правительственные указы, которые удовлетворяют почти все желания уральского магната.

В тогдашнем хаосе и правительственной неразберихе Демидов добивается таких льгот и привилегий, какие едва ли получил бы в прежние времена. Ведь его претензии на месторождения, на которые уже подана заявка Костылевым и которые по закону принадлежат казне, кажутся совершенно безнадежными. Но члены Берг-коллегии странно молчат именно тогда, когда нужно подать голос для защиты государственных интересов, а опасные для Демидова заявки Костылева... таинственно исчезают.

Через сорок лет Веймарн, составивший справку о Кольвано-Воскресенских заводах и рудниках и перерывший все архивы, придет к заключению, что «все дела, служащие ко уведомлению о содержании в тамошних рудах серебра, равно как и дела, которые о раннем прискании и нахождении томскими и ишимскими обывателями в подаче имелись, особливим хитрым пронырством из архивов той коллегии, как и бывшего Обер-бергамта в пользу Демидовых... исчезли».

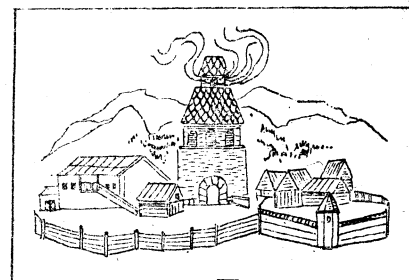
Акинфий Демидов появился в Петербурге в самом начале 1726 года и вовсе не спешил* в Берг-коллегию с официальным прошением; 10 января он преподносит образцы руд князю Меншикову и самой императрице. Что еще он предпринимает в последующие дни, нам неизвестно, но наконец 19 января Демидов предстает перед членами Берг-коллегии и подает написанную по всей форме бумагу, в которой просит разрешить ему копать медную руду и заводить заводы в диких местах Сибирской губернии. И вслед за этим 4 февраля он подает в Берг-коллегию еще одно прошение, в котором уже просит: «И ежели же где принцуются впредь медные, серебряные, золотые руды, чтоб нам копать их было не отводным же числом и заводы заводить не против привилегии, а другим в тех местах для копки руд и построению заводов мест не отдавать и не отводить.»

Коллежские чиновники уже знают мнение покровителя уральского

горнозаводчика светлейшего князя Меншикова, самого всеильного тогда человека России, а потому Акинфий Демидов почти спокоен за судьбу своего дела. Только два человека могут помешать ему — непреклонный Татищев и самолюбивый Геннин. Но Татищева нет в России — он в Швеции, а потому неопасен. А чтобы обезоружить генерала, Демидов делает ловкий ход: он предлагает Геннину вступить с ним в компанию по освоению алтайских руд. Предложение чрезвычайно выгодное, и горный начальник соглашается. Забегая вперед, заметим, что хотя Берг-коллегия и разрешила Геннину вступить в эту компанию с Демидовым, но это коммерческое сотрудничество по неизвестным нам причинам практически так и не состоялось, что явно не огорчило заводчика.

16 февраля 1726 года появился указ Берг-коллегии, дававший А. Н. Демидову право копать медную руду и «сильною рукою» строить заводы на новых диких местах в Томской провинции. Причем это право он получил на очень выгодных условиях. Что касается разработки Демидовым серебряных и золотых руд, если такие сыщутся, то решение этого вопроса откладывалось до того времени, когда в Берг-коллегию будут представлены образцы руд с содержанием драгоценных металлов.

А еще через два дня, 18 февраля, Верховный Тайный Совет выказался за присвоение Акинфию Демидову и его братьям дворянского звания. В жалованной грамоте, подписанной Екатериной Первой 24 марта 1726 года, указывалось, что, кроме прав и вольностей, которыми пользуются все дворяне, Демидовым даются особые привилегии для того, чтобы они имели «наивысшее тщание и попечение в произведении... заводов, також в прискании медных и серебряных руд».

На Алтае

Пока в столице еще скрипят перья над указами для Акинфия Демидова, пока тяжело и медленно вращается государственная машина, решая разные вопросы о строительстве новых заводов, из Невьянска на

Алтай уже бредут пешком, едут на телегах, плывут на стругах уральские рудознаты, горные и плавильные мастера, рабочие люди... В июне 1726 года, когда еще ни один из столичных указов не достиг ни горной канцелярии в Екатеринбурге, ни сибирского губернатора, уральские мастеровые уже добрались до места, где прошлым летом демидовский рудовед подъячий Дмитрий Семенов, по прозвищу Козы-Ножки, наладил с помощниками одну из древних плавильных печей и отправил на Невьянский завод первые пуды черновой меди. Теперь же на речку Локтевку прибыл невянский обоз со всем необходимым для небольшого заводика на две плавильные печи. Построили их под началом невянского мастера Степана Изотова. И не успели еще замерзнуть воды Иртыша, как поплыл по нему караван барок с алтайской черной медью, которую будут доводить до кондиции, то есть отделять медь от других металлов и примесей, на Невьянском заводе.

А на следующий год многолюдно стало на отрогах Кольванских гор. По воле Акинфия Демидова пришли сюда плотники, каменщики, мастеровые разных профессий. Горный начальник Геннин прислал в помощь своих специалистов: бергшворена Никифора Клеопина да саксонского штейгера Георга. Для большого, теперь уже настоящего завода выбрали в шести верстах от локтевских печей на речке Белой у Синей сопки, неподалеку от редчайшего по красоте горного Кольванского озера, новое, более удачное место.

И вот уже возводится крепость с четырьмя бастионами, почти точь-в-точь как в Екатеринбурге, ибо возводил эту крепость по своему чертежу один из учеников Василия Татищева Никифор Клеопин.

Через два года вырастет крепость, плотина перегорит речку Белую, заскрипят водяные колеса, приводя в движение мехи плавильной, молоты, толчек, пилы, задымят обжигательная и гармахерская, заработают и другие цехи...

Так в центре гигантской Азии, в одном из малодоступных ее углов, среди девственной природы, где лишь иногда кочуют дикие орды джунгаров, родился знаменитый Кольванов-Воскресенский завод, с которым не могли равняться и соперничать лучшие горные предприятия Европы.

А еще через несколько лет появятся новые рудники и заводы, крепости и слободы, тысячи новых поселенцев начнут обживать пустынные края. На огромной территории — 400 верст с севера на юг и 200 с лишним с запада на восток — возникнет еще одно горное царство: со своими подданными, со своими солдатами, вооруженными ружьями и пуш-

ками, со своими дипломатами, которые будут самостоятельно вести переговоры с соседними кочевниками, и со своим горным царем Акинфием Демидовым.

Промышленное чудо совершили те, кто ловко держал в руках топор, искусно укладывал в заводские стены кирпичи, проходил рудные штреки, стоял у плавильного горна, каким-то шестым чувством угадывая таинственный процесс превращения руды в звонкий металл.

Но не стоит игнорировать здесь роль и заслуги первых Демидовых. П. П. Бажов последние годы жизни много раздумывал о фундаментах уральских и сибирских заводов, вынашивая эпопею о Демидовых. «По-ра оценить деяния, — писал он А. Суркову, — именно деяния! — в том числе и колонизационные, с государственной точки зрения и показать первых Демидовых как сподвижников Петра. Причем надо еще подумать, найдутся ли среди этих сподвижников Петра такие, кто бы мог встать в плечо с Никитой и Акинфием Демидовыми».

Эти исторические фигуры давно притягивают внимание историков, писателей, краеведов. Многие годы неоднозначность демидовских характеров интересует и автора этих строк. Осмотрены многие архивы, пополняются новыми документами папки, но облик Акинфия Демидова по-прежнему остается не до конца понятен, странен, загадочен. Большинство оставшихся о нем документов всего лишь искусственный фасад, который скрывает истинные страсти и дела Акинфия Демидова. Попробуйте, например, представить его образ по его же письмам Александру Меншикову, и перед вами предстанет слабый и жалкий человек, который постоянно жалуется на свое бессилие, на свои неудачи, человек, который смиренно и терпеливо сносит обиды от сильных мира сего. Из других же документов он является нам наделенным какой-то таинственной властью над людьми и событиями.

Еще Д. Н. Мамин-Сибиряк упоминал о «странном характере А. Демидова, полном «всевозможных противоречий, где перемешаны неистощимая энергия, железная воля, самодурство, жестокость». Чаше всего обычно подчеркивают две последние черты характера Акинфия. Забывать о них, конечно, нельзя. Однако Акинфий Демидов был не только жестоким деспотом, но и талантливым организатором горного дела, оставившим на нашей земле заметный след — двадцать пять заводов! И каких заводов — самых совершенных, дававших лучший в мире металл. Такое само собой не сотворяется.

Акинфий Демидов и сам был превосходным специалистом — великолепным оружейником, одним из лучших мастеров пушечных дел, металлургом, знавшим до тонкостей секреты этой профессии, виртуозным кузнецом... Даже скупой на похвалу Геннин, считавший себя первым в России металлургом, говаривал про Акинфия Демидова, что «такого в заводском деле искусного человека едва сыскать можно».

Даже сегодня поражает грандиозность замыслов и свершений этого горного деятеля. Объяснять столь бурные деяния Акинфия Демидова одной только страстью к наживе — значит не объяснить ничего. И не потому, что такой страсти у него не было. Просто нажива не являлась для него единственным стимулом деятельности. Акинфий Никитич по своей натуре еще и одержимый творец. И как настоящий творец, он дерзок и смел в своих замыслах и их осуществлении.

Его неукротимую энергию стесняют законы и инструкции, власть воевод и горных начальников, и он постоянно стремится освободиться от всяких юридических и фактических пут, избежать любого контроля над своей деятельностью. Он постоянно нарушает неудобные для него законы и регламенты, иногда открыто и дерзко, но чаще тайно и скрытно. Он живет как бы двойной жизнью, о его истинных намерениях и делах современники многого не знали.

Многочисленные демидовские отчеты и ведомости, которые владелец горной империи рассылает в разные инстанции, совсем не раскрывают реального положения на его заводах, а, наоборот, затемняют и извращают его. Часто эти документы говорят не о том, что было, а о том, чего не было. Поэтому историкам приходится туго: до сих пор не могут они выяснить, сколько же все-таки металла выплавлялось на демидовских заводах, какова его себестоимость, сколько и каких мастеровых и рабочих людей держал Акинфий Демидов на своих заводах.

Акинфий Демидов, конечно, трезвый предприниматель. Но это только одна грань его противоречивой фигу-

ры. Вместе с расчетливостью практического дельца в нем прекрасно уживается и азарт авантюриста. Он постоянно полон самых дерзких замыслов, осуществляя которые можно сломать голову. Ему нравится рисковать. Он словно нарочно создает ситуации, когда весы судьбы колеблются, когда все сложно и неопределенно. С азартным наслаждением ходит он по краю пропасти и, дойдя до критического момента, ставит на карту все. Он никогда не закрывает глаза в минуту опасности, но напрягает до предела свою зоркость, мгновенно оценивает сложную обстановку, точно взвешивает все обстоятельства, все рассчитывает, принимает решение и... выходит победителем.

Годами безвыездно сидит горный властелин на своем Невьянском заводе, как бы изолированный от всего мира, сокрытый от нескромных взоров своих соперников и врагов. Но из своего невянского господского дома, похожего на древнерусские хоромы, он видит все, что ему нужно. У него всюду свои люди: в Екатеринбурге около горного начальника, в резиденции сибирского губернатора, в апартаментах Берг-коллегии, в особняке очередного временщика, в императорском дворце... И потому он в курсе всех событий. Он не вмешивается ни в какие политические распри, не примыкает ни к одной из политических группировок — политика не его сфера деятельности. Но для решения своих горных дел он почти всегда угадывает момент, когда нужно появиться в столице, и знает, на кого там можно опереться. Он умеет ладить с сильными мира сего, ибо знает их слабые.

Демидовское горное царство держалось на насилии и жестокости. Но не только. Властвуя над десятками тысяч людей, Акинфий Демидов употреблял самый разнообразный арсенал средств. Даже в письмах приказчикам он никогда не бывает однообразен. Одному устраивает грубый и оскорбительный разнос, другому льстит и не жалеет похвал, третьего ободряет и поддерживает.

Сам не обиженный талантами, Акинфий Демидов не боится талантливых людей. Наоборот, он выискивает и собирает их любимыми способами: выпрашивает у губернаторов и горных начальников, переманивает у своих конкурентов, выписывает из Европы или просто-напросто крадет. Он обращается к князю Меншикову с обширным письмом, в котором излагает одну-единственную, казалось бы, мелкую для такого солидного адресата просьбу: посодельствовать, чтобы с Екатеринбургского завода отдали нужного ему мастера. В ре-

зультате таких усилий Демидову удалось собрать на своих заводах лучших специалистов того времени.

Бажов считал, что «Демидовы ставили металлургию без иноземной помощи». Документы показывают, что иностранных специалистов и Никита, и Акинфий использовали довольно часто. Но вот что примечательно. Заводит Акинфий Никитич у себя косную фабрику и выписывает из Саксонии лучших мастеров. Проходит время, и уральские мастера делают косы уже лучше своих иноземных учителей. Или другой пример. Сначала на Невьянском заводе строят дому «по английской пропорции», а через несколько лет сооружают свою, русскую — намного мощнее и совершеннее любой английской. Акинфий Демидов и сам бывал в Европе, знакомился с тамошними заводами и рудниками, широко использовал иностранный опыт, но никогда не останавливался на нем, а шел дальше и выходил вперед.

Два десятилетия, осваивая алтайские недра и создавая на окраине Сибири новый горный район, Акинфий Демидов ведет сложную и опасную игру. Он прекрасно знает, что утайка серебра является не частным, а государственным преступлением, за которое по царскому указу полагается «без всякие пощады казнить смертью, деревни и животы брать». Он знает и то, что об алтайском серебре, кроме него, знают и другие и что в любой момент его тайный промысел может раскрыться.

И он не забывает об этом. Мы, наверное, так никогда и не узнаем многие подробности этой длительной тайной битвы, которую Акинфий Демидов вел за серебро. Только отдельные эпизоды, скорее, даже детали этих эпизодов стали известны нам из документов.

Уже в октябре 1726 года пробирный мастер Берг-коллегии Иван Шлаттер, делая анализ рудных образцов, представленных Демидовым, обнаружил в некоторых из них, кроме меди, серебро и свинец. Но ре-

зультаты шлаттеровской пробы почему-то не вызвали реакции у членов Берг-коллегии. А ведь они, зная об острейшем дефиците драгоценных металлов, обязаны были устроить самую тщательную проверку месторождений, из которых взяты рудные образцы.

С самого начала знал о серебре в колыванских рудах и горный начальник уральских заводов Виллим Геннин. Позднее он запишет в своей горной истории: «Найдено... Акинфием Демидовым старинных плавильных пять печей, при которых и сок (то есть шлак) имеетца и руд при тех печах есть немало, а по признакам оные видом таковы, якобы серебряная руда».

Это генильное «якобы» по меньшей мере странно в устах горного начальника. Ведь его прямая обязанность немедленно проверить эти серебряные «признаки». Но, обольщенный надеждой на выгодное деловое содружество с невянским властелином, он будет молчать. Неосуществленные эти надежды Демидов компенсирует крупными взятками, о которых станет известно в Петербурге. Но невянский приказчик Степан Егоров, через которого осуществлялись сделки с горным начальником, тайно привезенный для допроса в столицу, вскоре будет отпущен еще до окончания следствия.

В 1732 году на Колывань были впервые посланы правительством «для обозрения заводского действия» горный советник Винцент Райзер и капитан Вильгельм Фермор. Пробыв на Колывано-Воскресенском заводе несколько месяцев, они в сентябре того же года вернулись в Петербург и составили любопытный отчет.

Ревизоры подсчитали, что с 1729 по 1731 год на заводе выплавляли черновой меди, то есть полуфабриката, 7868 пудов, из которых 2552 пуда отправлено на Невьянский завод, а остальная медь очищалась на месте. (После отъезда ревизоров Акинфий Демидов приказал, чтобы с Колывано-Воскресенских заводов «черную медь всю привозить к нам», на Невьянский завод.) Эта странная, казалось бы, очень невыгодная перевозка медного полуфабриката на Урал в то время, как на Колывани имелись свои плавильные печи, вызвала у ревизоров некоторое недоумение. Удивились они и не менее странному обману приказчиков и самого Акинфия Демидова, которые вдвое завысили цифры о процентном содержании меди в руде и настолько же занизили стоимость производства металла. «Пуд чистой меди,— записали в отчете ревизоры,— обходится, как показано в счетах, в 2 р. 57 $\frac{3}{4}$ коп., но это едва ли правда, так как счетные книги ведутся непорядочно; по другому счету вышло и того ме-

нее: по 1 р. 58 к. до 1 р. 60 к.» И Райзеру, и Фермору доподлинно известно, что заводчикам пуд чистой меди никогда не обходился дешевле четырех рублей, а в своих ведомостях они, как правило, занижали содержание меди в руде и намного завышали расходы на производство, преувеличивая себестоимость до 6—8 рублей за пуд.

Демидов же поступает совсем наоборот, пытаясь доказать, что производство меди обходится ему дешевле, чем на самом деле, а потому транспортировка полуфабриката на Урал вовсе не принесит ему убытка. Ведь убыточное производство у самого Демидова выглядело бы по меньшей мере странно. Зачем понадобился Акинфию Никитичу этот необычный обман? Да все затем, чтобы отвлечь внимание от серебра, которое и приносило ему главный доход.

Но о колыванском серебре, вернее, о рудах, содержащих в себе серебро, ревизоры все-таки узнали. В большом отчете говорится об этом очень скупо, как бы между прочим. Так, подробно описывая один из рудников, ревизоры отмечают, что «в глущине... медь лучше и медное содержание переходит в серебряное». В отчете упоминается также «жила медного глянца, которая надежду и к свинцу и серебру подает».

В самом отчете ревизоры приводят только факты и цифры — никаких выводов. И тем не менее внимательный анализ отчета мог бы вызвать подозрения. Но не вызвал и не привел ни к каким последствиям. Правда, в конце 1732 года Акинфия Демидова по указу императрицы вызвали в Петербург, но совсем по другому поводу.

Зато следующий, 1733 год начался для Демидова с несчастий. Весеннее половодье оказалось столь обильным и бурным, что принесло уральцам немало бед. На Ревдинском заводе размыло плотину, водой унесло дома вместе с мастерскими, пострадали заводские строения. Около Уткинского завода подмыло берег, вода порушила пристань, унесла заготовленный для домны уголь, дрова, материалы для строения судов. В это же время случился большой пожар на Колывано-Воскресенском заводе.

Против горного магната восстала не только стихия. Той же весной поступило на Акинфия Демидова сразу несколько доносов. Профессиональный фискал из Екатеринбурга Григорий Капустин, обязанный по своей должности «тайно провеживать, что ко вреду государственному интересу быть может», направил на имя императрицы свой извет, в котором сообщал, что «Акинфий Демидов со своих Невьянских заводов оказался в неплатеже десятины и торговых пошлин». Был в том извете еще один

важный пункт: «найдена на тех заводах серебряная руда, которая по пробе иноземца Вейса в Москве является годною, а ныне тое руду без указа плавить не велено».

Другие доносчики обвиняли горнопромышленника в утайке металла и незаконной продаже оружия иноземным кочевникам.

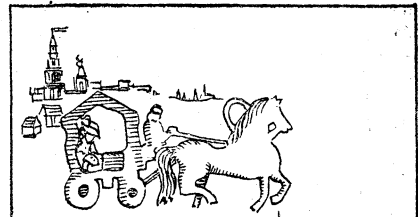
Акинфия Демидова задерживают в Петербурге, запрещают ему выезжать из столицы куда бы то ни было, и начинается следствие. Для проверки изветов срочно и тайно посылают ревизоров: на тульские заводы — асессора Васильева, на невянские — гвардейского капитана Савву Кожухова. Ревизоры должны мчаться на почтовых подводах «денно и ношно», как требовала секретная инструкция, и, внезапно нагрянув на заводы, провести там строгое и тщательное расследование.

Казалось, хищник попал в капкан: обвинения слишком серьезны, а доказать их не так уж сложно. Но Акинфий Демидов вовсе не собирается пассивно ждать возмездия. В тот же самый день, когда капитан Кожухов выехал из Петербурга на Урал, из столицы поспекал еще один курьер — демидовский. Как ни спешил правительственный слуга, посланец Акинфия Никитича оказался в Невьянске на несколько дней раньше. Демидовские приказчики успели подготовиться к встрече незваного гостя: от ревизорских глаз спрятали все, что хотели спрятать, в том числе, как дознались позднее, укрыли в подземелье весь заводской архив, оставив для проверки только текущие дела. Никаких следов ни серебряной руды, ни плавки серебра Кожухов не нашел. Единственное, что ему удалось установить через допросы мастеровых и наблюдения за доменной плавкой, что чугуна Невьянский завод дает намного больше, чем указывается в отчетных ведомостях.

Не с этой ли ревизией Кожухова связана легенда о затоплении подземелий, в которых шла тайная плавка серебра?

Следствие над Акинфием Демидовым тянулось полтора года и закончилось именным указом императрицы Анны Иоанновны, по которому горный магнат был полностью оправдан, а его доносчиком велено «учинить такое наказание, какому подлежали бы те, на кого они доносили».

Как вывернулся Акинфий Никитич из столь опасного положения, он никому не рассказывал. По столице ходили слухи о крупной взятке, которую он дал барону Шафирову, руководившему следствием. Да всецельный фаворит императрицы Бирон получил от уральского заводчика «ссуду» в 50 тысяч серебряных ефимок.

СХВАТКА С ТАТИЩЕВЫМ

Пока Демидова держали под следствием в столице, горную власть на Урале снова возглавил Василий Никитич Татищев. На этот раз он приехал сюда, наделенный огромными полномочиями и правами. Инструкция новому горному начальнику, подписанная самой императрицей, требовала расширить горное дело не только на Урале, но также в Томске и Кузнецком уезде, «и стараться, чтоб тамо сильные заводы построить и доходы казны нашей умножить. Тако же Демидову и прочим в размножении их заводов, колико без ущерба размножению казенных заводов учинено быть может, с прилежностью им воспомочь; ежели же усмотрите, что заводы Демидова медные для пользы нашей надобно взять на Нас, то оные у него взять».

Татищев знал, не имея, правда, прямых доказательств, что Демидов промышленяет на Алтае не только медь. Едва приехав в Екатеринбург, горный начальник получил этому новое подтверждение. Уже в ноябре 1734 года он сообщил императрице о рудознатце Костылеве, который «подавал другое доношение о золотых и серебряных рудах, объявляя якобы о том, (что) на пред сего подавал доношение к генерал-порутчику (Геннину). Токмо такого доношения и записки здесь (в Екатеринбурге) не явилось». Татищев приказал перерыть весь горный архив, но вынужден был снова писать в Петербург, что о наличии на Алтае золота и серебра все «нужнейшие доказательства пропапали».

Нисколько не сомневаясь в том, что на Колывани идет тайная разработка и плавка золотых и серебряных руд, горный начальник отдал распоряжение о взятии демидовских заводов в казну и послал из Екатеринбурга на Алтай экспедицию для их приемки. Горный деятель Н. С. Ярцев, отец которого находился в составе этой экспедиции, писал в своей «Горной истории»:

«По прибытии на место, из добытой экспедицией медной руды... получился рогштейн... и по малым пробам те руды в самый рогштейн оказывали в себе серебро». Но руко-

водитель экспедиции майор Угрюмов объяснил позднее это тем, что якобы «пробирищик клал в пробы серебро или серебряные копейки».

Но прежде, чем майор Угрюмов дал столь странное объяснение присутствия серебра в алтайских рудах, произошли следующие события.

Акинфий Демидов вернулся из Петербурга на Урал, когда экспедиция, посланная Татищевым, находилась еще на пути к Колывани. И не успели члены экспедиции вернуться в Екатеринбург, как появился новый указ императрицы: «Колыванские заводы отдать обратно Акинфию Демидову и впредь Татищеву вовсе не ведать заводами его нигде». А еще через несколько месяцев Василия Татищева вообще убрали с Урала...

Вот тогда-то майор Угрюмов и высказал свое мнение о серебре, обнаруженном в колыванских рудах.

Приходится просто удивляться такому везению Акинфия Демидова. Он не только вышел живым и невредимым из опаснейших положений, но и одержал полную победу над своими врагами. Больше того, он добился новых льгот и привилегий, которые дали ему возможность быть полновластным хозяином на своих заводах.

Он сам предложил платить десятину и пошлину не с каждого пуда металла, а с домы и молота сразу за год вперед. Казне это выгодно. Демидову тоже: теперь ревизоры не будут ездить к нему на заводы, считать пуды металла и видеть то, что им не нужно видеть. И после расчета с государством Акинфий Демидов — только он единственный в России — имеет право беспощинной торговли даже с иностранцами. Теперь на таможенных не будут заглядывать в его обозы и проверять, что и куда везут демидовские приказчики.

Правда, остались еще ревизоры для сыска беглых крестьян и рекрутов, но и этим доглядчикам умел хитрый заводчик иной раз загородить дорогу в свое горное царство. Когда Сенат поручил Военной коллегии послать на демидовские заводы штаб-офицера с командой для ловли беглых рекрутов, то фельдмаршал Миних вдруг высказал опасение, что «через такую чрезвычайную посылку не могут ли мастеровые и работные люди от страха разбежаться». После миниховского сомнения Демидова освободили от очередной ревизии.

Так горное ведомство Акинфия Демидова превратилось как бы в суверенное государство, во внутренние дела которого почти никто не вмешивался. Слухи о демидовском серебре примолкли.

Так было, как мы знаем, до января 1744 года, когда письмо колыванского приказчика заставило старого горнозаводчика, бросив все другие дела, спешно выехать в Петербург.

Столичный спектакль о первоприобретенном серебре разыгрывался блестяще. Сценаристом и режиссером этого спектакля был сам Акинфий Демидов, а ведущим актером — барон Черкасов.

Получив в феврале 1744 года милостивое высокопоставленное обещание, Акинфий Никитич прекрасно понимал, что пока еще сыгран только первый акт и для того, чтобы иметь благополучный конец, очень важно не пустить на сцену актеров, которые могли бы испортить игру...

Сохранилось письмо Демидова, в котором он сообщал барону о своей встрече с императрицей и, несмотря на, казалось бы, полный успех, просил Черкасова «подать его желанную руку помощи». И всесильный кабинет-секретарь императрицы взял все дело о колыванском серебре в свои руки. В демидовских интересах барон совершенно игнорирует Берг-коллегию, которая и должна была заниматься подобными делами. Высшую горную власть даже не извещают о столь значительном событии, как открытие месторождения серебра, с ней не советуются, не спрашивают ее мнения ни в выборе сведущего чиновника для освидетельствования колыванских руд, ни в составлении для него инструкции.

17 мая 1744 года императрица подписала подготовленный Демидовым и бароном Черкасовым указ, в котором повелела «послать бригадира Беэра и с ним... поручика Ивана Улиха, который пробирное дело знает» на Колыванские заводы, чтобы удостовериться, «есть ли тех серебряных руд квантитет, чтобы завод завести».

И только теперь, когда все уже решено, когда уже никто не осмелится оспорить волю императрицы, барон посылает в Берг-коллегию бумагу, информирующую высший горный орган о случившемся. В конце бумаги имеется приписка: «Для Берг-коллегии чрез сие объявляется для известия». Никакого участия в серебряном деле Берг-коллегии не предлагают.

Горная власть была нейтрализована, но оставался еще саксонец

Филипп Трегер. Ведь он вместе с доносом привез с собой образцы не только медной, но и серебряной руды, и даже серебряные самородки. Больше того, он прихватил с собой и руду, которая содержала золото. Трегеровский донос может исказить историю открытия колыванского серебра. Ведь Акинфий Демидов определенно заявил, что до самого последнего времени он выплавлял только медь и лишь совсем недавно иностранец Яган Юнгенс «изыскал часть серебра».

Подал ли все-таки Трегер кому-нибудь свой извет? В Центральном государственном историческом архиве в Ленинграде, где собраны все документы о колыванском серебре, начиная с 1744 года, трегеровского доноса не оказалось. Очевидно, Демидов сумел как-то обезопасить себя от саксонского мастера. Но какие-то сведения, хотя и не самые опасные для Акинфия Никитича, все-таки дошли до императрицы. 2 июля 1744 года появился еще один указ, подписанный Елизаветой Петровной, и по нему Филипп Трегер включался в экспедицию Беэра, который теперь должен был освидетельствовать не только серебряную, но и золотую руду. Кроме того, Беэра обязали секретно осмотреть на Урале казенные и частные заводы; так как «о состоянии их и с таким ли порядком производятся, как Наш интерес требует, Мы неизвестны и от Берг-коллегии того (известия) получить не можем». И поскольку слухи о сокровищах уральских и сибирских недр разрослись, видимо, до баснословных размеров, то императрица поручила Беэру «разведать... о таких минералах, чего на свете не произошло».

Однако, несмотря на подозрения, которые появились у императрицы после приезда в столицу Трегера, для Демидова все складывалось наилучшим образом; 24 июля 1744 года появился указ императрицы Елизаветы:

«Известно Нам учинилось, что действительному статскому советнику Акинфию Демидову не только в том месте, где он по своим заводам ведом, но и в прочих правительствах чинят обиды и недельными прицепками волокиту и разорение, паче же в его делах помешательство и остановку приключают. А понеже он, Демидов, кроме настоящей трудами своими государственной и народной пользы, особливо и собственные многие Нам верные службы показали, того ради повелеваем Нашему Сенату как в Берг-коллегию, так и в прочие места дать Наши указы с накрепчайшим подтверждением: ежели где до него, Акинфия Демидова, будут касаться какие дела или от кого будет на него челобитье, о том наперед доносить Нам, понеже за его верные службы в собственности протекции и защищении содержать имеем...»

Горный магнат оказался, таким образом, в совершенно исключительном положении: ведь никто из горнозаводчиков не мог похвастаться столь высоким покровительством. И никто теперь не осмелится встать Демидову поперек дороги.

Не опасался Акинфий Никитич и последствий алтайского вояжа Безра. Ведь Демидов сам предложил его в доверенные чиновники для освидетельствования алтайских руд. Вот уже много лет управляющий тульскими оружейными заводами бригадир Андрей Безр и могущественный горнозаводчик связаны явными и тайными делами. Демидов вполне мог положиться на бригадира, который относился к числу самых близких ему людей. Недаром подпись Безра стояла под демидовским завещанием о наследстве. Безр явно в чем-то зависел от уральского горнозаводчика. Об этом свидетельствуют его льстивые письма Демидову.

Безр возвращался из Колывани уже летом 1745 года. По пути в столицу он еще раз побывал на Невьянском заводе, где, выполняя секретную инструкцию императрицы, оставил Ивана Улиха. «Оставил с секретным заданием, но заранее дал знать об этом заводовладельцу, находящемуся тогда в Туле. После безровского сообщения Акинфия Демидов, несмотря на «изнеможение», выехал на Урал, доплыл на стругах до Камы, но, так и не добравшись до Невьянского завода, умер в пути 5 августа 1745 года.

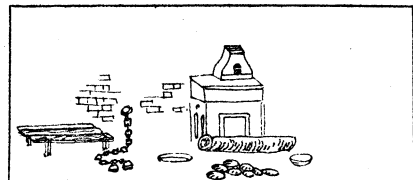
Свое секретное задание Улих выполнил без присутствия и надзора горного хозяина. Когда Безр, вернувшись в Петербург, узнал о смерти Демидова, появился документ, составленный, видимо, под диктовку бригадира.

«Ежели соизволено будет от Кабинета Ея Императорского Величества послать к обретающемуся в Екатеринбург или на Невьянских заводах, оставленному бригадиром Безром для очищения выплавленной на Колыванском заводе черной меди, из 246 п., и вынутая из нея серебра, гиттенфервальтеру Улиху указ с нарочным курьером, то написать в том указе следующее: ежели он, Улих, медь черную перечистил и серебро из нея отделил, то прислать бы оное серебро с тем курьером в Петербург при письменном извещении, а Улиху самому оставаться на месте. Ежели же, паче чаяния, Улих из Екатеринбурга выехал и тот курьер встретается с ним в дороге, то Улих все-таки должен отдать серебро курьеру, а сам должен следовать в Москву и там ждать прибытия туда бригадира Безра, а в С.-Петербург не ездить.»

Столь сильное желание Безра не допустить Улиха до Петербурга можно объяснить тем, что Улих, плавивший на Невьянском заводе серебро, мог вольно или невольно рассказать

в столице о том, что так тщательно скрывал при своей жизни Акинфий Демидов и что теперь старался утаить Безр.

Пожалуй, именно свидетельства Улиха могли бы пролить свет на некоторые тайны Невьянской башни. Ведь если он плавил серебро на Невьянском заводе, то наверняка мог пользоваться теми же плавильными печами, что и Акинфий Демидов.

Демидовское серебро

Архивные документы убедительно показали, что при Акинфии Демидове на Невьянском заводе велась тайная плавка серебра. Технология отделения меди от других металлов, в том числе и от серебра, довольно сложна. В XVIII веке она имела 7—8 стадий. Начальные плавки колыванского полуфабриката могли проводиться открыто — на медеплавильной фабрике. Но окончательное отделение серебра от меди наверняка совершалось тайно. Где? Вполне возможно, что в невянских подземельях.

В дореволюционном справочнике Ф. П. Доброхотова «Урал северный, средний, южный» имеется следующее сообщение. В 1890 году на Невьянском заводе случился большой пожар. Когда стали разгребать пожарище, то под руинами одного из цехов обнаружили подземную мастерскую с подплавильными печами... Но о достоверности такого сообщения трудно судить.

Приведем еще один интересный факт. В 1951 году в Государственный Эрмитаж поступила серебряная кружка. В ее современной атрибуции сказано: «Серебро, литье,ковка, чеканка, гравировка, 22,5×21×14,7... Тулово украшено тремя чеканными картушами с орнаментом рокайль, а в медальонах — аллегорические изображения, что очень характерно для XVIII века». На борту кружки вырезано: «Кружка Никифора Семеновича Шишкова». Но вот что самое интересное: на том же борту кружки забита более старинная надпись: «СИБИР 1742». Но ведь

«СИБИР» — это заводской знак Демидовых. Именно такой же знак стоит на медных изделиях демидовских заводов. Например, на перегонном кубе М. В. Ломоносова, который хранится в Государственном историческом музее в Москве, стоит то же клеймо: «СИБИР 1748 МФК.» Три последние буквы, как расшифровала в свое время Е. Н. Дмитриева, означают «Мастер Федот Киселев». На серебряной же кружке клейма мастера нет, а по тогдашним законам всякий мастер, которому разрешено работать с драгоценными металлами, обязан был под страхом жестокого наказания ставить свое клеймо.

Не значит ли это, что Акинфий Демидов завел у себя потайную ювелирную мастерскую? На эту мысль наводит и следующий документ, обнаруженный в Центральном государственном архиве древних актов. 26 августа 1741 года Акинфий Демидов писал в Нижнетагильскую заводскую контору: «Да при сем послал я з домовым нашим... серебра восемдесят золотников с половиной, которое приказал я ему протянуть в самую тонкую проволоку, так же как и медную, и протянувши, чтоб он прислал ко мне со оным же домовым...»

Не для ювелирных ли изделий понадобилась Демидову самая тонкая проволока из серебра?

Известно, что Невьянский завод стал местом, где впервые на Урале зародились литье из чугуна и меди, изготовление лакированных железных подносов и другие художественные ремесла. Вполне возможно, что там же создавались и изделия из драгоценных металлов...

Вместо эпилога

Наступление на тайны Невьянской башни продолжается. И сегодня это наступление уже ведут не только одиночки-энтузиасты, а ученые самых разных профессий. Разгадывание тайн истории (да и не только истории) увлекательное и полезное дело. Ибо, как говорил Альберт Эйнштейн, «самая прекрасная и глубокая эмоция, какую мы испытываем, — это ощущение тайны. В ней источник всякого подлинного знания. Кому эта эмоция чужда, кто утратил способность удивляться и замирать в священном трепете, того можно считать мертвецом.»

А. С. Пушкин

В. И. Чапаев

Жил в переулке волшебник...

П. ПРУСС

В небольшом городке Бугуруслане Оренбургской области, на живописном берегу реки Кинель, стоит деревянный домик. Среди других он самый нарядный: резные карнизы и ставни, узорчатые наличники. «Домик из сказки» — подумается сразу. И жил в нем почти что волшебник — Михаил Григорьевич Комаров, самобитный скульптор, искусный резчик по дереву, настоящий народный умелец.

В маленькой комнате, которая служила мастерской, стоит незаконченный бюст Петра Ильича Чайковского. Розоватая стружка липы лежит на полу. На верстаке, будто еще теплые от рук мастера, — стамески, буравчики, пиночки... Бюст этот, как и все, что делал Комаров, предназначался в дар, на этот раз — детской музыкальной школе.

М. Г. Комаров не был профессиональным резчиком. В 30-х годах окончил рабфак в Златоусте, мечтал стать инженером, но все планы перечеркнула война. После победы устроился в Бугуруслане слесарем по ремонту автомобилей. Работая всю жизнь с железом, свободное время целиком посвящал любимому занятию — резьбе по дереву. И постепенно в нем раскрылся незаурядный талант скульптора.

Сначала это были изображения животных, зверей, птиц, сказочных чудовищ, затем — портретные работы. Они открыли новые грани большого дарования. Богатая событиями история Оренбуржья нашла интересное отражение в его портретных скульптурах. Создана целая серия бюстов героев гражданской войны на Урале.

Вот, энергично повернув голову в лихо заломленной папахе, застыл в дереве Чапаев — легендарный командир прославленной 25-й дивизии. Бюст

другого героя гражданской войны в Оренбуржье — командующего 1-й армией Г. Д. Гая — был подарен школе, носящей имя этого известного полковника. Подарен школьникам и бюст пионера-героя Вали Котика: он стоит на почетном месте в пионерской комнате школы-интерната № 1 в Бугуруслане.

Для юбилейной городской выставки народного творчества, посвященной 30-летию Победы, мастер выполнил серию бюстов героев Великой Отечественной войны — земляков-оренбуржцев.

Позже был создан бюст А. С. Пушкина, посетившего Оренбургскую губернию осенью 1833 года, когда поэт работал над историей Пугачевского народного восстания, затем — скульптурные портреты С. Т. Аксакова и М. Л. Михайлова, уроженцев этого края. А для краеведческого музея в Бугуруслане он своими руками изготовил ткацкий станок, украсил его удивительной резьбой. Сам и соткал на нем кусок полотна.

«Превращение бесформенного куска дерева в красивую вещь, — говорил М. Г. Комаров, — всегда будет возбуждать в человеке желание творить еще и еще. Вещь, сделанная своими руками, как бы оживает, доставляя радость и удовлетворение плодам своего труда. Творческим силам человека не являются помехой ни преклонный возраст, ни слабость здоровья, ни уход из профессионального трудового коллектива...»

Нет уже мастера, но живут его работы, и земляки бережно хранят благодарную память об этом талантливом человеке.

Земля, где рождаются лавины

**Феликс
ПАТРУНОВ**

*Рисунок
Н. Крудикова*

В юности я рассуждал так: страна большая, жизнь коротка, и поэтому каждый отпуск надо проводить в походе по незнакомым краям. После Подмосковья, Урала, Карелии, Алтая, Кавказа наступила очередь Памира.

...Наш маленький отряд — шесть туристов, проводник-памирец и два тяжело нагруженных ишака — осилил подъем на Банчский хребет. Мы достигли приличной высоты. Ишаки наши стали останавливаться, а нам хотелось непременно пройти через два хребта. Маршрут был сложный. Много лет спустя, пролетая на вертолете над этими горами, я удивлялся, как мы прошли тогда, — такими неприступными казались глубокие провалы, висячие ледники, крутые склоны хребтов.

Были и опасные переправы через бешеные реки, от одного вида которых дух перехватывало, и пяти-тысячные перевалы.

Река Ракзоу, вдоль которой мы шли, не имела берегов. Вода цвета какао — на наших глазах рушились подмытые слои глины — бесновалась в каньоне, стенки которого были сложены из ненадежного сыпучего конгломерата. Каньоны Ракзоу неопределимы — иной раз приходилось обходить их, поднимаясь на высоту московского университета. У горцев есть пословица: «Путник, на тропах Памира ты — как слеза на реснице». Над Ракзоу не было даже тропы...

После трех недель похода увидели сверху долину Бартанга. Вдоль реки тянулась автомобильная дорога, заплатками смотрелись среди гор

маленькие поля, кишлаки, окруженные тополиными рощами и абрикосовыми садами.

К людям идти было неудобно: заросшие лица с потрескавшимися губами, оцарапанные руки и ноги, разорванные грязные ковбойки и штормовки, полуразвалившиеся горные ботинки... Мы остановились у края кишлака. Памирка в красном платье, окруженная кучей босоногих ребятишек, принесла нам поднос с чайником, сахаром, «ноном» — плоскими лепешками.

В Хороге застала нелетная погода, и мы поднялись в Памирский ботанический сад. Директор — профессор, доктор биологических наук Анатолий Валерьянович Гурский — полдня водил нас по саду и рассказывал о Памире. И как рассказывал!.. Об исмаилитах, о действии ультрафиолета на горные растения, о рубиновой горе Кули-ляль... О петроглифах и древних индийских крепостях огнепоклонников — снахнушей... И о Сарезском озере, и о своих друзьях-памирцах — садоводах, чабанах.

Потом я путешествовал снова в разных краях, бывал в экспедициях посложнее. Но часто вспоминал Памир. Стал читать о Памире все, что мог достать.

Мне снова удалось уговорить друзей. На этот раз мы пошли к Ляджуар-дара. Ляджуар — по-шугнански означает лазурит. Я знал об этих местах из книги писателя и исследователя П. Лукницкого; глава из «Путешествий по Памиру», где описывается месторождение лазурита, меня просто заворожила. Хаос кам-

ней и густая синева неба. Слева — пик Маяковского, оттуда все время раздаются глухие раскаты: обламываются и рушатся висячие ледники. Высота — около пяти километров.

В студенческие годы я бегал на длинные дистанции. Помню, на последних кругах темнело в глазах, только кусочек дорожки проступал из мрака. Горячие удары крови, и приказ самому себе: «Догони!» Так же было и здесь. Несколько шагов — и остановка, чтобы успокоилось сердце. Одна мысль: дойти! И вот там, где уже, кажется, можно дотронуться рукой до фиолетового неба, стали встречаться каменные блоки с вкраплениями.

Несколько дней мы тащили рюкзаки, набитые лазуритом и другими редкостными камнями, вдоль Дапшай-дары. Ущелье вдруг резко сузилось, вода побежала по дну глубокого и узкого каньона, который, как ножом, разрезал гору пополам. Пришлось перейти на «овринг» — шаткую висячую тропу, выложенную из веток и плоских камней. Потом она поползла к самому небу. Стало темнеть. Назад возвращаться нельзя, идти вперед — значит оступиться... Памир заманил нас в ловушку.

К счастью, нашлась крошечная площадка на тропе. Легли вшестером, вплотную друг к другу, а ноги над пропастью...

Назавтра, в солнечный полдень, мы поднимались на Шахдарьинский хребет. На последних метрах словно шагнули навстречу четыре ледяных гиганта — вершины Гиндукуша. Казалось, они стояли совсем рядом — притягательно красивые, на их ледниках начинались притоки Инда. У подножья лежал сказочный Кашмир.

Я приезжал сюда снова и снова. И за верность Памир открыл мне лучшее, что у него есть.

...В лагере геологов, выше кишлака Куги-Ляль, никто не спросил, кто я, — просто протянули миску борща и кружку компота. Потом начальник участка дал мне рабочую одежду и каску. Я видел, как в гору вгрызаются перфораторы, а после взрывов рабочие откатывали вагонетки с породой, тянули в подземелье электрические кабели, вентиляционные трубы, шланги для сжа-

того воздуха. На прощанье мне показали главное: маленький мешочек с белыми камнями, внутри которых красовались малиновые кристаллы благородной шпинели...

На ледник Фортамбек (это белая стена высочайших вершин от пика Коммунизма до пика Евгении Корженевской) приезжают альпинисты со всего мира. Таджики говорят: «Стоит потерять сердце, чтобы сюда дошли глаза». С нависающих ледников каждый час-другой сходят лавины, увлекая вниз чудовищные массы снега. Альпинисты, собравшиеся у желтых палаток на морене, — смелые симпатичные парни — счастливо улыбались: настала их очередь подниматься туда, где рождаются лавины.

Я побывал и на Сарезском озере, в царстве неправдоподобной, необыкновенной синевы. Дикие горы спрятали это синее чудо. Увидишь его — и кажется: большей красоты не может быть на земле...

Самые лучшие, самые счастливые дни провел я на Памире. На горе Куги-Ляль встречался с геологами, на Фортамбеке — с учеными и врачами, на леднике Федченко — с метеорологами, на Сарезском озере — с вертолетчиками, гидрологами, в Ишкашиме и в Мургабе — с туристами и колхозными шоферами. Памир стал моей землей. Его образы — громады солнечных гор, прохлада кишлаков, дружеские руки, протягивающие тебе пиалу чая, — живут во мне; это как любовь, которая всегда и всюду с тобой.

Нет такой дороги, которую можно пройти до конца. Вот почему я еще много раз буду возвращаться на эту землю.

Детство президента

**Борис
ПУТИЛОВ**

Фото
В. Степанова

*«К чему человек привык в детстве,
таким он останется и в старости»*

Библейская мудрость

70 лет назад, 20 августа по старому стилю, в семье учителя Ташкентской женской гимназии Василия Семеновича Вонсовского родился мальчик, которого нарекли Сергеем...

Так обычно начинают повествования о великих мира сего. И хотя, по словам одного из ведущих физиков Института физики металлов, в их

институте нет ученых «первого ряда», я рискну начать так же. Ибо понятие «первого ряда», как и любое понятие, относительно: нет в современной физике магнитных явлений ни одной существенной проблемы, в решении которой наш ученый не принимал бы активного участия, не внес бы свой вклад, не оценимо его значение, а его школу, ураль-

скую школу физиков-теоретиков, знают не только у нас, но и за рубежом. Однако, чрезвычайно высоко ставя его деятельность, я совсем не хочу возносить моего героя над людьми. Просто, говоря словами Максима Горького, «вся жизнь я видел настоящими героями только людей, которые любят и умеют работать».

А Сергей Васильевич Вонсовский как раз и принадлежит к этому первому ряду вечных работников!

...Итак, он родился в долине Чирчика.

Ташкентский оазис. Туркестан. Этот край войдет в его жизнь — узкими улочками, пугающими паранджами из черного конского волоса, бесконечными дувалами и грязными арыками, минаретами и медресе, шумным, слепящим глаза базаром «старого» города и «новым» (русским) городом, где были кирпичные тротуары, поливаемые водой, могучие каменные здания и белые бельгийские трамвайчики, которые, раскачиваясь, бегали по узким рельсам.

Но первыми воспоминаниями станут для мальчика другие — российские.

В разгар мировой войны семья Вонсовских приедет на каникулы в Москву, в гости к Николаю Степановичу Федотьеву, Серезиному деду по линии мамы, Софии Ивановны. Поселятся они не где-нибудь, а в самом Политехническом музее: там Николай Степанович служил сторожем-смотрителем. На эту важнейшую должность его, старого сельского учителя, раздвинувшего на своей северной Рязани тутового шелкопряда, определил член комитета музея профессор Владимир Робертович Вильямс... И отсюда, из высоких окон музея, замороженно глядел шестилетний мальчик на белокаменную, развороченную войной столицу, проникаясь навечно любовью к родине. Отсюда, возможно, водил его старый дед к памятнику героям Плевны, гренадерам, погибшим за освобождение Болгарии, и, возможно, читал и объяснял значение древних слов, выбитых на нем: «Аще зерно пшенично под землю не отомрет, то едино пребудет. Аще же отомрет, много оплодотворит!» И еще: «Больше ся любве никтоже имет, дакто душу свою положит за други своя!»...

— Возможно, — говорит сегодняшней Сергей Васильевич. — Но избыточной памятью моей останется сам музей.

Это — первый народный университет России. Построенный по блистательному проекту академика И. А. Монигетти (русский, или нововизантийский, стиль), он и сейчас служит украшением столицы, а тогда был ее гордостью. В нем собрано все, что было и есть замечатель-

ного в техническом, этнографическом и биологическом бытии России. Имелся тут даже туркестанский отдел, немало удививший, наверное, Серезю этой, за тысячи верст, встречей со знакомыми паранджами и тубетейками... Главной же ценностью музея были народные чтения, которые вели лучшие умы России для простого люда.

Профессор Д. Н. Анучин, кстати, бывший любимый учитель Серезиного отца, Василия Семеновича, один из «отцов» Политехнического, вспоминал:

«Тысячи состоявшихся чтений и объяснений дали возможность сотням тысяч народа получить неизвестные им раньше в их жизни впечатления... и под влиянием этих новых впечатлений у многих посетителей музея могла проявиться любознательность, стремление к самообразованию, к усвоению тех или иных специальных сведений. Политехнический музей... положил первый прочный камень тогда, когда для народа в этом отношении почти ничего не делалось и когда сами народные чтения стояли еще под подозрением».

Одним из тех сотен тысяч и стал мальчик из далекого Ташкента.

Когда-то на чтениях здесь блистал основатель школы русских физиков Александр Григорьевич Столетов, составивший себе мировое имя, в том числе и работами по намагничиванию железа, — тема, которая потом станет основной и в трудах советского физика Вонсовского (ферромагнетизм), понятно, на ином уже уровне. Столетов, который еще в 1882 году говорил, что отрасль электротехники «вдвойне дорога Политехническому музею как дело науки и как дело, на котором наше отечество показало свою интеллектуальную силу перед целым светом. Известно всем, с каким блеском заявили себя на этом поприще многие русские имена».

(Заявит себя на этом поприще и физик Вонсовский, если не сам, то через своих учеников. Воистину, как сказал Эйнштейн, «способность ясно видеть взаимосвязи принадлежит к самым прекрасным ощущениям в жизни!»)

Самого Столетова Серезя, понятно, слышать уже не мог. Но он мог еще быть на лекции семидесятилетнего Клементя Аркадьевича Тимирязева. И, о чем бы ни говорил «неистовый Клемент», о жизни ли растений или о теории Дарвина, он почти всегда, чтобы показать мужество ученых, приводил в пример Столетова: «Так, на сообщениях о сфероидальном состоянии Александр Григорьевич не побоялся опустить руку, смоченную эфиром, в расплавленный свинец!»

Вечерами, когда дед, закрывая музей, тушил везде свет, мальчик

ходил вместе с ним по звонким залам и, замирая сердцем, осторожно трогал чудеса природы и техники.

...Будучи в Москве, я специально пройду путем моего героя. Так же, но чтоб не увидели зрители, коснусь первой в мире паровой машины Ивана Ползунова (макета, ясно, не действующего), остолбенею перед подлинной электролампочкой Павла Яблочкова и вовсе замру перед настоящим телеграфом земляка нашего Александра Попова. Здесь, в отделе электротехники, многое осталось, как встарь, и я понял: мальчик, проведший в этих залах чудес первые месяцы своей сознательной жизни, просто не мог не стать физиком!

Здесь многое осталось, как прежде. Только лекции, которые читались для народа, теперь другие: о голографии (объемном изображении на плоскости) и о новых квазичастицах...

Работники музея подарили мне книгу, выпущенную к столетию Политехнического. Вернувшись в Свердловск, я вручил ее Сергею Васильевичу. И надо было видеть, как обрадовался маститый академик этому привету из детства!

Да, все мы родом — из детства. Но мы еще несем в себе гены предков, а часто и их идеалы.

Итак, кто же был его отец, Василий Семенович? Нет, далеко не сразу он стал учителем, а потом директором школы. Голодное, полудишее детство в белорусской деревне. Помните в «Железной дороге»: «...волосом рус, видишь, стоит, изможден лихорадкой, высокорослый больной белорус: губы бескровные, веки упавшие, язвы на тощих руках»? Но не всем, даже бедным белорусам, суждено было стигнуть подобно тому, Некрасовскому. Сила жизни народной нестремима...

Василий уже с третьего класса смоленской гимназии, куда за редкие способности он был определен на казенный кошт, стал давать уроки по богатому семьям, помогая многодетному отцу. И учиться поспевал, отлично учиться! Через много лет, в 1900 году, окончив Московский университет по естественному факультету, он получил приглашение остаться на кафедре знаменитого географа профессора Анучина (мы о нем говорили). Но Василий Вонсовский не останется: вышедший из народа, он вернется в него — отдать долг: движимый высокими идеалами, он едет на самую темную околицу России — в Туркестан. Едет в меру сил своих «заткнуть дыру, из которой текут народные бедствия», — так о темноте простого люда говорил знаменитый педагог Иоганн Песталоцци...

Здесь мы на время оставим заслуженного учителя Узбекской ССР В. С. Вонсовского. И обратимся к

Софье Ивановне. К матери. Личности не менее замечательной.

Сельский учитель - самородок Н. С. Федотьев, смотритель музея, был ее отчимом. А ее отец был земским врачом, который погиб от тифа, спасая больных турок, плененных под Плевну (опять взаимосвязи, удивительные и страшные). Умрет, заразившись от них: пример самопожертвования, оставшийся в истории рода Вонсовских навсегда.

Софья Ивановна совсем юной; только закончив рязанскую прогимназию, выходит замуж за своего кузена военного врача Володю Федотьева, которого вскоре посылают в глухое укрепление Мерке, что было недалеко от Пишпека. Не успели они отпраздновать рождение первенца Николая (командир катера, а потом военпред на заводе торпедных катеров Николай Владимирович Федотьев погибнет в Ленинграде в 1942 году), как грянула беда: у Владимира, у мужа, открылся туберкулез. Он сам себе и диагноз поставил: безнадежно... Но Софья Ивановна бросилась бороться. Спасенье было одно: Башкирия, кумыс. Но от Верного, теперешней Алма-Аты, до Башкирии путь неблизкий, а по тогдашним временам и вовсе гибельный. Но молодая женщина с ребенком на руках везет перекладными в Давлеканово, за тысячи пустынных страшных километров, своего Володю.

Но тщетно. Похоронив в Башкирии мужа, Софья Ивановна возвращается к его родителям в Ташкент: свекор был учителем пения в тамошнем реальном училище. Возвращается и поступает классной дамой и учительницей музыки в женскую гимназию, ту самую, где уже витийствовал и поражал гимназисток диковинными опытами молодой физик Василий Семенович Вонсовский.

Он сразу потянулся к ней. И это тяготение кончилось естественно — предложением руки и сердца.

Она уехала в Москву, к отчиму, и, пройдя тяжелый конкурс, поступила на Высшие женские курсы, на медицинский факультет — прогрессивная профессура, обучение бесплатное. Как радовалась, что станет одной из первых в России женщин-врачей!... Но зря: смерть мужа, дальние переезды, тяжелые экзамены, трудные первые месяцы занятий — все к одному: она надорвалась, заболела. Врачи, осмотрев ее, объяснили: хотите жить — бросайте учебу. И Софье Ивановне пришлось отказаться от своей мечты-клятвы, что стало глубокой внутренней трагедией ее жизни...

Но осталась еще одна любовь-мечта: музыка. Немного оправившись, Софья Ивановна становится слушательницей музыкального училища имени Антона Рубинштейна.

...Тут я отвлекусь от истории

дома Вонсовских. Тут у нас с академиком Вонсовским возник небольшой музыкальный спор. О братьях Рубинштейнах. Спор, который, ясно, я проиграл. Как раньше проиграл спор о времени жизни Канта и Гегеля ученику Сергея Васильевича профессору Герману Германовичу Талуцу. Уступить физику в споре о философах было обидно, но проиграть Вонсовскому сам бог велел: музыка, после физики, — второе увлечение Сергея Васильевича.

— Вы бы слышали, как он играет концерты Рахманинова! — с гордостью сказала мне в институтской столовой молодая женщина, доктор наук. Правда, доктора-мужчины при ее словах уткнулись в тарелки: чудит, мол, шеф со своим музицированием... Но я уверен: это не чудачество, это серьезно! Для настоящего ученого наука и искусство нерасторжимы. В доказательство — слова академика Ивана Ивановича Артоболевского: «...мир звуков Баха и Чайковского такое же оружие в научном творчестве, как знание математики, физики или химии». Только так.

Во время нашего спора о Рубинштейнах открылась дверь кабинета и вошла секретарь, неся на блюдечке стакан чая. Увидев этот чай, Сергей Васильевич растерянно замахал в сторону секретаря и, чтоб я не видел, смущаясь, показал ей, далеко вытянув под столом руку, два своих длинных музыкальных пальца. Но я увидел все-таки этот странный жест и тоже растерянно и растроганно догадался: два, значит, надо стакана, для меня, для гостя, чтоб тоже!.. Деталь вроде незначительная, но весьма характерная для скромного доброго человека — Сергея Васильевича Вонсовского!..

...Через несколько лет Софья Ивановна вернулась в Ташкент, в свою гимназию, где ее с удивительной верностью и упорством ждал физик Василий Семенович. Но Софья Ивановна снова со слезами отказала; боялась, как отнесется будущий муж к ее маленькому сыну Коле: отчим все-таки — не родимый батюшка. Но Василий Семенович ждал долгих восемь лет, чтоб потом стремительных пятьдесят прожить с Софьей Ивановной в редком душевном единстве и счастье.

В 1910 году, как уже сказано, у них родился сын Сергей. Софья Ивановна оставила гимназию: мечтала сделать из младшего музыканта. Сама занималась с ним. «Но первое время я саботировал музыкальные уроки, — с улыбки вспоминает академик Вонсовский. — Зачем мне были нужны эти унылые гаммы, когда душа стремилась к другому»... А душа его, плененная Политехническим музеем, стремилась к технике. Он убежал из дому, сел на бельгийский трамвайчик

(номеров у тех трамваев не было, вместо них висели разноцветные дощечки: красный, положим, цвет — первый маршрут, голубой — второй, желтый — третий), сел в трамвай, покупал билет — билеты эти, тоже разноцветные, он коллекционировал, как марки, — и ехал к городской электростанции. Большие окна ее были почти всегда распахнуты настезь, и мальчик часами стоял, наблюдая, как там, в таинственном полумраке работают могучие машины: дизели, генераторы — это было захватывающее зрелище!

Но еще больше он любил паровозы! На том же белом трамвае он уносился на вокзал и опять часами мог стоять где-нибудь в сторонке от людской толчи и смотреть в каком-то очаровании, как приходят и улетают вдаль окутанные паром гиганты, которые, словно циклопические цирковые боксеры, двигали в беге своими блестящими поршнями. К шестому классу он знал о тогдашних паровозах все: их марки, устройство, мощность, скорость...

Но вдруг неожиданно и музыка нашла дорогу к его сердцу.

В их доме появился странный человек. Сын польского ссыльного Михаил Николаевич Куляб-Кокоретский. Это был известный чудак и оригинал. Его чудачеству длинную толстовку и синие темные очки знал весь город, а его знаменитый воздушный насос — все городские собаки. Дело в том, что, кроме преподавания в консерватории и выступлений в прессе с просветительскими и критическими статьями, он еще занимался настройкой роялей. А так как в Ташкенте вечно стояла несусветная пылица, то первым делом он высасывал из инструментов своим огромным деревянным насосом пыль. Этим же насосом, фукая им, как из ружья, он «отстреливался» от бесчисленных бродячих собак. Однажды появился он в доме Вонсовских и стал там частым гостем, а маленький Сережа «прописался» в его домике.

В консерватории Михаил Николаевич вел историю музыки, читал лекции о знаменитых композиторах, сопровождая их концертами учениц Софьи Ивановны, дома — сидел над книгами, особенно много у него было энциклопедических словарей: Брокгауз и Эфрон, братья Гранат. И это был не просто мертвый капитал. Например, в энциклопедии он делал вклейки — журнальные и газетные вырезки, фотографии, от чего словари страшно распухали и становились необычайно интересными: мир продолжал расти в очарованных глазах мальчика.

И музыка, через рассказы Михаила Николаевича, перестала быть набором скучных гамм и утомительных упражнений — она, воплотившись в живые образы ее творцов,

тоже обрела жизнь и образ. Он уже музицировал с удовольствием, с наслаждением даже. Участвовал в концертах. Раз на любительском музыкальном утреннике они с еще одним «зундеркиндом», розовощеким Леней Курбатовым, сыграли в четыре руки «Октябрь» Чайковского... И сейчас академик Вонсовский, встречая в Москве почтенного коллегу-физика, члена-корреспондента Курбатова, любит со смехом напомнить ему о их совместном дебюте, отчего щеки членкора, до сих пор розовые, краснеют еще больше...

В знак достигнутых Сережей успехов Куляб-Кокорецкий подарил ему все прелюдии Шопена, подписав: «Сергею Вонсовскому, к счастью, не Прокофьеву» (недолюбливал старина модернистскую музыку)...

— Счастлив тот, кому в детстве встретится подобный чудак,— говорит сегодняшний Вонсовский, академик.— Я ему многим обязан.

В Ташкент пролетарская революция пришла одновременно с Петроградом, уже в начале ноября власть была в руках Советов. Сильная партийная организация при железнодорожных мастерских станции Ташкент, крупнейшей станции в Средней Азии, быстро надела порядок в городе, пришедшие из России и созданные на месте части Красной Армии дали отпор покушениям на Среднюю Азию турецкого генералиссимуса Энвер-паши и отрядам басмачей. В нем сразу стала налаживаться новая жизнь. В том числе новое, народное образование. Сережа Вонсовский сразу пошел в советскую школу, школу имени Герцена, через два года перешел в школу имени Песталоцци.

Каким странным образом имя этого великого швейцарского педагога XVIII века попало в далекий Туркестан? Все просто: школа имени Ушинского уже была, Достоевского тоже, и осталось только имя Иоганна Генриха Песталоцци. Директором новой школы был назначен Василий Семенович Вонсовский.

Вот мы и вернулись к нему. Для Вонсовского-старшего не было вопроса: принимать или не принимать новую власть? Выходец из народа, он всегда служил его идеалам — идеалам Белинского, Некрасова, Чернышевского. И с радостью пошел работать в советскую школу. Правда, всякие скоропалительные нововведения (бригадный метод, учеба без экзаменов) он принимал неохотно, старался придерживаться добрых традиций, отчего постоянно конфликтовал с наробразом. Зато с учительским коллективом, с ученическими отрядами, с родительским комитетом он сразу вошел в контакт: своими силами они без помощи государства сделали к школе большой пристрой, зал и

сцену. В общем о нем можно сказать почти так же, как сказано в словаре Брокгауза и Эфрона о самом Песталоцци: «Человек замечательного характера, до болезненности отзывчивый к чужому горю, он волновался и горячился на каждом шагу... Это был народник в лучшем значении слова».

И сотрудников своих Василий Семенович тоже старался увлечь основными правилами Песталоцци. Первое — воспитание в каждом ученике «психической самобытности». Второе — наглядность обучения.

Особенно преуспел в этом учитель естественной истории Константин Николаевич Углицких. (Между прочим, и сейчас, в 70 лет, Сергей Васильевич Вонсовский, академик, имевший дело с десятками тысяч людей, отлично помнит всех до единого своих учителей, имена и фамилии тех, кто учил его в школе и в двух университетах. Случай, по моему, уникальный. Но что это — феномен исключительной памяти или такой же исключительной сердечной благодарности? А может, то и другое?..) Так вот Углицких, этот суровый с виду холостяк с прокуренными, желтыми от табака пальцами открыл им нежный и прекрасный мир природы. Весной он уводил их в далекие степи, похожие от выбрызнувших тюльпанов на розовое море. А в школе он создал живой уголок, где обитали многие представители экзотической местной фауны. И, кроме школьной, другой жизни у этого подвижника не существовало!

Да, это была уже советская школа, но заповеди Песталоцци — учить детей формой, числом и словом — оставались здесь обязательными. По крайней мере, для Сережи Вонсовского.

Прекрасной формой, то есть музыкой, его учили мама и Куляб-Кокорецкий. Словом — преподаватель литературы Вера Петровна Маевская, беззаветно влюбленная в русского писателя XIX века. Ее уроки были забываемы. Когда она разбирала, скажем, сочинения по романам Тургенева, от ее проникновенных лирических отступлений девочки плакали навзрыд.

А числом Сережу просвещали уже математик Давыдов и сам директор школы, учитель физики Василий Семенович Вонсовский — его отец. Свои уроки и опыты он вел изящно и удивленно, всякий раз будто впервые, будто импровизируя. Но какой труд, какая подготовка стояли за этой внешней изящностью! Физика входила в Вонсовского-младшего словно играючи, но — навсегда!

Поглощенный на уроках только предметом, вне класса Василий Семенович был человеком, которому казалось, что он вечно не успевает

что-то сделать, возможно, главного. И он спешил... «Спать в такое время — вообще позор, — говорил он, набирая после ужина в постель кучу книг, — вот надо срочно прочитать»... Он ложился, жадно открывал первую книгу.

А мама, Софья Ивановна, заговорщицки подмигивая сыновьям, шептала с улыбкой: «Сейчас опять заснет на пятой странице».

И верно — открытая книга вскоре выпадала из рук, а сморенный тяжким дневным трудом директор школы имени Песталоцци закрывал слипающиеся глаза и дружного доброго смеха своих домочадцев уже не слышал. Он засыпал, чтоб с рассветом взвалить на себя снова тяжкий труд. Труд сеятеля народного...

Академик Вонсовский тайком поглядел на свои часы. Электронные, американские. Купленные, понятно, не для престижа, а для того, чтобы беречь время, знать его точный ход. Я поймал его взгляд и понял: академик ждал его нелегкий труд, мое время кончалось. Я поднялся. Что ж, первые шаги его мне были ясны — они были сделаны по хорошей дороге и под умелым присмотром. Но что-то мешало мне вот так сразу проститься и уйти. Что? Я стремительно перебирал в уме все сказанное здесь. И вдруг понял: я не спросил о главном. И я спросил.

Академик задумался.

— Главное, что я вынес из детства? — переспросил он. — Прежде всего — чувство ответственности. Никогда не забуду, как отец составлял расписания занятий. Он стелил перед собой на столе огромные листы и ночами напролет колдовал, заполняя их. Важно было не только избежать накладок. Нет. Важно было трудные уроки удачно сочетать с легкими, гуманитарные с естественными. Сейчас я понимаю, что для отца это было началом начал. Исходом организации учебного процесса, разнообразного и интересного. И он относился к этому, как и ко всей своей работе, с чрезвычайной ответственностью. Прививал ее нам.

Второе. Это ранняя привычка к любой работе. Сколько я себя помню, я делал все сам: ходил за обедом, бегал в булочную, мыл посуду, убирал квартиру. И так далее.

А третье — любовь к родине. Да-да, к России. Оторванные от нее, мы долгими зимними вечерами мечтали, бывало, всей семьей, как летом в каникулы поедем в гости к дедушке в Москву. Снова увидим русские леса, русские реки. Или вообще говорили о России, о русских писателях, ученых. А карту ее — у нас дома был отличный толстый, чуть не метровый в ширину атлас мира — я знал вдоль и поперек. Каждую российскую губернию изучил, городок каждый...

Вот те три главных урока, которые преподали академику Вонсовскому его родители.

Но тогда, в Ташкенте, когда закончилась школа, весной 1928 года об этом и думать не думалось: будущее, казалось, состояло только из счастливых слагаемых. С выбором пути все ясно было давно: только Ленинградский паровозостроительный институт. Строить паровозы! Давнишняя его мечта. Мощные, стремительные и бесшумные. Которые все дальше сделают близким. Которые, подобно птицам, станут облетать его Россию и весь мир!

Но перед отъездом в Ленинград мама, Софья Ивановна, давно встревоженная странными недомоганиями сына, болями в груди, одышкой при беге, заставила его пойти к врачу. Диагноз был неожидан и страшен: порок сердца. «В паровозостроительный вам нельзя категорически», — сказал врач, — выберите, батенька, что-нибудь полегче»...

И он выбрал. Избранный им путь вряд ли легче пути инженера. Но он им идет. И всю жизнь, сжав зубы, шагает через этот порог — порок сердца. Пусть это не так рискованно, как опускаться, подобно Столетову, смоченную эфиром руку в расплавленный свинец.

ИЗ ЛИЧНОГО ДЕЛА АКАДЕМИКА С. В. ВОНСОВСКОГО

Национальность — русский.

Образование — высшее, академик.

Окончил [когда, что] — в 1932 г. Ленинградский госуниверситет.

Специальность — физик-теоретик.

Какими языками владеет — английский, французский — свободно, немецкий — читает, пишет.

Был ли за границей [когда, где] — выезжал для чтения лекций и докладов в 1957 года по 1979 год: в ПНР, Италию, Англию, Францию, США, ЧССР, НРБ, Японию, ФРГ.

Участие в выборных органах — депутат Верховного Совета РСФСР.

Имеет ли правительственные награды — орден Красной Звезды, орден Трудового Красного Знамени, орден Ленина и Золотая Звезда Героя Социалистического Труда.

Партийность — беспартийный.

Печатные труды — 5 монографий.

Места работы — 31.5.1932 г. принят инженером третьего разряда в Уральский физико-технический институт... 14.1.1971 г. назначен председателем Президиума Уральского научного центра — уполномоченным Президиума АН СССР. По совместительству — профессор Уральского госуниверситета.

КАК В ГОД ПРИЕЗДА ИЛЬИЧА...

Одним из самых памятных событий в четырехвековой истории города Уфы было пребывание здесь в 1900 году Владимира Ильича Ленина.

Той далекой зимой он вместе с Н. К. Крупской возвращался из Сибири. В Уфе Надежде Константиновне предстояло отбыть последний год своей ссылки. Во второй раз Ленин посетил город летом, приплыв сюда на пароходе с матерью, Марией Александровной, и сестрой, Анной Ильиничной.

На заре века Владимир Ильич Ленин вынашивал планы создания боевой революционной партии и общерусской политической газеты. В Уфе он встречался с социал-демократами, делился с ними мыслями о работе «Искры» и ее агентов в России, создании опорных пунктов газеты.

«Пребывание Владимира Ильича в Уфе, — отмечал один из местных марксистов А. И. Петренко, — хотя и весьма краткосрочное, произвело... весьма благоприятное впечатление: как будто в душевной комнате широко распахнули окно, через которое ворвался свежий, бодрящий, освещенный солнечными лучами воздух».

Благодаря В. И. Ленину в Уфе образовалась одна из самых крепких на Урале социал-демократических организаций. Ее членами были А. Д. Цюрупа, братья Кадомцевы, Г. М. Мишенев, ставший делегатом от Урала на II съезде партии.

Одноэтажный дом с мезонином, в котором В. И. Ленин провел три летних недели, превращен в музей. Он был открыт по решению Центрального Комитета партии 21 января 1941 года. Отсюда отправлялись на фронт бойцы знаменитой Башкирской кавалерийской дивизии, сюда заходили Георгий Димитров, Долорес Ибаррури, жившие некоторое время в годы войны в столице Башкирии. 2 миллиона 600 тысяч человек, в том числе делегаций из 69 стран мира, посетили мемориальный Дом-музей В. И. Ленина, познакомились с документами, фотографиями, живописными полотнами, рассказывающими о революционной деятельности В. И. Ленина и Н. К. Крупской в период их пребывания в Уфе.

Все эти годы к дому не зарастает народная тропа. Сюда приходят рабочие промышленных предприятий и труженики села советоваться с Лениным, здесь они рапортуют вождю о своих трудовых достижениях. Дом-музей играет важную роль в деле коммунистического воспитания подрастающего поколения. Здесь торжественно вручаются комсомольские билеты, проводятся пионерские сборы.

Дом-музей в Уфе является единственным на Урале историческим памятником, непосредственно связанным с жизнью вождя. И вот, согласно проекту, утвержденному правительством автономной республики, решено создать мемориальную зону Дома-музея В. И. Ленина. По замыслу зодчих, будет воскрешен уголок старой Уфы, таким, каким он был в год приезда вождя. Прежде, чем выполнить проекты реставрации старых домов, бульжного покрытия, специалистом пришлось проделать кропотливую работу: изучить исторические материалы, восстановить по документам первоначальный облик и планировку дореволюционных построек. В создание мемориала вносят свою лепту архитекторы и историки, скульпторы и художники, столяры и плотники дел мастера. Реставрационные работы будут закончены в нынешнем году.

Виталий
ЧЕМЛЯКОВ

Кое-что о лыжах

Николай
СУПРУНОВ

Когда тщеславные спортсмены хотят щегольнуть в кругу своих приятелей, они во всеуслышание заявляют, что ходят только на лыжах финских или канадских, а других и не признают... А ведь наша страна еще в глубокой древности была «учредителем» лыж — именно тех, что наиболее близки к современному по типу и конструкции.

Лыжи как приспособление, облегчающее передвижение по глубокому рыхлому снегу, известны давным-давно. Первобытные охотники пользовались ими еще в эпоху неолита. Об этом го-

ворят наскальные рисунки, найденные учеными на камнях Залавруга, близ впадения реки Быг в Белое море. Первобытный художник изобразил идущих на лыжах цепочкой людей — «след в след», то есть по лыжне. У четырех из них видны в руках палки для отталкивания, для ускорения хода.

Как видно на рисунке, художник изобразил своих современников на лыжах скользящих, а не ступающих, которыми также издавна пользовались, еще до открытия Колумба, жители американского континента и других северных мест. Пер-

вое, абсолютно точное графическое изображение русских лыж — скользящих, узких — имеется на миниатюре в Никоновской рукописи, датированной 1444 годом. Хорошо видно изображение буквально сегодняшней лыжи...

Лучшие промысловые, охотничьи лыжи выделялись в Зауралье, в частности в далекой Якутии. Якуты-звероловы, отправляясь на зимнюю охоту в лес, для того, чтобы не тонуть в снегу, надевали на ноги так называемые подволошные лыжи замечательного устройства. Многовековая практика выработала к ним свои требования, которые и до сего дня входят в стандарт на это охотничье изобретение.

Во-первых, якутские лыжи были в изготовлении абсолютно индивидуальными, делались персонально для каждого охотника в зависимости от его роста и веса. Примерка даяны изготавливаемой лыжи производилась так: нижний конец, пятка, ставился у пальцев ног стоящего охотника, а другой конец, носок, загнутой вверх частью должен был упираться в подбородок. Эта длина лыжи была оптимальной для человеческого роста, позволяла охотнику нести на себе определенный груз с наименьшей затратой сил.

Во-вторых, делались лыжи из равнослойных прямолнейных еловых досок, в которых не должно быть ни сучка, ни задиришки...

В-третьих, в середине, в продольном направлении лыж, обязательно делалась идущая вверх плавная кривизна. То, что сейчас конструкторы называют линией весового прогиба, открыто много лет назад и без всяких математических расчетов. Чем тяжелее, грузнее был охотник, тем больше была кривизна. Без прогиба человек погружался бы серединой лыжи в снег, так что оба конца ее подымались сразу вверх и никакого скольжения не получалось.

В-четвертых, снизу охотничья лыжа обклеивалась шкурой, снятой с ноги забитого оленя, и ее волосистой стороной приходилось по шерsti, а не против. Это значительно помогало при подъеме в гору: лыжа не подавалась назад и, кроме

того, не скрипела, что было очень важно для охотника, выслеживающего зверя. Край шкуры загребались кромкой на верхней стороне лыжи. Нога ставилась на специальную берестовую прокладку, не впитывающую влаги: между прокладкой и лыжей укреплялись кожаные ремни, ими она крепилась к ноге.

Посредине лыжа утолщалась до двенадцати миллиметров, утончалась к концам. Ширина в месте ступни достигала шестнадцати миллиметров.

В руках лыжник имел костырь, иначе посох, на нижнем конце которого укреплялся ремненным переплетом обруч размером с ладонь. На другом конце костыря имелся крючок: цепляясь им за кустарник или ветви деревьев, зверолову легче было подниматься в гору.

В полное лыжное снаряжение охотника обязательно входили ишмы — нечто вроде сапог, у которых голловка-низ кожаная, а голенища — полотняные. Они значительно облегчали передвижение по глубокому снегу, и снег в них не набивался.

Сейчас специалисты-спортсмены насчитывают шесть основных видов скользящих лыж специального назначения: спортивно-беговые, они же гоночные, туристские, лесные-охотничьи, детские, слаомные, прыжковые. И хотя все они разнятся в основных параметрах, в весе, способах крепления к ноге и видах обуви для них, все они — внуки и правнуки русской узкой скоростной охотничьей северо-восточной лыжи, позже названной уральской. Той, которая впервые изображена на скалах у Белого моря...

Еще в XVII веке эта лыжа была достоинством только русских. Из России она вначале перешла в скандинавские страны, в том числе в Финляндию, затем в Швецию и Норвегию. А оттуда перекочевала в Англию и Францию. В Канаду она попала еще позже...

На рисунке: первый справа русский воин стоит на лыжах, слева пятеро русских воинов на лыжах.

Повесть

СРУБИТЬ КРЕСТ

**Владимир
Фирсов**

*Рисунки
Е. Стерлиговой*

Часть 2. БОЙ.

Глава 8. Кузнец поневоле

По совету бабушки десантный «Гриф» высадил меня на уединенной поляне.

— Чем позже узнает Рюдель о твоём прибытии, тем лучше,— сказала она, и я согласился. К тому же мне была нужна лошадь, а отыскать ее в сельскохозяйственных поселках будет легче, чем в городе.

— И сам не ходи покупать. Пошли Петровича. Он не так заметен, как ты. Постандартней. Пройдет—его и не заметят.

Рассуждения бабушки были логичны, и после высадки на Изумрудную я отправил робота в поселок, который, как показывала фотокарта, лежал не очень далеко. После моих уроков Петрович стал немного разбираться в лошадях. Я не думал, конечно, что его приобретение окажется очень удачным, но ведь мне бы только добраться до столицы...

Я ждал Петровича больше часа и уже начал беспокоиться. Наконец он появился на дороге, ведя в поводу такого одра, что меня чуть не хватил удар.

— Этот ходячий скелет называется тут боевой лошадей?— спросил я, хлопая конягу по крупу, от чего у нее чуть не подломались ноги.— Ты не боишься, что она сдохнет подо мной?

— Боюсь,— серьезно отвечал робот. Впрочем, он все говорил и делал серьезно.— Но все другие лошади уже куплены кавалером Рюделем.

— Однако...— пробормотал я. Это был чувствительный удар. Наша схватка с кавалером Рюделем еще не начиналась, а он уже выигрывал у меня очко. Впрочем, этого следовало ожидать. Ведь Рюдель наверняка догадался, зачем Ганелона пригласила меня к себе, а может быть, просто подслушал наш разговор. Знал он и то, что коня я с собой не возьму,— в тесной кабине внепространственных перелетов с трудом поместилась бы даже коза.

Я представил, как с копьём наперевес скачу верхом на козе навстречу Рюделю, и мне стало тошно.

Мы навьючили на новоявленного Росинанта тюки с одеждой и прочими запасами. Я посмотрел на карту и двинулся вперед, ведя конягу в поводу. Я чувствовал себя немного не в своей тарелке. Все же это была чужая планета. Она очень походила на Землю— белыми облаками, зеленым лесом, зеленой травой, пылью на дороге. Только солнце было слегка зеленоватым, да листья у деревьев оказались необычной формы, да насекомые орали в траве непривычными голосами...

Сзади меланхолично вышагивал Петрович. По-моему, его совсем не волновало, что он попал в другой мир. Я знал, что его чуткие уши слышат любое сотрясение воздуха в диапазоне до тридцати килогерц, что он постоянно прослушивает все радиодиапазоны, что четыре его глаза— лицевые, теменной и затылочный— обзеревают всю полусферу как в видимом диапазоне, так и в инфракрасном и ультрафиолетовом,— словом, лучшего сторожа и телохранителя нельзя было и желать. И все же тайное беспокойство грызло меня.

После той кутерьмы, которую вчера подняла бабушка, мое предприятие перестало казаться мне приятной прогулкой на рыцарский турнир. Я не знаю, ложилась ли бабуся спать, но был убежден, что бессонную ночь сотне человек она обеспечила. Я представил, как в течение всей ночи приходили в действие могучие охранительные механизмы, созданные человечеством за последние века, как многочисленные подразделения Службы Безопасности, Службы Здоровья, Звездного Совета,

Технологического Совета, возможно, даже Совета Академий решают одну-единственную проблему: где может возникнуть опасность для Алексея Северцева и как эту опасность предотвратить? Я представил, как моя бабуся с присущим ей напором надела на бедную Ганелону,— наверно, вывернула ее наизнанку, но разузнала все необходимое. Утром, прощаясь, я спросил об этом бабушку, но она только посмотрела на меня и сказала: «Уж молчал бы лучше, горе-рыцарь...»

Мы шли уже часа два, когда Петрович заговорил. — Странно,— сказал он.— Здесь совсем нет радиопередач. Я прослушиваю все диапазоны— и нет ничего, кроме обычных атмосферных помех. На Земле такая тишина только на аварийной частоте Службы Здоровья. — Неужели у них нет ни радио, ни телевидения?— удивился я.

— Дважды я слышал какой-то сигнал— очень мощный. Короткий модулированный сигнал сложной формы. Больше нет ничего. А телевидение здесь существует— я видел в поселке экран.

— Значит, они предпочитают проводную связь,— я оглянулся на Петровича и тут заметил, что мой Росинант как будто прихрамывает.

— Слушай, да ведь он потерял подкову,— в сердцах сказал я роботу, словно он был виноват в этом. Конечно, мне следовало сразу проверить ноги у лошади, но меня так расстроила ее внешность, что я забыл про все.— Надо искать кузницу.

Дорога, прямая и ухоженная, шла то через лес, то мимо обработанных полей с какими-то мохнатыми злаками, похожими на ветвистую кукурузу. Еще через час мы увидели за лесочком разноцветные, словно у кукольных домиков, ярко раскрашенные крыши.

— Да будет тень Креста над тобой!— сказал я твердо заученную формулу приветствия, когда человек в ярко-желтом комбинезоне вышел к нам из ближнего дома.

— И над тобой, кавалер,— ответил он.— Я диспетчер Фей, чем я могу помочь путникам?

— Где я смогу подковать коня?— поскольку меня уже возвели в сан кавалера, я не рискнул назвать свою клячу лошадейю.

— Боюсь, что это невозможно. Ты же знаешь, что в праздник всякая работа негодна Кресту.

— Я, наверно, перепутал дни. Напомни мне, что за праздник сегодня.

— Кавалер смеется надо мной. Он упражнялся с копьём, которое я вижу притороченным к седлу, и утверждает, что забыл о празднике? А что же означает выпел на его копьё?

Я все понял. Претенденты на руку принцессы уже съезжаются в столицу, и Кресту негодно, чтобы кто-то подковал моего коня, починил мой панцирь, наточил мой меч... Здесь чувствовалась рука кавалера Рюделя. Он явно выигрывал у меня еще очко.

Я на секунду задумался. Конечно, до столицы мой коняга дохромает и так, а там я его съем. Но это все же риск. Вполне возможно, что Рюдель приготовил мне еще сюрпризы— скажем, отравил лошадей в королевской конюшне. Тогда все пропало, потому что кавалер без коня— никто. Мой Росинант, несмотря на крайнюю дряхлость, все же давал мне право воткнуть свой выпел Соискателя перед тронном принцессы.

— Ну хорошо,— принял я решение.— А кузница или мастерская у вас есть? Проводи нас.

— Я был бы рад помочь кавалеру,— отвечал диспетчер, показывая, куда идти.— Но работа в праздник негодна Кресту— вчера нам весь день повторяли это по телевизору. Никто не согласится помочь кавалеру.

— Подкову вы мне найти можете?— спросил я его. Я не знал, о каком Кресте талдычит желтый диспетчер и почему этого Креста так боятся, но мне надо было подковать Росинанта.

— Откуда у нас подковы?— вздохнул диспетчер.— За подковой надо ехать на Ристалище.

Я оглядел мастерскую. К счастью, здесь был про-

стенный горн с ручным наддувом, а в углу я высмотрел подходящий кусок железа.

— А ну, Петрович, разжигай горн,—скомандовал я, стаскивая плащ.—Надеюсь, Крест простит кавалеру некоторые причуды. Ведь имеет кавалер право на причуды?

Отковать подкову для меня не составило труда. Петрович тем временем нашел несколько болтов, раскалил их и несколькими ударами превратил в добротные гвозди. Когда я кинул темно-малиновую, покрывшуюся окалиной готовую подкову на верстак и вытер пот со лба, вокруг меня уже стояло человек десять. Они молча смотрели на меня, словно впервые увидели, как человек работает.

Баязета я всегда ковал сам, поэтому ремонт ходовой части горе-коняги не занял у меня много времени. В пять минут я зачистил и подрезал копыто, прибил подкову, обломал и расклепал выступившие наружу концы гвоздей, запиллил их. Пока я возился, зажав ногу лошади в коленях, Петрович держал моего Росинанта под уздцы—его даже не пришлось привязывать. Разноцветные комбинезоны все так же молча—словно языки проглотили—смотрели на мою работу. Я протянул диспетчеру монету—по-моему, на нее можно было купить подков на целый отряд рыцарей. На душе у меня было радостно: как-никак, а очко у Рюделя я отыграл.

— Желая всем удачи и света,—сказал я.— Да будет тень Креста над вами!

— Я провожу тебя, кавалер,—предложил диспетчер. Он вывел нас за поселок, показал дорогу, потом, помнявшись, сказал:

— Пусть кавалер извинит меня... Я простой диспетчер, и это не мое дело... Но я осмелюсь сказать: мы все желаем тебе победы. Мы все надеемся, что твое копье не будет знать поражений. И если тебе понадобится наша помощь—мы поможем. Даже если это не угодно Кресту...

Последние слова он произнес так тихо, что я едва расслышал.

— Спасибо,—растроганно ответил я.— Но почему вы решили оказать мне доверие?

— Ты... не настоящий кавалер,—сказал диспетчер тихо.— Мы видели, как ты работаешь. Ни один кавалер не умеет работать. У тебя руки рабочего человека. Ты—наш, хотя и одет кавалером...

Я рассмеялся—его слова были мне приятны.

— Спасибо за хорошие пожелания. Вскоре ты увидишь редкое зрелище—как Рюдель вылетит из седла. Говорят, этого никто еще не видел. Так что не пропусти!

Там, где дорога входила в лес, я оглянулся. Фигурка в желтом комбинезоне по-прежнему виднелась на краю поселка. Я помахал Фею рукой. Теперь я знал, что не одиноко на Изумрудной, что у меня есть сторонники.

Глава 9. Долгая жизнь — проклятье

Мы шли по лесу уже давно. Дорога, в полях проложенная почти напрямик, здесь заплеталась среди крутых, заросших вековыми деревьями холмов. Стало сыро и прохладно. Кроны лесных великанов сомкнулись над нашими головами. Где-то неподалеку бормотал и булькал ручей, в воздухе разносился странный пряный запах переспелых листьев. Я невольно замедлил шаг, вглядываясь в переплетенья ветвей по сторонам дороги. Лучшего места для засады нельзя было выбрать. Я знал, что засады нет, а если будет, то Петрович заблаговременно ее обнаружит, но ноги сами шли все медленней. И тут Петрович остановил меня.

— В лесу кто-то стонет,—сказал он.

Мы продрались сквозь густые ветви, и я увидел ле-

жащего в траве человека в поношенной, грязной одежде. На вид ему можно было дать лет шестьдесят-семьдесят. Он был без сознания. Из раны, распекавшей его лоб, сочилась кровь, заливая лицо.

Нам пришлось повозиться с ним довольно долго—мы смыли кровь, продезинфицировали раны (еще три были на плечах и спине), заклеили их биопластырем, обработали синяки и ссадины, вправили вывихнутое плечо, сделали уколы. Незнакомый перестал стонать и заснул.

Петрович внимательно осмотрел и выслушал его.

— Ничего опасного,—сказал он наконец.

Примерно через час неизвестный пришел в себя.

— Кто вы?—спросил он тихо, всматриваясь в нас.

— Меня зовут Алексей, а моего товарища—Петрович. Скажи, что с тобой случилось?

— Я... умру?—он смотрел на нас с испугом и надеждой.

— Через пять дней ты будешь здоровехонек. Все, что теперь тебе необходимо, это покой, сон, хорошее питание. Где ты живешь?

Неизвестный долго молчал, закрыв глаза. Потом попробовал подняться на ноги, но силы ему отказали.

— Помогите мне добраться до дому,—прошептал он.— Это совсем недалеко. Один я не смогу. Потом... дома я все расскажу.

— Ты понесешь его на руках, Петрович,—сказал я и пошел за Росинантом. Тот стоял на дороге, где мы его бросили, свесив голову и хвост, ни на шаг не сдвинувшись с места.

Мы блуждали по лесу довольно долго, пока, наконец, не отыскали запряженный в самой глуши домишко. Жилище незнакомца выглядело убого и снаружи, и внутри. Мы уложили пострадавшего на кровать, напоили, дали таблетку антeина. Постепенно наш пациент приободрился.

— Скоро ночь,—сказал он.— Оставайтесь у меня... Мне будет плохо одному.

Я понял, что он боится одиночества, темноты, своей слабости, чего-то еще.

— Хорошо, мы переночуем здесь. Сегодня тебя не стоит оставлять одного. Но я попрошу тебя назвать свое имя.

— Увы, у меня давно уже нет имени. Мое имя отобрано и передано другому, потому что я нарушил один из основных запретов—я слишком долго живу. А когда-то меня звали Летуром.

— Ты—Летур?!—чуть не закричал я.— Художник Летур?

— Нет, я не художник. Художник—это мой сын. Скажи—ты что-нибудь знаешь о нем? Неужели он еще жив?

Я оглянулся на робота. Петрович спокойно стоял у стены. Ему было все равно—сидеть, стоять или лежать.

— Я попрошу тебя позаботиться о лошади,—сказал я ему.— Расседлай ее, пусти попасться, да проследи, чтобы не сбежала. А если что-нибудь понимаешь в лошадях, подумай, как ее немного приободрить.

Робот ушел, и я облегченно вздохнул. Он наверняка знал кое-что о художнике Летуре, и мне не хотелось при нем говорить неправду. Но не мог же я сказать израненному человеку, что его сын погиб!

— Я слышал, что твой сын—талантливый художник. Он написал замечательный портрет принцессы Ганелоны. Принцесса его очень ценит и любит. Вот и все, что я о нем знаю.

Мой пациент так и засветился от счастья.

— Спасибо тебе. Твои слова—самое радостное, что я услышал за всю свою лишнюю жизнь!

— Расскажи мне все по порядку, Летур. Я ничего не понимаю. Какая лишняя жизнь? Что все это значит?

И он начал рассказывать. Только теперь передо мной стала вырисовываться подлинная картина жизни на Изумрудной—кое о чем я уже знал от Ганелоны, о чем-то догадывался сам... Все оказалось сложнее и проще—и намного хуже, чем я мог предполагать.

— Прежде всего должен сообщить тебе, что все мы, населяющие эту планету, не являемся аборигенами. Мы иммигранты, пришельцы из другой системы, теперь никому не известной, появившиеся здесь сотни лет назад.

— Я знаю это. И даже знаю, откуда вы прилетели, потому что сам только сегодня прибыл оттуда. Ваша настоящая родина называется Земля, до нее сорок пять световых лет. Ты знаешь, что такое световой год?

— Знаю. Но сколько же времени ушло у тебя на дорогу?

— Сегодня утром я был еще дома.

— Поразительно... Наши предки провели в ракете много лет, пока добрались сюда. И это имело трагические последствия. Очевидно, в пути переселенцы подверглись действию какого-то фактора, изменившего наследственность. Люди начали умирать молодыми, и с этим не удалось ничего поделать.

Были и другие беды, неизбежные при подобных переселениях. На новом месте на беглецов обрушились неожиданные эпидемии, их косили беспощадные болезни. Одно время все существование колонии висело на волоске из-за огромной детской смертности. Наконец удалось найти прививку, которая спасала детей. Но со взрослыми все обстояло по-прежнему. Мужчины умирали в расцвете сил, как только достигали сорока лет, — умирали мгновенно, без мук, без каких-либо предшествующих симптомов. Женщины, продолжательницы жизни, воспитательницы детей, жили еще меньше.

Примерно в те же годы, когда была введена обязательная прививка всем новорожденным, спасавшая их от смерти, появилась и религия. Первые переселенцы тоже верили в своего бога, но это была формальная вера. Новая религия, религия Креста, была фанатичной, иступленной, беспощадной. Люди не знали, почему они умирают, и искали объяснения в иррациональном, потому что верить — это проще, чем знать. Вера ни к чему не обязывает, она учит смиряться, принимать мир таким, каков он есть.

Представь себе, как страшно жить человеку, если он знает, когда пробьет его час. Вот остался год, вот полгода, а вот всего месяца-два — небольшие отклонения бывают, но итог всегда один. Представь себе этот ужас — целая планета смертников! Целое человечество осужденных на смерть и знающих, что помилования не будет... Что им оставалось делать? Было только два выхода — или пьянство, безумие, самоубийство, или... вера.

Люди хотели жить, и они предпочли веру. Они поверили, что так надо высшему божеству, и верят в это до сих пор.

Одно время я думал, что есть и другой путь — наука. Ведь то, что мы потеряли по дороге сюда, можно найти снова. Но почему-то этот путь был оставлен. Больше того — на нашей планете практически нет науки. Мы живем остатками того запаса знаний, который привезли с собой. Но и этот древний багаж мы растеряли почти весь.

Это естественно. Наука и религия — всегда враги. Стремление к знанию и потребность в вере лежат на разных полюсах — я твердо уяснил это для себя. Сам я веру предпочел науку. И тоже потерпел неудачу.

Я говорю «тоже», хотя твердой уверенности у меня нет. Но не могли же люди за столько веков не попытаться справиться с бедой? Наши короли и принцы, наши всемогущие кавалеры из Черного совета — они ведь тоже хотят жить?

Мне удалось узнать другое — такое страшное, что до сих пор я сказал об этом только двоим. Но они умерли. Ты — третий, кому я открыю эту тайну. Я узнал, что прежде, и не так давно, люди жили гораздо дольше — лет до пятидесяти.

Ты можешь себе это представить? Жить лишней десятком лет? Совсем недавно это было возможно. Но сработал неведомый механизм в нашем теле — и срок жизни сократился. Вначале сорок пять, затем сорок лет — для мужчин, и еще меньше — для женщин.

И еще одно я узнал. Иногда механизм все-таки не срабатывает. Приходит срок, а человек не умирает. Поверь, тут не ошибка в хронологии — каждый из нас считает не только годы, но и месяцы своей жизни. И вот человек живет — год, три, десять, вызывая вначале любопытство у окружающих, потом раздражение, потом — ненависть.

Ты видишь перед собой одного из таких людей. Я должен был умереть двадцать лет назад. Но я все еще жив, и мне уже шестьдесят. Значит, можно? Значит, есть надежда? Но меня не исследуют, не пытаются найти причину чудесной аномалии. Наоборот, возненавидели так, что мне пришлось скрываться. Уже много лет я прячусь в лесу, питаюсь плодами и охотой. Сегодня мне не повезло — я пошел осматривать свои силки и ловушки и неожиданно наткнулся на людей, которые почему-то были не на работе. Ты видишь, что они со мной сделали! Только чудом я вырвался из их рук. А ведь последние сорок пять лет я тружусь над одной проблемой — пытаюсь понять, как вернуть людям долгую жизнь.

Когда-то я попытался обратиться к слугам Креста. Они слушали меня, но в их глазах я видел только тупость и равнодушие. «Тень Креста над нами» — вот все, что они смогли мне сказать. Так угодно Кресту — и это их устраивает. Они глупы и бессердечны, а все их участие — только маска лицемерия. Им надо, чтобы я не думал, не сомневался, а слепо верил. Я предъявлял им факты, а они уверяли, что это ошибка, что сказка о долголетию — выдумка смутьянов. Я доказывал, что люди несчастны, а они уверяли меня в обратном. «Посмотри, — ласково журчали они, — милостью Креста мы не знаем болезней, не ведаем телесных страданий, у нас не рождаются уроды, убогие, не умирают малые дети. Каждый, кто появился на свет, получает столько же, как и все остальные, — и срок жизни, и жизненные блага. Все люди сыты, одеты, умеренно трудятся, хорошо зарабатывают, развлекаются, дома их уютны и красивы. Природа наша благодатна, места хватает всем, никому не приходится рисковать собой в бурных морях, знойных пустынях, в горах и снегах. Так угодно Кресту, а то, что ему угодно, — благо...»

Летур откинул голову на подушку и замолчал. У него явно поднималась температура. Я поздравил Петровича — он давно уже вернулся и стоял у стены, слушая рассказ, — и мы начали возиться с раненым. Потом я снова дал ему таблетку антенина, а когда та подействовала, стал готовить ужин. Продуктовый НЗ, взятый по настоянию бабушки, сейчас нам очень пригодился, потому что еды в доме не было никакой. Разыскав в шкафу две тарелки, я положил на них по кубику, полил водой, и после минуты шипенья и бульканья кубики превратились в сочные бифштексы, подрумяненные и аппетитные. Затем из прозрачной упаковки я извлек пучок тонких палочек величиной со спичку и тем же способом превратил их в макароны.

Летур накинудся на пищу с жадностью — видно, жилось ему в лесу впроголодь. Все же он обратил внимание, что Петровичу не досталось тарелки, и предложил с ним поделиться.

— Благодарю тебя, — отвечал Петрович. — Я сыт.

— Он сыт, — подтвердил я, уплетая румяное горячее мясо. — Он недавно хорошо подзаправился.

Это было верно — только вчера Петровичу сменили аккумуляторы.

— А теперь спать, — объявил я после ужина. — Утром нам надо быть в столице.

Когда мы легли — Летур на своей кровати, я на полу, — а Петрович вышел присмотреть за Росинантом, я спросил хозяина, сколько лет его сыну.

— Он уже достиг предела, — тихо ответил тот. — Ему сорок лет. Я не видел его почти двадцать лет...

Слова Летура многое мне открыли. Я понял, что причину смерти художника искать бесполезно. Просто он уже прожил весь отпущенный ему срок...

Глава 10. Рюделя никто не любит

— Опять тот же сигнал, — сказал Петрович, когда мы были уже в нескольких километрах от столицы. — На этот раз я его запеленговал. Скоро узнаем, откуда он идет.

— Передай запись на спутник — пусть на Земле займутся анализом.

Словно услышав наш разговор, мой браслет вдруг зажужжал зуммером вызова, и из экрана выглянуло улыбающееся лицо моей бабушки.

— Бабуся! — обрадовался я. — Откуда ты говоришь?

— Я на орбитальной ВП-станции — только что проводила домой твою принцессу.

— Она не моя, — попытался я возразить, но бабушка только отмахнулась.

— Твоя, не твоя — разбирайтесь без меня. Я тут навела справки, и мне сообщили, что вчера дружки этого самого Рюделя, или как его там, тоже вернулись на Изумрудную. Кстати, они везли какой-то прибор, довольно увесистый, — видимо, он был сделан по их заказу. Я, конечно, постараюсь узнать, что это за штука.

— А я узнал причину смерти художника Летура, — сказал я.

Бабушка выслушала меня, а потом попросила показать ей моего коня.

— Н-да, действительно Росинант, — рассмеялась она. — Тебе срочно надо выкрасить его в оранжевый цвет.

— Это зачем? — спросил я, чувствуя подвох.

— Тогда ты будешь совсем как д'Артаньян. Помнишь, как он въезжал в Париж на оранжевом коне?

— Тебе лишь бы посмеяться, — я скорчил сердитую мину.

— Не делай вид, что обиделся. Все равно не повезу. Вперед, рыцарь, — спешу завоевать свой Париж и свою принцессу!

— Не нужна мне принцесса, — отмахнулся я, слегка покривив душой. Уж эта бабушка — она видит меня навсквозь...

В столицу мы вошли без приключений. Прежде чем двинуться во дворец, я решил подкрепиться и зашел в первый попавшийся ресторан. Хозяин, плотный невысокий человек, в годах (по меркам Изумрудной), усадил меня в прохладе под навесом просторной лоджии.

Видимо, пищу здесь готовили вручную — мне пришлось ждать почти полчаса, прежде чем он принес из кухни горячий, аппетитно пахнувший кусок мяса, из которого так и капал сок. Увы, на вкус это блюдо оставляло желать лучшего. Мясо было жестким, словно животное, которому оно принадлежало, рассталось с молодостью задолго до моего рождения. Однако большая глиняная кружка, которую хозяин поставил на стол, несколько утешила меня, потому что в ней оказалось неплохое пиво.

Увидев, что я утолил голод, ресторатор подсел ко мне — в этот час его заведение пустовало, и он обрадовался случаю поговорить.

— Я вижу, кавалер прибил издалека, — сказал он, оглядывая мой пыльный костюм. — Завтра начнутся поединки, и ты успеешь вовремя. Желая тебе выбить из седла побольше соперников.

— А почему же не всех?

Хозяин покачал головой.

— Кавалера Рюделя тебе не одолеть. Ты же знаешь, какой он боец! Вчера он так ловко ударил двух кавалеров прямо в шлем, что те тут же испустили дух. Так что я тебе не завидую. Но, может быть, тебе повезет и кто-то опрокинет тебя раньше, чем ты встретишься с кавалером Рюделем.

— Я побью Рюделя, — сказал я упрямо.

— Хорошо бы, — вздохнул хозяин. — Но осмелюсь на-

помнить, что следует говорить «кавалер Рюдель», — хоть ты и приезжий, но правила должен знать.

— Я побью кавалера Рюделя, — повторил я.

— Надеюсь, — ответил хозяин. — Не хотелось бы мне видеть тебя в этом ящике...

Я проследил направление его взгляда. Внизу под нами по улице медленно ехала повозка, двуконная, но запряженная почему-то одной лошадью. Впереди восседал возница, а у него за спиной на повозке стоял небольшой контейнер.

— Что это такое? — спросил я в недоумении.

— Да откуда ты явился? — удивился хозяин. — Ты что, забыл, как у нас хоронят людей?

— Я хотел спросить, — поправился я, проклиная себя за неосторожность, — почему покойника везут одной лошадью?

— А, ты об этом... На днях почти всех лошадей скупил Черный совет. Ходят слухи, что объявилось много самозванцев, которые и копыя-то никогда не держали, а теперь метят в Соискатели. Чтобы уберечь их, пришлось принять кое-какие меры.

— Разумно, разумно, — важно сказал я, щедро расплачиваясь за угощение. — А кавалера Рюделя я все-таки побью. Ты, насколько я мог заметить, не очень любишь его?

Хозяин посмотрел мне в глаза, словно решаясь на что-то.

— Так и быть, я скажу тебе, кавалер. Все равно мой срок на исходе и бояться нечего. Нельзя же всю жизнь только и делать, что бояться. Жены мне не досталось, детей, следовательно, нет, а своя шкура мне не так уж и дорога... Так что я скажу тебе. Ты, видно, приехал издалека, хотя я не знаю, где у нас есть это самое далеко, и, видно, имеешь зуб на кавалера Рюделя. Хоть и сам кавалер. Может, ты вообще из этих... ну, не кавалер вовсе. Впрочем, это не мое дело. Так слушай. Да, я не люблю кавалера Рюделя. Кавалеров никто не любит — за это я ручаюсь. И знаешь, почему? Потому что никто не видел, как их хоронят. Недавно короля хоронили — все видели. А куда деваются мертвые кавалеры? Может быть, они и не умирают вовсе? Может быть, они бессмертны? Открыли какое-то лекарство и сами им пользуются, а от народа прячут? У нас не очень-то чтут мертвых и все же иногда ставят памятники. А где ты видел хоть один памятник кому-нибудь из Черного совета? Может быть, их трупы топят в море? Но почему? А не живут ли они среди нас — омолодившись, сбросив лет по двадцать, и так снова и снова? Нигде не работают, ничем не болеют, едят и пьют только самое лучшее, женщин выбирают, каких хотят, тешат себя конными играми... А я тоже хочу! Я хочу долгой жизни, хочу женщин, богатства, хочу, чтоб у меня были дети. Да пусть мне скажет кто-нибудь, где Черный совет прячет свое лекарство, — я возьму свои кухонные ножи, соберу тысячи таких, как я, и мы перережем глотки всем кавалерам... И тебе тоже, если подвернешься.

— Спасибо за откровенность, — сказал я.

Да, этот зарежет и не задумается. У нас на Земле уже было такое. Резали, жгли, громили — за веру, за фюрера, за наличные монеты... Но там вождьцеленной целью была власть, слава, набитый бумажник, а здесь дело посерьезней. Здесь ставка — сама жизнь. Да такие, как мой ресторатор, не только кавалеров перережут — они вырежут каждого десятого, каждого второго, лишь бы хапнуть бессмертие — для себя, и жирный кус говядины — для себя, и женщину — для себя... Меня передернуло от омерзения.

— Хочешь договор? — спросил я тихо. — Помоги мне достать хорошего боевого коня. А я, когда сброшу кавалера Рюделя и заставлю его поделиться тайной, в первую очередь вспомню о тебе. Идет? Держи задаток.

Я сунул ему несколько монет, на каждую из которых можно было купить трех лошадей, и вышел, очень довольный собой. Я определенно делал успехи. За какие-то сутки я сумел найти двух друзей и одного соумышлен-

ника — причислять к друзьям бравого ресторатора мне не хотелось. Я явно отыграл у кавалера Рюделя несколько очков, и счет у нас снова стал ничейный.

Дорогу к дворцу я изучил по рассказам Ганелоны и теперь двигался довольно уверенно, во все глаза рассматривая улицы.

Город был тих и пустынен. Я уже знал, что механический транспорт здесь редкость, и все же был поражен патриархальным обликом столицы. Невысокие здания старинной кладки, узкие разбитые тротуары, коновязи у ворот — все свидетельствовало о неторопливом ритме здешней жизни, чуждающейся перемен. Несмотря на праздник, людей было мало — или так мне казалось после шумных улиц Москвы? Но больше всего меня поразили дымы, поднимающиеся над крышами. Я понял, что здешние дома не имели энергопитания, хозяевам для приготовления пищи приходилось разжигать в печах огонь.

Перед самым дворцом мимо нас с треском промчался легковой автомобиль, в котором восседал кто-то важный и тощий. За автомобилем вился хвост вонючего дыма и летели искры. Очевидно, этот экипаж работал на продуктах перегонки древесины — я знал, что в глубокой старину и у нас на Земле применялись двигатели на таком топливе.

Во дворец я вошел беспрепятственно. Народа здесь суеилось множество — и по делу, и без дела. Во дворе, у коновязи, толпилось человек пятнадцать-двадцать кавалеров разных мастей. Я оставил Петровича стеречь Росинанта и под их насмешливыми взглядами прошел внутрь. Вот планета! Надо же было придумать такой обычай — свататься к принцессе только конным! Каждый видит за километр — раз человек с лошастью, значит — жених...

Во дворце дым стоял коромыслом — все спешили, всем было некогда, словно свадьба принцессы уже на-

чиналась. С трудом я изловил за длинную юбку какую-то милovidную, ярко раскрашенную девицу.

— Да будет тень Креста над тобой, девушка! Скажи — в этом дворце все такие красавицы, как и ты?

Девица смутилась и мило покраснела.

— Кавалер мне льстит, — ответила она наконец. — Но слушать его мне приятно.

— Берусь доказать, что в моих словах нет ни капли лести. — Она в самом деле была очень недурна, хотя ее внешность сильно проигрывала от толстого слоя красок на лице.

— Мне будет интересно ознакомиться с доводами кавалера, — рассмеялась девушка. — На его счастье мне скоро сменятся с дежурства, и я смогу выслушать их.

— Только вот незадача — я прибыл с очень срочным донесением к принцессе. Ты не сможешь мне поскорее отыскать ее?

Девушка несколько секунд молча думала, потом схватила меня за руку и увлекла в какой-то коридор. Мы долго плутали с ней по темным лестницам.

— Меня зовут Леннада, — тараторила она. — Уже месяц, как мне разрешено выходить замуж. Но я еще не знаю, за кого. Ко мне сватался один кавалер, но он такой старый! Вот за тебя бы я пошла — ты парень что надо. Посватайся ко мне, а?

Она оглянулась, сказала «тс-с-с...» и, вдруг обхватив меня за голову, пригнула вниз и поцеловала в губы.

— Подожди!

Она заглянула за тяжелую портьеру, потом поманила меня.

— Иди! — и подтолкнула в спину.

Я шагнул за портьеру и увидел Ганелону.

Она стояла в длинном золотом платье среди зеркал, и три девушки поправляли на ней наряд.

— Да будет тень Креста над тобою, принцесса! — сказал я громко. Она увидела меня в зеркале и стремительно обернулась. Честное слово, в этот момент глаза ее засияли, как два изумруда!

— Я рада видеть тебя, кавалер. Ты приехал вовремя и еще можешь принять участие в схватках. Ты уже вонзил свой выпел Соискателя на Ристалище?

— Увы, принцесса, это можно делать только конному кавалеру. Но если я усядусь на своего коня, он сдохнет, не доехав до ворот...

Принцесса хлопнула в ладоши, и тотчас рядом появился мужчина.

— Илия, я поручаю тебе кавалера Алексея. Отведи его к себе, накорми, покажи лошадей. Словом, сделай для него все, как сделал бы для меня. Да, а как ты прошел сюда, Алексей?

— Меня привела Леннада. Очень милая и бойкая девушка. Кто она такая?

— Она тебе понравилась? — принцесса лукаво улыбнулась.

— Скорее *это я понравился ей. По-моему, она попробовала объяснить мне в любви.

Принцесса окинула меня быстрым взглядом.

— Ты делаешь успехи! — Она обернулась к своим девушкам. — Спасибо вам, вы свободны. Тебе, наверно, многие объясняются в любви — там, дома?

Я смутился.

— Нет, не многие... одна...

— Всего одна? И давно это было? Кто она?

Я молчал, не зная, что сказать.

— Понимаешь, Алексей, у нас на Изумрудной есть тонкости, которых ты не знаешь. Ты, конечно, слышал, что женщин у нас мало и живут они недолго. Поэтому спрос большой и девушки могут выбирать — все, кроме принцесс... И если девушка соглашается выйти замуж — уже от этого мужчины счастлив. Не надо никакой любви — сам факт согласия способен осчастливить мужчину. Но если, кроме согласия, девушка даст понять, что ее избранник мил ей, — это уже вершина блаженства. Поэтому у нас не так, как на Земле: девушки первыми признаются в любви... или просто дают согласие.

В это время за окном раздался чей-то вопль, а потом донеслись крики возбужденных людей.

— Что случилось? — нахмурилась Ганелона.

Я поспешил к окну. Сердце у меня замерло в предчувствии неприятностей. Внизу, у входа во дворец, смиренно стоял Петрович, держа Росинанта за узду, а у его ног, испуская громкие стоны, лежал кавалер. Вокруг них быстро сгустилась толпа.

— Илия, быстро прекрати все, — приказала Ганелона. Вскоре я увидел, как тот вышел на крыльцо.

— Благородные кавалеры! — зычно крикнул он. — Принцесса начинает прием Соискателей. Благоволите пройти во дворец!

— Что ты тут натворил? — спросил я Петровича, когда мы с ним остались одни. — Неужели ты посмел ударить этого кавалера?

Оказывается, пока я плутал по дворцу, кавалеры, которым мое появление в качестве Соискателя явно пришлось не по душе, решили выместить свое раздражение на Петровиче. Они стали издеваться над ним и над бедной неповинной лошадей — причем с одинаковым результатом, поскольку ни Росинант, ни робот никак на все их слова не реагировали. Пока кавалеры высказывались насчет одинакового цвета зубов у Петровича и лошади, все было ничего. Но тут кто-то случайно задал Петровичу прямой вопрос — куда подевался его хозяин. Робот, как и положено примерному механизму, ответил, что его хозяин пошел к принцессе. Тут кавалеры возмутились всерьез, потому что они дожидались приема с утра. Последовали новые вопросы, и ответы еще больше накалили атмосферу. Отвечал Петрович со свойственным ему равнодушием, чем совсем вывел кавалеров из себя. Наконец один из них, самый здоровенный и самый крикливый, задал Петровичу на свою беду еще один прямой вопрос: «Ты что же, меня кретином считаешь?» — на что Петрович вынужден был ответить с предельной точностью, хотя и вежливо. Тогда кавалер размахнулся и...

— Кавалеры так и рвались в драку. Их надо было как-то остановить. Поэтому я не стал увертываться от удара, а сам подставил ему голову...

Я расхохотался. Бить Петровича — все равно что бить кулаком по скале. Чем сильнее ударишь, тем хуже тебе будет. Бедняга кавалер, наверно, раздробил себе пальцы и теперь досрочно выбыл из числа Соискателей.

— А как же Первый Закон? — спрашивал я сквозь смех. — Ведь ты причинил вред человеку!

— Я не причинял вреда человеку, — ответил Петрович. — Он сам причинил себе вред, я просто не стал ему мешать. Могу я это себе позволить, раз цепи Первого Закона у меня заблокированы?

Через час Илия отвел меня на конюшню. Была она на другом конце города. Я выбрал там неплохого коня по кличке Нектар. Конечно, с Баязетом равняться он не мог, но все же это был настоящий боевой конь.

Затем я долго примерял оборонительное вооружение — шлем, кирасу, перчатки, поножи и все прочее. Металлическая броня была тяжела и неудобна, конструкция ее оставляла желать лучшего. С удивлением я увидел длинные крюки на правой стороне кирасы — один выступал вперед, другой торчал за спиной. На эти крюки всадник укладывал копьё во время атаки, чтобы освободить правую руку для управления конем. Я знал, что в средние века рыцари на Земле пользовались подобными крюками, но мы от них давно отказались, потому что крюки стесняли движения и мешали нанесению прицельного удара. Я решил, что крюки придется отпилить. Не понравилось мне и отсутствие шарниров и замков — все части брони соединялись при помощи кожаных завязок. Копья показались мне удобными, но я заметил, что они короче, чем земные, примерно, на полметра.

С грехом пополам я кое-как напялил на себя все необходимое и повесил на левую руку щит. К счастью, удалось отыскать один щит без герба — это был рондаш, круглый щит с приклепанной изнутри железной скобой,

в которую с трудом пролезла моя ладонь, и ременной локтевой петлей.

Запаренный, как в бане, я приехал на Ристалище и воткнул копье со своим выпелом среди нескольких десятков других копий. С этого момента я официально стал числиться Соискателем со всеми вытекающими отсюда правами и обязанностями. Мне выделили две комнаты во дворце, и я, подкрепившись, улегся в кровать, попросив Петровича посторожить.

Однако долго спать мне не пришлось.

Глава II. Поезд смерти

Сон у меня всегда чуткий, и, когда Петрович прикоснулся к моему плечу, я проснулся мгновенно.

— Тебя спрашивает человек,— сказал Петрович.— Он уверяет, что это очень срочно.

Я вышел в полутемную гостиную и увидел там взволнованного мужчину. С удивлением я узнал в нем воинственного ресторатора, который так не любил Рюделя. Рядом с ним стоял паренек лет пятнадцати.

— Тень Креста над тобой!— приветствовал я его.— Неужели ты раздобыл мне лошадей, да еще вместе с жокеем?

— Пусть кавалер извинит меня,— глухо пробормотал ресторатор (тут я вспомнил вывеску над его заведением — «Теодор накормит всех»).— Случилось страшное дело. Тут нас никто не может услышать?— он пугливо осмотрелся.

Я взглянул на Петровича, тот отрицательно покачал головой.

— Можешь говорить смело. Что за мальчик с тобой? Петрович, зажги свет.

— Ради Креста, не надо!— взмолился гость.— Если нас здесь увидят, то всем нам конец — и тебе тоже.

— Рассказывай,— сказал я, усаживаясь.— Петрович, последи, чтобы нам не помешали.

— Этого юношу, кавалер, зовут Юлик. Это сын моего старшего брата. Пусть он сам тебе все расскажет.

Мальчишка был так напуган, что мне пришлось дать ему антенин. У него даже зубы стучали по стакану, пока он запивал таблетку. Но лекарство подействовало, и он начал говорить.

— Мой отец водитель... уже много лет. Он знает все машины и научил меня управлять ими. Я тоже хочу стать водителем. Я все машины водить умею — газогенераторные и электрические, и даже старые — атомные. И я люблю везде ездить... Отец меня часто брал с собой. В дороге я иногда управлял вместо него, чтобы он отдохнул, и поэтому мы заканчивали рейсы быстро. И отцу хорошо платили... Он хвалил меня и говорил, что без меня ему работа не в радость. Ему ведь было уже почти сорок лет — он говорил, что в таком возрасте надо радоваться всему, пока есть возможность...

И вот недавно — да, три дня назад — ему предложили очень выгодную поездку. Куда, зачем — не сказали. Обещали заплатить вдвое, но велели о ней никому не говорить. Отправление было назначено на тот же вечер.

Там, где машины выезжают из гаража, есть удобный поворот, и отец велел подождать его в этом месте. Оказалось, что в рейс отправились сразу семь фургонов, причем с большими прицепами. Машина отца шла предпоследней. Он чуть мигнул мне фарами, и я сделал, как обычно, — встал там, где машины поворачивали, и на самом повороте вскочил в кабину. Быстренько приготовил себе укрытие в отсеке для инструмента и сел рядом с отцом.

«Чудеса, да и только,— сказал он мне.— Знаешь, кто нанял нас? Сам кавалер Рюдель... Он сказал, что рейс срочный, ехать надо без остановок. Кто-то заикнулся насчет сменщиков, но кавалер Рюдель пообещал, что каждый получит плату и за сменщика — и еще сверх

того. Смотри, это я уже получил как аванс! — он протянул мне деньги, много денег, гораздо больше, чем платили отцу за неделю работы.— Держи их у себя,— сказал он.— Пусть они принесут нам счастье. Да, ты знаешь,— добавил он потом,— у нас почему-то проверили документы. И я заметил странную вещь — все водители были моего возраста».

«Собрали самых опытных»,— ответил я ему. «Наверно,— согласился отец.— Но все же это риск. А что, если кто-нибудь из нас?..» — ну, я понял, что он имел в виду.

Мы ехали всю ночь, нигде не останавливаясь. Я успел хорошо выспаться и под утро сменил отца, чтобы и он немного отдохнул. Потом дорога вошла в горы, и отец сам сел за руль.

К вечеру мы проехали самый трудный участок. Одно место было особенно опасным. Здесь над ущельем висел узкий мост, на который надо было въезжать после крутого поворота, а сразу за мостом начинался длинный подъем. Стоило здесь отказать тормозам, и машина сорвалась бы вниз. Однако все проехали благополучно.

Когда стемнело, мы, наконец, миновали горы и уже ночью выехали на большую поляну среди леса. Здесь машины остановились.

Впереди послышались голоса. «Опять проверяют»,— сказал отец и велел мне спрятаться. Я услышал, как хлопнула дверца стоявшей впереди машины, но о чем там говорили, разобрать не смог. Потом голоса приблизились к нам, и отец открыл дверцу. Спросили его имя, он ответил. «Ну ладно»,— проворчал голос, кто-то осветил фонарем, и люди пошли дальше. Они подошли к последней машине, затем куда-то удалились.

Несколько минут я молча сидел в своем убежище, дожидаясь, чтобы проверяльщики отошли подальше. Было очень тихо — так тихо, что мне стало немного жутко сидеть в темноте, и я потихоньку позвал отца. Однако он не откликнулся.

Я подождал еще немного и позвал погромче, но отец молчал. И тут мне стало по-настоящему страшно. Я вылез из ящика и увидел при свете приборов, что отец неподвижно лежит на руле, свесив руки.

Он был мертв — я понял это сразу, даже не дотронувшись до него, даже не попытавшись понять, что с ним. Я совершенно потерял голову от страха. Выскочив из кабины, я бросился к соседней машине, чтобы позвать на помощь. Дверца кабины была раскрыта, а на руле лежал мертвый водитель!

Я не знаю, как я не сошел с ума. Я бегал от машины к машине и всюду видел одно и то же — мертвые водители в открытых кабинах. Я не мог ни кричать, ни плакать — такой ужас охватил меня.

И вдруг я снова услышал голоса. В первый момент я хотел кинуться к людям, но что-то остановило меня. Я вдруг понял, что меня тоже сейчас убьют, как только что убили всех водителей. Тогда я спрятался за деревом и стал смотреть. Вдоль нашего поезда шли люди — они подходили к машине, вытаскивали труп водителя, клали его на траву и шли к следующей. Все это они делали совершенно спокойно, словно занимались такой работой каждый день. Кто-то с фонариком пересчитал трупы, потом стал их обыскивать. Я догадался, что он ищет деньги, и с ужасом вспомнил, что отец передал их мне. Тут человек с фонарем позвал других, они о чем-то заспорили, и один забрался в машину отца — видимо, искал деньги там. Я понял, как мне повезло: останься я в машине, меня бы уже не было в живых.

Они еще долго ругались из-за пропавших денег, обвиняя друг друга. Потом из леса выехала конная тележка, трупы сложили на нее и куда-то увезли.

Тут кто-то спросил, где водители. «Надо сперва зарыть этих»,— ответили ему. Я догадался, что скоро сюда придут новые шоферы, которые поведут машины дальше, а я останусь здесь один, за тысячу километров от дома.

К этому времени я немного успокоился и стал думать, что делать дальше. Терять мне было нечего, и я

решил бежать. Дождавшись, когда неизвестные ушли, я забрался в последнюю машину, в полной темноте, не зажигая фар, развернулся на поляне и помчался по знакомой дороге.

Я гнал машину на полной скорости. В первый момент я хотел сбросить прицеп, но потом у меня возникла одна идея. Я вспомнил про тот мост и рассчитал, что успею добраться до него, прежде чем меня догонят. Поэтому я волок за собой тяжеленный длинный прицеп, вознося хвалу Кресту за то, что на моей машине стоит такой мощный электромотор...

Погоно я заметил, когда передо мной уже открылся крутой уклон, выведивший дорогу прямо на мост. Я включил тормоза, уменьшая скорость, и, когда она упала почти до нуля, нажал на кнопку сброса прицепа. После этого я рванул машину вперед, чтобы уйти как можно дальше от прицепа, который тихо катился вслед за мной, медленно набирая ход.

Сразу за мостом была скала, под которой дорога делала крутой поворот влево. Моя длинная и тяжелая машина могла повернуться здесь с трудом, да и то на самом малом ходу. Когда до поворота оставались считанные метры, я изо всех сил затормозил. Раздался визг, машина пошла юзом. Я подумал, что сейчас перевернусь, и с ужасом ждал удара несущегося вслед за мной прицепа. Но я рассчитал точно и успел вывернуть машину буквально в сантиметрах от скалы. Секунду спустя позади раздался грохот — прицеп ударился о скалу, встал свечой и обрушился назад, на дорогу и мост.

Мои преследователи слишком поздно поняли, что произошло. Я услышал, как завизжали их тормоза, и оглянулся. На свою беду, они шли за прицепом почти вплотную, и у них не оставалось пространства для маневра. Их водитель кинул машину на край дороги и едва не проскочил в узкую щель между обрывом и прицепом. Но падающий прицеп все же задел машину, и

этого оказалось достаточно, чтобы сбросить ее в пропасть...

Тогда я поехал дальше. Вблизи от столицы я бросил машину в лесу и пришел к дяде Теодору.

Юлик закончил свой рассказ.

— Почему ты привел его ко мне? — спросил я трясущегося ресторатора.

— Я думал... Мальчика опасно оставлять у меня. Они же будут искать...

— Поэтому лучше пусть найдут его у меня?

Ресторатор совсем поник и ссутулился.

— У кавалера искать не будут... При чем тут кавалер и сын какого-то водителя? И еще я думал, что кавалеру будет интересно... Поскольку он не любит кавалера Рюделя...

Я слушал моего гостя и напряженно думал. Подослан он или нет? Вряд ли, — похоже, что все рассказанное мальчишкой чистая правда. У дядюшки хватило порядочности не выдать его, но он все же очень опасается за свою шкуру и предпочел бы сплавить опасного беглеца мне. Наверняка кавалер Рюдель перетряхнет всех родственников убитых водителей. И, конечно, когда дядюшку Теодора как следует прижмут, он не будет долго запыряться. Такие типы храбры, когда их толпа, да все с длинными мясницкими ножами.

Мне очень не хотелось впутываться в какую-нибудь историю, но парнишке всерьез грозила беда.

— Слушай, дядюшка Теодор, и да будет над тобой тень Креста! Я действительно не люблю кавалера Рюделя и хочу его побить в честном бою. Все, что мне тут наплел твой племянник, меня не интересует. Но мальчишка мне нравится. Мне нужен шустрый парень, которому я смогу доверять. Оставь его у меня.

Я выпроводил ресторатора за дверь и велел Петровичу заняться мальчишкой, а сам ушел в другую комнату и долго говорил с бабушкой.

Глава 12. Полцарства за коня!

Бои Соискателей проходили по олимпийской системе — проигравший мог отправляться восвояси или занять место среди зрителей. Ничья не объявлялась — соперники бились до победы.

По жребию мне пришлось принять участие в утренних боях. Кавалер с красной лентой Верховного Судьи через плечо долго копался тощими пальцами в вазе и, наконец, вытащил мне первый номер. Я предпочел бы выступать не самым первым, чтобы предварительно посмотреть на один-два боя, — все-таки знать уровень мастерства здешних кавалеров мне бы не повредило. Судья смотрел на меня наглыми глазами, склонив голову набок, как вздорная сорока. Почему-то его птичье лицо показалось мне знакомым. Я попытался вспомнить, но не смог. «Ладно, — подумал я и равнодушно кивнул. — Первый так первый. Выиграю бой и насмотрюсь вдоволь».

Мую броню привез на тележке Илия со своими подручными. С помощью Петровича и Юлика я надел ее на себя. Была она тяжела и неудобна, но приходилось терпеть. Илия припас также дюжину деревянных копий. Я уселся на Нектара, строго-настрою приказав Петровичу только наблюдать и ни во что не вмешиваться, взглянув на всякий случай на блок-кольцо, надетое на палец левой руки, и выехал на Ристалище.

Глашатаи долго перечисляли победы моего соперника — все это я слушал вполуха. Наконец раздался сигнал, и мой первый бой начался.

Из этого короткого боя я успел понять только то, что мастерством здешние кавалеры не блещут. Мой противник вылетел из седла от первого удара, не сумев

даже толком зацепить меня. Я спешился, снял по здешнему обычаю шлем, помог подняться на ноги кряхтевшему кавалеру, и мы поклонились королевской ложе. Потом я сидел на солнышке, сняв броню, и смотрел, как ломают копья другие претенденты, — среди них лишь двое или трое показались мне достаточно серьезными соперниками. Больше всего мне хотелось увидеть кавалера Рюделя, но его нигде не было, — видимо, он попал в вечернюю подгруппу.

Часа через два пришел черед второму моему поединку. Я надел броню и пошел за лошадью. Картина, которую я увидел, заставила меня похолодеть: Нектар, дергаясь, лежал на полу конюшни, с его губ капала розовая пена, а вокруг метался ошалевший Юлик.

Я понял все с одного взгляда — кавалер Рюдель нанес мне новый и очень меткий удар.

— Здесь кто-нибудь был? — спросил я.

— Никого... Дядюшка был... — мальчишка чуть не плакал.

— Зачем он приходил?

— Проведать... сладостей вот принес...

— К лошади подходил?

— Да... Хороший, говорит, конь, славный конь... Полопал его.

— Кормил?

— Конфету дал...

Все было ясно. Агенты Рюделя добрались-таки до дядюшки Теодора. Ах, быстро его обработали!

Я стремглав бросился наружу, потому что там уже объявлялся следующий бой — мой бой.

— Моя лошадь отравлена, — шепнул я Илию и Петровичу. — Что будем делать? Кто-нибудь из кавалеров сможет одолжить мне коня?

— Я боялся чего-нибудь подобного, — сказал Илия. — Это все подстроено, и никто нам лошади не даст.

Вдруг мне в голову пришла сумасшедшая мысль. Ведь дворцовая конюшня в пятистах метрах отсюда!

— Есть выход, — сказал я. — Илия, прошу тебя именем Ганелоны: беги в конюшню и скачи сюда на Росинанте. Дай ему с сахаром эти таблетки — и сюда. Я постараюсь выиграть время.

Сопровождаемый Петровичем, я кинулся к птицеголовому судье. Он с важностью восседал в глубине судейской ложи, потягивая что-то из стакана.

— Я прошу дать мне пять минут отсрочки. Моя лошадь нездорова, и я хотел бы ее сменить.

Остроносый кавалер окинул меня мерзким взглядом — я даже поежился под броней — и проворно вылез из кресла.

— Кавалер отказывается от поединка? — громко спросил он. — Кавалер испугался боя с соперником?

— Да не отказываюсь я! Мне нужно пять минут, чтобы сменить лошадь.

Он смотрел на меня с ядовитой ухмылкой.

— Поскольку бой уже объявлен и соперник ожидает на Ристалище, по кодексу конного боя его следует объявить победителем...

Тут меня словно кипятком ошпарило. Я вспомнил, откуда мне знакома эта длинноносая рожа!

— Кавалер же, отказавшийся встретиться в честном бою с соперником, изгоняется с позором из числа Соискателей, выпел его всенародно срывается и попирается ногами... — открыто издеваясь, нараспев читал судья.

Я быстро оглянулся — не помешает ли мне Петрович? Но тот стоял спиной к нам у балюстрады и разглядывал моего гарцующего соперника. Ну и хорошо. Эх, птичьеносый, ты меня видишь впервые, а я тебя уже видел — на портрете, за спиной у Ганелоны, — и теперь знаю, что ты за птица! Сейчас я сделаю мгновенное движение, которое ты даже не увидишь, и ты сложишься пополам, тихо ляжешь на землю и будешь лежать долго, достаточно долго, чтобы я успел вышвырнуть из седла своего соперника. А когда ты немного оживешь, я шепну тебе несколько слов, после которых ты никогда не захочешь становиться мне поперек дороги!

Судья был глуп, как пень, и инстинкты самосохранения у него начисто отсутствовали. Иначе он не посмел бы разинуть рот и заорать ликующим голосом:

— Объявляется, что ввиду отказа...

«Сам виноват,— подумал я, незаметно разворачивая плечи и расслабляя кисть.— Эх!..»

Но ударить я не успел, потому что пальцы Петровича намертво сковали мою руку.

— Второй кавалер тоже не может биться,— сказал Петрович, дружески обнимая судью за шею и поворачивая лицом к Ристалищу. От этого легкого прикосновения глаза у судьи вылезли из орбит, рот приоткрылся, а лицо начало синеть. Но Петрович знал меру — через две-три секунды он отпустил обмякшего судью и даже поддержал его за локоть, чтобы тот устоял на ногах.

— Обрати внимание, судья, второй кавалер тоже не может биться,— повторил он флегматично.— У него что-то случилось с лошастью. Видишь, она лежит на траве?

— Видимо, сегодня невезучий день для лошадей,— сказал я судье, ласково улыбаясь.— Я думаю, что надо объявить перерыв минут на пятнадцать-двадцать. Неужели у тебя есть возражения?

Судья ошалело крутил головой, потирая шею.

— Н-нет... Не возражаю,— прохрипел он. Голос явно не слушался его. Он подозвал герольда и приказал объявить перерыв.

Я был готов расцеловать Петровича — я не сомневался, что все это его проделки.

— Петрович, побудь тут с судьей,— сказал я.— Ты посидишь здесь, судья, пока я буду готовить лошадей? Ее, по-моему, уже привели...

— Да-да, я посижу,— с готовностью пролепетал судья, оглядываясь на могучую фигуру Петровича.

К моему удивлению, Росинант выглядел достаточно бодро. Видно, мои таблетки слегка взгорячили его старческую кровь. В бой он поскакал не то чтобы очень уж резко, но все же не плелся шагом. Первое копые я сломал безрезультатно. При второй схватке я ударил точней, и мой противник шлепнулся наземь.

— Что ты сделал с лошастью? — шепотом спросил я Петровича, когда он подошел ко мне после боя.

— Я усыпил ее,— ответил тот.

— Каким образом? Ты ведь не отходил от меня.

— А мне не надо для этого отходить,— Петрович вытянул вперед палец, и я понял, где скрыто его оружие.

— У тебя что, в каждом пальце по сюрпризу? — спросил я озадаченно. Только сейчас я начал понимать, какого могучего помощника дала мне Земля.

— Сюрпризы — только в правой руке,— ответил Петрович.— В левой у меня индикаторы. На радиацию, яды, микроорганизмы... Но я надеюсь, что они нам не пригодятся.

— Я тоже надеюсь,— ответил я, с уважением глядя на робота. Я еще не догадывался, что все его индикаторы окажутся здесь бесполезными.

Глава 13. Тень Креста над нами

К лошадям в королевской конюшне приставили охрану — пять назначенных Ганелоной придворных поклялись не отходить от них ни днем, ни ночью. Только убедившись, что опасность с этой стороны больше не угрожает, я отправился к себе, чтобы отдохнуть.

Я шел пустым темным коридором, когда меня тихо окликнули. Это был диспетчер Фей. Я провел его к себе и попросил Петровича проверить комнаты. Замки замками, а за мое отсутствие сюда могли подсунуть любой сюрприз — от подслушивающего аппарата до мины

под подушкой. Рюдель, по-видимому, уже понял, что я его главный враг, и мог пойти на любую подлость, чтобы устранить меня со своего пути. Петрович прошелся по комнатам, но ни один из его многочисленных индикаторов не обнаружил опасности.

— Я пришел поздравить кавалера,— сказал Фей.— Я видел оба боя и восхищен ими. Если бы кавалер не поменял лошадей, его вторая победа была бы еще убедительней. Опять что-нибудь случилось с подковой?

— Если бы так! — Я рассказал ему, что произошло с моей лошастью на Ристалище.

— Кавалер твердо уверен, что лошадь отравлена? — Абсолютно.

— И он не боится говорить об этом вслух?

— А кого мне бояться, диспетчер? Рюдель и так все знает. Кроме того, сейчас нас никто не слышит — за это я ручаюсь.

— Тогда я скажу несколько слов по секрету. Сегодня ночью ко мне приходил тот человек, которого ты послал. Летур. Мы долго с ним говорили, и он рассказал то, о чем все догадываются, но вслух говорить бояться. Что существует способ продления жизни и кавалеры его знают, но скрывают от народа. Нам говорят: короткая жизнь угодна Кресту. Но почему это ему угодно? Почему сам Летур живет уже шестьдесят лет, если Кресту это не угодно? Почему куда-то исчезли книги о прежних временах, когда жизнь была гораздо длинней? И неужели даже сорок лет — уже не для всех? Летур сказал, что люди стали умирать до этого срока. Мне сейчас тридцать пять. Я хочу знать, есть у меня еще пять лет впереди или я умру завтра? А может быть, я зря беспокоюсь и мне повезет, как Летуру, хотя это и не угодно Кресту?

Я слушал диспетчера и в который раз перебирал в уме все, что узнал. Странные и противоречивые факты никак не укладывались в стройную систему...

Тут я вспомнил воинственного ресторатора.

— Один человек недавно сказал мне, что если бы существовало лекарство для продления жизни, то он перерезал бы глотку любому, лишь бы завладеть им. Что ты думаешь по этому поводу?

— Я тоже знаю таких. Но сам думаю иначе. Я считаю, что это лекарство нужно всем.

— И кавалерам тоже?

Диспетчер несколько секунд молчал, словно не решаясь заговорить.

— Такое лекарство должно принадлежать всем, кто работает,— сказал он наконец, глядя мне в глаза.

Я ожидал такого ответа и все же почувствовал небольшое удовлетворение. Кто не работает, тот не ест — вот как звучала его фраза в переводе на язык земной философии.

— Но кавалеры не работают.

— Они будут работать... со временем.

— Когда же это время наступит?

— Мне кажется... наступит,— диспетчер вдруг замолчал, словно сказал что-то такое, чего говорить не следовало. Я понял его опасения и спросил:

— Летур не сказал тебе, кто я такой?

— Нет.

— Я прилетел с той самой планеты Земля, откуда много лет назад прибыли ваши далекие предки. В то время на всей нашей планете был навсегда провозглашен лозунг «Кто не работает, тот не ест». Кое-кому он не понравился, и недовольные сбежали сюда...

Тут в дверь негромко постучали. Я попросил Фей перейти в другую комнату и выглянул в коридор. Там стояла Леннада.

— Пусть кавалер извинит меня, но мне поручено передать, что во дворе его ожидает человек с лошастью. Девушка явно ждала, что я приглашу ее зайти. Но я закрыл дверь — мне очень не хотелось, чтобы кто-нибудь увидел у меня Фей...

Некоторое время мы шли молча.

— Я хочу, чтоб кавалер завтра проиграл,— сказала вдруг Леннада.

— Почему? — удивился я. — До сих пор все желали мне победы. Правда, это были мужчины.

— Если кавалер победит в турнире, он не захочет смотреть на меня. У него будет принцесса, он станет королем... Поэтому я хочу, чтобы он проиграл. Тогда кавалер посмотрит на меня не только во время беготни по коридорам и увидит, что я ничуть не хуже Ганелоны.

Я взглянул на Леннаду, удивленный ее откровенностью.

— Ты очень красивая девушка, — сказал я, ничуть не кривя душой. — Я уверен, что любой кавалер будет счастлив, если ты выберешь его.

— Я уже выбрала тебя... — ответила она шепотом. — Поверь, милая Леннада, я никогда не забуду твоих слов. Но где же человек с лошадей?

— Вот он, — показала она. Невдалеке, у коновязи, рядом с великолепным белым конем стоял brave ресторатор.

Я ожидал чего угодно, но только не этого. Отравил одну лошадь и привел другую...

— Кавалер желал, чтобы я раздобыл для него коня, — сказал дядюшка Теодор, когда я подошел. — Кресту было угодно, чтобы я смог выполнить его желание.

— Зачем ты приходишь на Ристалище? — в упор спросил я.

— Кавалер обещал мне, что он свалит кавалера Рюделя. Как я мог пропустить такое зрелище?

— А что ты делал возле лошадей?

— Пусть кавалер не беспокоится — меня там никто не заметил. Я только с парнишкой поговорил, с Юликом. Конфет вот ему принес.

— Ему или лошади?

— А что, разве нельзя? Животное — оно тоже ласку любит, но если нельзя, то я не буду. Откуда мне знать — я в них не разбираюсь.

Дядюшка Теодор преданно смотрел на меня ясными глазами, словно это не он обещал мне недавно перерезать при случае глотку. Может быть, он действительно ни при чем?

— Почему же нельзя, — пробормотал я и повернулся к лошади. Уже с первого взгляда я понял, что это — самый лучший конь из тех, что я здесь видел, хотя моему Базету он все же уступал. Я долго осматривал, ощупывал, оглаживал животное, тщетно пытаюсь найти в нем какой-нибудь изъян. Конь был безупречен.

— Спасибо тебе, — сказал я наконец. — Ты честно выполнил свое обещание. Теперь очередь за мной. Я свое тоже выполню.

— Да будет тень Креста над тобой, кавалер, — глухо произнес ресторатор, глядя в землю. — Ну, я пошел... А лошадь эту зовут Закатом.

И вдруг я понял, выполнения какого обещания он от меня ожидает. Я ведь собираюсь свалить Рюделя. Но дядюшке Теодору нужно от меня совсем другое — он ждет, что я поделюсь с ним рецептом долголетия!

Оставив Петровича стеречь лошадь и с трудом отделавшись по пути от Леннады, я возвратился к себе и рассказал обо всем Фею.

— И все-таки мне кажется, что лошадь отравлена им, — сказал я. — Но зачем тогда он привел эту?

— Если это проделки Рюделя, — сказал Фей, — можно ожидать любой подлости.

Я вызвал Петровича через браслет и попросил проверить лошадь. Через несколько минут он доложил, что все в порядке, и я успокоился. Меня смущало только одно: где дядюшка Теодор раздобыл лошадь? К сожалению, я не спросил его об этом сразу, и мне оставалось только гадать, каким образом человек, совершенно не разбирающийся в лошадях, мог приобрести такое великолепие.

Я поделился своими опасениями с Феем, и он сказал, что не стоит держать Заката вместе с остальными лошадьми. Вдруг завтра объявят, что конь ворованный, наложат на конюшню арест... Да мало ли фокусов в запасе у Рюделя!

— Если кавалер разрешит, мы смогли бы присмотреть за его лошадей, — предложил он. — Мы будем дежурить возле нее круглосуточно. А когда она понадобится, кавалер сообщит нам.

На этом мы и договорились.

Вечером я вызвал спутник. Бабушки там не оказалось. Все же вскоре ее разыскали на Земле. На экране браслета рядом с нею я с изумлением увидел Виолу, которая на этот раз уже не была блондинкой.

— Ты эту девушку знаешь? — спросила бабушка. — Ладно, ладно, не смущайся. Мы тут с нею тебе сюрприз готовим...

— Бабуся, а я получил подарок от Рюделя! — сказал я и поделился с нею своими новостями. Она долго смеялась над рассказом о том, как я хотел нокаутировать судью, и похвалила Петровича за сообразительность. Но что за сюрприз мне приготовлен, она так и не сказала. Зато я узнал, что спутники обнаружили в том месте за Южным хребтом, где побывал Юлик, небольшой городишко, и показала мне фотокарту.

— Петрович, не отсюда ли идут те сигналы, которые ты слышал?

Петрович взглянул на экран, мысленно сфотографировал карту и сказал, что пеленги сходятся в районе королевского парка, неподалеку от Ристалища.

— При случае прогуляйся туда, — посоветовала бабушка. — У нас об этой планете информации — ноль с хвостиком.

Поручение бабушки я решил выполнить немедленно, как ни хотелось мне посмотреть на вечерние схватки. Таинственные импульсы очень интересовали меня. С момента прибытия на Изумрудную Петрович старательно пеленговал их и теперь мог указать местоположение передатчика точно.

Огромный королевский парк пустовал — в этот час жители уже спешили на Ристалище или усаживались у экранов. Это было нам на руку. Мы долго бродили с Петровичем по аллеям, выложенным плитками красного песчаника, по ажурным мостикам над прудами, продирались через заросли. Наконец, поднявшись на заросший деревьями холм, мы наткнулись на маленькую часовню — я видел такие и в городе.

Солнце уже сползло к горизонту, и его зеленый свет сделал изумрудными ползущие по небу облака. Зеленой стала и вода в пруду, и белая часовня.

Мы долго разглядывали часовню, однако ничего подозрительного не заметили. Выглядела она дряхлой и заброшенной. Мы уже хотели повернуть к выходу. Но в это время солнце выглянуло из-за облака, брызнув нам в спины изумрудными лучами, и мы увидели, что на наши тени, вытянувшиеся на траве, упала тень огромного креста.

Тень — это всего-навсего тень, но мы оба мгновенно обернулись. Недалеко от нас среди деревьев прятался большой бетонный куб, над которым возвышался огромный сверкающий крест.

— Мне кажется, Петрович, это то, что мы искали, — сказал я вполголоса.

Мы пробрались через густые кусты вплотную к зданию. Куб был непроницаем, без окон и дверей. Лишь обойдя его кругом, мы обнаружили небольшую дверку, но она оказалась запертой.

— Что это такое — храм Креста или радицентр? — спросил я. — Для храма это здание слишком неприступно. Или здесь посещение храмов не предусматривается обычаем?

— Это здание лежит в центре треугольника ошибок, — сказал Петрович. — Сигналы могли исходить только отсюда.

— Петрович, ты помнишь антенну того аппарата, с которым Рудель сидел в Гурзуфе? — спросил я. — Тебе не кажется, что она похожа на этот крест?

— Сходство есть, — подтвердил Петрович. — Но все-таки этот крест — не антенна.

Вдруг он сделал предостерегающий жест и увлек

меня в кусты. Раздался скрип металла — дверка в стене распахнулась, и оттуда кто-то вышел. Судя по голосам, их было двое.

— Я сделаю все, как мы договорились, — услышал я гнусавый голос, который показался мне знакомым.

— Но ни секундой раньше, ни секундой позже, — ответил ему второй. — Я оторву тебе голову, если ты ошибешься!

— Кавалер обижает меня, — сказал первый голос. — Если он во мне сомневается, он может все сделать сам...

Тут в просвете между листьями я увидел лицо говорившего. Это был мой старый приятель — птицеголовый судья.

— Я не должен появляться утром на Ристалище, — сказал его невидимый спутник. — Если я появлюсь утром... — дальнейшее я расслышать уже не смог.

Когда голоса затихли вдали, мы выбрались из кустов.

— Ты узнал судьбу? — спросил я.

— Да, — ответил Петрович. — Но второго я не расмотрел.

— Я тоже. Но мне кажется, что это был сам Рюдель. Уж слишком заискивал перед ним судья. И вообще все это мне не нравится. Не кавалерское это дело — таскаться по радиостанциям... А ну, Петрович, отними это здание. Покажем его бабушке.

Петрович обошел вокруг, зафиксировав его в своей фотонной памяти. Мне показалось, что перед тем как пересечь отбрасываемую крестом тень, он на мгновение замешкался.

— Да будет тень Креста над нами! — бодро сказал я. — Ты не находишь, что сейчас эта поговорка очень кстати? И еще: ты можешь объяснить, почему она мне так не нравится?

Глава 14. Пленник любви

— Ты убежден, что это Рюдель подсунул тебе лошадь? — спросила меня бабушка, когда, вернувшись, я рассказал ей о прогулке по королевскому парку. Неодобрительно поджав губы, она долго вертела так и этак фотографии таинственного радиохрама, переданные на спутник Петровичем.

— Больше никому. Такой лошади здесь нет цены. Ни у кого из кавалеров я не видел ничего подобного. Не могу поверить, чтобы Рюдель скупил всех мало-мальски стоящих лошадей, а эту не заметил.

— Знаешь, внучек, держись-ка ты от нее подальше, — сказала вдруг бабушка. — Не по душе мне подарки твоего Рюделя. Скачи лучше на своем Росинанте.

— Ох, бабуса, что ты говоришь! Он шагом-то еле ходит. А Закал — отличная лошадь. Она уступает только Баязету.

— Тебе виднее, — заметила бабушка. — И все же на твоём месте я бы к ней не подходила.

После ужина я уселся в кресло перед телевизором, чтобы посмотреть, чем меня порадует местная телесеть.

Телевизор был допотопный — не с пленочным, а с толстослойным экраном, заделанным в деревянный ящик. Из пяти каналов работал только один.

Я впервые смотрел местную телепрограмму, и она меня ничем не порадовала. Изображение было плоское, краски неважные. Передавали что-то вроде последних известий — смесь уголовной, спортивной и светской хроники. Состязания претендентов не показали, объявили только результаты — Рюдель снова выиграл оба боя. Я заметил, что вся передача состояла из прямой трансляции. Видеозапись совсем не применялась.

Я выключил экран и задумался. Моего очень короткого пребывания на Изумрудной было достаточно, чтобы понять, что здешнее общество неуклонно деградирует. Я понимал, почему это происходит. Кучка беглецов с Земли привезла сюда передовые знания, передовую тех-

нику и технологию, самую современную энергетику. Здесь, на Изумрудной, в распоряжении колонистов были неограниченные природные ресурсы, идеальная среда обитания — им не приходилось сражаться за жизнь, терпеть голод и холод, ютиться в пещерах, экономить каждый глоток воды или воздуха. У них имелись все условия для неограниченного развития — не было только развития. И причина крылась вовсе не в неимоверно кратком сроке жизни. Первобытный человек на Земле жил вдвое меньше и все-таки создал цивилизацию... Нет, я понимал, что дело совсем в другом: привезя сюда передовую технику, беглецы не привезли передовых идей.

На Изумрудной царили классовое неравенство, экономическая зависимость, религия. Застывшие на столетия производственные отношения сковали рост экономики, если не остановили его совсем.

Я помнил, как Юлик назвал атомные автомобили старыми — новейшими конструкциями были аккумуляторные электромобили и газогенераторные машины. Очевидно, то же самое происходило во всех областях, и прежде всего в энергетике. Переселенцы привезли сюда кварк-реакторы, но со временем те постепенно вышли из строя, и основой энергетики Изумрудной стали ядерные реакторы, а затем тепловые электростанции... Из пяти программ телевизионной сети осталась одна, стал популярен конный транспорт. Общество неуклонно двигалось к закату, и если правда, что средняя продолжительность жизни на планете тоже уменьшается, то закат этот наступит очень скоро.

Вмешательство Земли могло все изменить. Но если Рюдель захватит власть, он этого не допустит. Я должен победить его, чтобы никогда ни он, ни подобные ему не могли здесь верховодить. Могущество Земли неизменно — в считанные дни она сможет дать Изумрудной все, чего здесь не достичь за века. Я был уверен, что земная наука быстро справится и с самой страшной бедой этой планеты — катастрофическим сокращением продолжительности жизни здешних жителей.

Если бы я знал, как я ошибаюсь!

Несмотря на все хлопоты и волнения, сон у меня был прекрасный. Однако я мгновенно проснулся, когда среди ночи Петрович тронул меня за плечо.

— В чем дело?

— Тебя вызывает принцесса.

Я быстро оделся и вышел в темную гостиную. Там меня ждала взволнованная Леннада.

— Пусть кавалер простит меня за беспокойство, — вполголоса сказала она. — Мне поручено немедленно проводить его к принцессе. Никто не должен знать об этом.

— Что-нибудь случилось? — спросил я, наскоро причешуваясь. — Петрович, идем!

— Пусть Петрович останется, — возразила девушка. — Мне приказано привести одного кавалера.

Я последовал за Леннадой по темным коридорам. В огромном королевском дворце я плохо ориентировался и днем, сейчас же совсем не представлял, где мы находимся. Мы шли то вниз, то вверх, то снова вниз. Видимо, девушка прекрасно знала дорогу — только изредка она освещивала слабеньким фонариком, а все остальное время вела меня в полной темноте. Наконец мы остановились, и я услышал скрип отворяемой двери.

— Кавалер может войти, — шепнула она и на миг включила фонарик. — Его там встретят.

Я шагнул вперед и остановился в полном мраке. Дверь позади меня скрипнула и закрылась. Я услышал, как с лязгом задвинулся засов. Затем за дверью послышался смех. Тогда я понял, что никакого вызова от принцессы не было... Я шагнул к двери, нащупал ручку и несколько раз дернул ее, но дверь даже не шелохнулась.

— Леннада, открой дверь! — сказал я как можно строже. — Что это за глупости!

Девушка за дверью звонко рассмеялась.

— Пусть кавалер простит меня. Но теперь он мой пленник!

— Зачем ты это сделала? — спросил я.

— Справа от двери кавалер найдет кресло, — сказала она в замочную скважину. — В нем он может провести остаток ночи. А потом я его освобожу.

— Освободишь? Так тебя не Рюдель подослал? — я был совсем сбит с толку.

— Рюдель? О нет! Меня никто не подсылал. Это я сама.

— Зачем?

— Я хочу спасти кавалеру жизнь.

— Каким же образом? Я могу это узнать?

— Я знаю, что кавалер — очень умелый и храбрый боец. Он будет побеждать всех претендентов, пока жребий не сведет его с кавалером Руделем. А кавалер Рю-

дель непобедим. В первой же схватке он своим огромным черным копьем пробьет голову кавалеру Алексею — так же, как всем предыдущим соперникам, и мне останется только положить на могилу кавалера белые цветы печали.

— Я побью Руделя, — возразил я.

— А если кавалеру повезет и он побьет Руделя, он женится на принцессе, — продолжала девушка. — Вот я и решила; пусть кавалер лучше посидит здесь, пока не кончатся утренние поединки. Тогда я его выпущу, и он уже не сможет ни проиграть, ни победить, потому что не явившийся на поединок кавалер исключается из числа Соискателей. И тогда, может быть, он захочет посмотреть на меня...

— Открой дверь! — зарычал я, напрасно дергая за ручку. С той стороны снова послышался смех.

— Этот подвал — один из самых заброшенных, во-

дворце. Если кавалер будет громко кричать, он может охрипнуть, а это не украсит его...

Лязнул еще один засов, загремел замок, и я услышал удаляющиеся шаги. Тогда я включил осветитель браслета и стал осматривать свою темницу. Это был настоящий каменный мешок — шириной в три шага, длиной в пять, с высоким сводчатым потолком. Очевидно, это помещение служило кладовой — на полу стояли какие-то старые ящики, валялись бумаги. В комнату вела единственная дверь, сделанная из кованого железа, ни окон, ни отдушин не было видно. Справа от двери, как и сказала Леннада, стояло тяжелое мягкое кресло, которое девчонка приволокла откуда-то из дворцовых покоев. Я сел в кресло, вызвал Петровича и попросил поскорее вызволить.

— Попробую, — сказал Петрович. — Пеленг я уже взял, теперь надо лишь найти дорогу...

Время тянулось медленно. Чтобы как-то отвлечься, я открыл один из ящиков. В нем лежали книги и рукописи, все очень ветхие. Я выбрал наиболее сохранившуюся, сдул с нее пыль, уселся в кресло и начал читать. Вначале архаический язык раздражал меня, но постепенно я увлекся. Это был сборник каких-то легенд. Меня поразило, что в легендах упоминались древние старцы и старухи. И тогда я понял, что читаю запрещенную и изъятую литературу тех времен, когда люди доживали до старости! На Изумрудной умирали молодцы. И я не мог поверить, чтобы кто-то сумел выдумать такие подробности, как ноющие кости, слепнувшие, слезящиеся глаза, выпавшие зубы... Нет, все это было явно списано с натуры!

Время от времени Петрович докладывал мне о ходе поисков. Он уже примерно определил, где я нахожусь, и обследовал несколько подвалов, хотя не имел еще ясного представления о плане подземных коридоров.

— Когда же ты его будешь иметь? — спрашивал я, потому что время шло и беспокойство грызло меня все сильнее.

— Точно сказать не могу, — отвечал Петрович. — Здесь под землей целый лабиринт. Но я уже где-то рядом.

Это «где-то рядом» продолжалось так долго, что я совсем распростился с надеждой попасть на Ристалище... Но вот раздался гулкий удар в дверь — Петрович все же нашел меня. Я взглянул на часы. До начала схваток оставалось меньше тридцати минут.

— Петрович, ты сможешь выломать дверь? — спросил я с тревогой. Только теперь я вспомнил, как старательно гремела засовами и замками Леннада.

— Отойди в угол и стань спиной к двери, — командовал робот. Раздалось шипение, запахло горячим железом, в спину мне ударили крошки камня. Через несколько секунд дверь распахнулась.

— Опять сюрприз из пальчика? — спросил я, глядя на перезантные замки. Петрович кивнул. У него был очень довольный вид.

— А теперь скорей на Ристалище! Мне еще надо надеть броню.

И тут я вспомнил, что не послал никого к Фею. Значит, первый бой придется вести на Росинанте...

На Ристалище мы явились минутой в минуту. Первым делом я взглянул в судейскую ложу. Наш приятель с напыщенным видом сидел в глубине, а вход в ложу охраняли десять до зубов вооруженных кавалеров.

— По-моему, судья очень разволновался, — сказал Петрович.

Действительно, тот выскочил из-за своего столика и растерянно метался по ложе, показывая в нашу сторону какому-то человеку. Тот тоже посмотрел на нас и кинулся куда-то бежать.

— Знаешь, Петрович, у меня такое впечатление, что наше появление их поразило. Может быть, они пронюхали о проделке Леннады? Или еще проще — она выполнила их задание?

Тогда я еще не догадывался, что причиной перепада были не мы, а тихоня Росинант, который стоял рядом со мной, растопырив для устойчивости ноги. Об этом

я узнал гораздо позднее, а сейчас мое внимание привлек знакомый мне предмет на судейском столе. До ложи было довольно далеко, но все же я мог поклясться, что этот предмет мне знаком. Я попросил Петровича дать его крупным планом и включил экран браслета. Петрович нацелился в ложу своим телеглазом, и я увидел во весь экран стоящий на столе приборчик с крестовидной антенной, — точь-в-точь такой был в руках у Рюделя на пляже.

Я не знал, для какой цели служит этот аппарат, но прекрасно помнил, что Летур погиб в то самое время, когда Рудель вертел такой же прибор в руках, и это совпадение мне очень не понравилось. Я шепотом напомнил об этом Петровичу и попросил не спускать с судьи глаз.

— Я не спущу с него глаз, — серьезно ответил робот. — Мне такие совпадения тоже не нравятся.

Но тут птицеголовый схватил прибор и, сложив антенну, стал яростно запикивать его себе в карман. Затем он дал сигнал, и я поехал вперед — мой бой самым первым... Свалив противника, я подъехал к конюшне, где уже вертелся Юлик, и послал его к Фею. Я все же решил поменять коня — из опасения, что Росинант однажды оплошает и свалится от старости посреди атаки.

Через полчаса Фей привел Заката. Петрович внимательно осмотрел его, затем за дело принялся я — даже пощупал копыта, не теплые ли. Но лошадь была здоровенька. Я успел немного погарцевать на ней — она была превосходно выезжена, и, не существуя Баязета, я сказал бы, что это лучшая боевая лошадь во всей Галактике.

Впервые я почувствовал радость боя. Своих предыдущих соперников я побеждал по необходимости и лишь теперь, сидя верхом на Закате, ощутил играющую во мне силу. Моим соперником оказался тот драчливый кавалер, который пытался избить Петровича. Я сразу узнал его по забинтованным пальцам правой руки — из-за бинтов кавалер не смог надеть боевую перчатку. Я ударил его так, что мое копьё разлетелось на мелкие щепки. Он рухнул с коня и не вставал, несмотря на попытки помочь ему. Выбежавшие служители унесли беднягу.

Бросив взгляд на судейскую ложу, я заметил, что в ней царит суматоха. Неподдалеку стоял Петрович, с флегматичным видом смотря на происходящую кутерьму.

— Твоя работа? — спросил я, подъехав поближе.

— Моя, — подтвердил он и рассказал, что случилось. Подчиняясь моему приказу, он не спускал с судьи глаз и сразу увидел, когда тот извлек из кармана свой прибор и снова поставил перед собой.

— Тогда я вспомнил старую поговорку: береженого бог бережет. И решил, что не будет беды, если этот прибор простоят без дела, для чего бы он ни служил. И я сделал вот так...

Он многозначительно вытянул вперед палец.

— Нехорошо поступать с человеком, как с лошадью! — с деланным недовольством воскликнул я. — И долго он теперь проспит?

— Праздничный сон — до обеда, — безмятежно ответил Петрович. — Зато он проснется с хорошим самочувствием, бодрый и веселый.

Но я позволил себе не верить Петровичу. Вряд ли мог чувствовать себя бодро и весело главный судья, проспавший соревнования.

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ

«Расскажите, пожалуйста, о том, как возникли НФ журналы,— просит нас Николай Попов из Тюмени.— Читал, что за границей их развелись десятки. Верно ли? Расскажите также о премиях, которые присуждаются за фантастику. И еще — о Гернсбеке. Почему именно его американцы называют «отцом фантастики?»»

ХЬЮГО ГЕРНСБЕК И ЕГО «ЭМЕЙЗИНГ»

Вл. ГАКОВ

В читательских письмах много подобных вопросов. На некоторые из них мы со временем постараемся ответить. А для начала публикуем статью критика Вл. Гакова о Хьюго Гернсбеке.

В последние дни августа 1960 года конференц-зал питтсбургского отеля «Пенн-Шератон» гудел, как встревоженный улей. Подходила к концу очередная ежегодная встреча американских любителей фантастики — такие встречи, начиная с самой первой, не без амбиции именуется «Всемирными Конвенциями». Оставалось по традиции отметить лучших авторов минувшего года; по очереди поднимались они под шум аплодисментов на сцену, чтобы получить заветную премию «Хьюго» — серебристую фигурку космической ракеты, водруженной на массивном постаменте.

Но когда было объявлено, что жюри решило присудить еще одну, специальную премию и на сцене появился 76-летний поджарый старик с зачесанной набок седой прядью волос, все в зале встали, как один. И, пока гремели аплодисменты, старик на сцене смущенно вертел в руках серебристую ракету. Приз, названный его именем...

Имя Хьюго Гернсбека среди американских «фэнов» (так с давних пор называют себя любители фантастики в США) действительно легендарно. Самые запальчивые утверждают, что он по праву может быть назван отцом-основателем научной фантастики — по крайней мере в Америке.

Чем он знаменит, этот Хьюго Гернсбек?

...В феврале 1904 года на американскую землю ступил двадцатилетний юноша с аккуратно зализанными волосами, умным и цепким взглядом и недюжинной даже по американ-

ским меркам практической хваткой. Багаж молодого инженера из Люксембурга был невелик: личные вещи да изобретенная им самим электробатарейка нового типа, которую он надеялся запатентовать. Все сбережения он привез с собой в бумажнике — что-то около двухсот долларов...

Юноша был полон радужных надежд. Главным своим капиталом он почитал собственную голову, битком набитую всякого рода идеями и проектами.

Два демона искушали Хьюго Гернсбека: электричество и издательское дело. Он так и не выбрал в итоге между ними, а предпочел соединить то и другое: в 1908 году основал первый в мире журнал для радиолюбителей «Современное электричество», который и возглавлял беспрерывно в течение многих лет. Через два года вышла его книга о радиотрансляции — тоже первая в своем роде. Не забывал Гернсбек и «просто» изобретать: по его чертежам, например, были изготовлены первый домашний радиоприемник и первый же мегафон...

А в голове Гернсбека бурлили новые идеи. Случилось так, что в апрельском выпуске журнала за 1911 год осталось несколько свободных полос, и тут-то редактору пришлось в голову поразмышлять немножко о будущем, о том, какой станет столь милая его сердцу техника лет, скажем, через... семьсот пятьдесят! И Гернсбек в спешке — номер уходил в набор — пишет первую главу «Романа о жизни в 2660 году» под названием столь же неудачным, сколь и трудным для запоминания:

«Ральф 124 С 41†».

Многие, вероятно, читали эту книгу, — она переведена и на русский. Сейчас о литературных достоинствах романа трудно говорить без улыбки, но вот что касается прогностических откровений Гернсбека, то тут ирония неуместна. В самом начале века автор с удивительной легкостью писал о контроле над погодой, о широком применении пластмасс, о гидропоники, магнитофонах, телевидении, микрофильмах, приборах для обучения во сне, грезил об использовании солнечной энергии и космических полетах. Многие из этих предсказаний оказались поистине пионерскими.

Что и говорить, чутье у этого люксембуржца было отменным. И хотя от литературных опытов он в дальнейшем благоразумно воздерживаясь, идея специальной литературы «о будущем» не выходила у него из головы.

В 1923 году целый номер другого его детища, журнала «Наука и изобретения», полностью был отдан научной фантастике. Правда, так ее тогда еще никто в Америке не называл — до изобретения термина «SF» (считающегося равнозначным нашему «НФ») пройдет еще несколько лет, однако в номере было шесть «SF» рассказов плюс коммюнт в скафандре на обложке — чего ж больше? А Гернсбек уже обращается к читателям с заманчивым предложением: учредить еще один журнал, который будет посвящен исключительно литературе такого сорта! Проходит еще неполных три года, прежде чем идея выкристаллизо-

валась и обросла плотью, и вот 5 апреля 1926 года в газетных киосках среди прочих копеечных журнальчиков запестрела обложка нового.

Сразу же бросалось в глаза название: «Эмейзинг Сториз», что можно было перевести и как «Удивительные истории», и как «Поразительные», и даже как «Невиданные». Яркие буквы заголовка шли, уменьшаясь, слева направо и снизу вверх — как шлейф улетающей в даль ракеты. А ниже, под шлейфом... творилось Удивительное, Поразительное, Невиданное! Окольцованный Сатурн нависал над диковинным ландшафтом (спутник? «заблудившийся» астероид? комета наподобие той, что была описана Жюлем Верном в «Гекторе Сервадаке?»), и такие привычные — но совсем по другим историям! — парусники почему-то ютились на одиноких утесах (какая сила их туда забросила?). Куда-то разбегались испуганные люди в странных одеждах, и, обещающая читателю нечто еще более захватывающее, красовались вынесенные на обложку имена Жюля Верна и Герберта Уэллса!

Популярность нового издания превзошла все ожидания, и через год-два у него появилось приложение: сначала ежегодник «Удивительных историй», а затем и «Ежеквартальник»... Спустя короткое время тираж журнала достиг сотен тысяч — слава нашла-таки Гернсбека. Впрочем, и сам Гернсбек от славы не бежал: время и место для нового начинания он угадал с точностью поразительной!

Во втором десятилетии нашего века слова «Америка» и «просперити» (процветание) звучали как синонимы. Пока Европа залечивала раны, нанесенные войной, Америка покрывалась жирком довольства. Никто не мог предвидеть потрясений, которых оставалось ждать совсем недолго, никого не заботил еще Великий Кризис 29-го года... Вся Америка жила Великой Американской Мечтой, смотрела в грядущее с надеждой, и все, снабженное этикеткой «будущее», шло нарасхват. Самое время было выводить фантастику

на широкий издательский простор.

И еще одно. В 1926 году мальчишкам Рэю Брэдбери и Айзеку Азимову стукнуло по шесть лет, а маленькому англичанину Артуру Кларку — девять. В том же году американский инженер Роберт Годдard впервые осуществил запуск ракеты на жидком топливе, — событие, в которое сначала не поверили, а потом подвергли осмеянию... Гернсбек словно бы догадывался об их существовании — мальчишек с необычайно развитым воображением и чудачков-изобретателей, грезящих космическими полетами! Ведь именно они и составили основу читательской аудитории «Удивительных историй».

В программной редакционной статье, открывавшей первый номер журнала, Гернсбек изложил свои взгляды на научную фантастику, «литературу, подобную той, что писали Верн, По и Уэллс, то есть особый чарующий тип романа, в который вкраплены научные факты и картины смелых предвидений». Науку Гернсбек ценил превыше всего, верил, что ей все по плечу, и выдвинутому на самой заре журнала лозунгу — «Экстравагантная фантастика сегодня — холодный научный факт завтра!» — остался верен всю жизнь. Через 35 лет, в юбилейном выпуске «Эмейзинг», убеленный сединой «отец» продолжал настаивать на том, что лучшей фантастикой была та, которая описывала реалистичное, возможное, принципиально доступное науке и технологии. И лучшей иллюстрацией этим словам был сам месяц, апрель 1961 года, — первый месяц эры человека в космосе...

Надо сказать, что преобладание научной стороны в ущерб художественной сослужило журналу дурную службу. За первый год существования «Эмейзинг» в нем, правда, были перепечатаны «Путешествие к центру Земли» и «Драма в воздухе», «Остров доктора Моро» и «Первые люди на Луне». Но затем запас классики как-то поиссяк, а новое поколение фантастов довольно быстро свело фантастику в журнале до

уровня третьеразрядного чтива для подростков.

И все-таки Хьюго Гернсбек сделал свое дело, оказавшееся главным в его жизни. Не он создал научную фантастику, но зато он нашел для нее новую удачную форму — дешевый (ценой в четверть доллара), доступный каждому ежемесячный журнал. Кроме произведений начинающих авторов, из номера в номер печаталась здесь обширная переписка с читателем; это и стало главным «изобретением» Гернсбека. Миллионная армия потенциальных любителей фантастики обрела собственный форум, свое средство общения друг с другом.

Уже не раз было подмечено, что не может эта литература существовать без своих преданных читателей-энтузиастов, того особого «питательного бульона», на котором со временем обязательно произрастут таланты. Гернсбек дал начало. Пройдет десять лет, и среди постоянных читателей-«фэнов» замелькают имена Айзека Азимова, Клиффорда Саймака, Роберта Хайнлайна, Альфреда Бестера, Теодора Старджона, Фредерика Пола. И еще десяток-другой знакомых и нам имен, а среди них — имя одного из самых ярких и последовательных «фэнов» той поры: Рэя Брэдбери...

Ракета с обложки «Эмейзинг» улетела далеко-далеко, материализовавшись в конце концов в виде серебристой статуэтки, являющей собою в Америке предел мечтаний каждого пишущего фантастику. Ну, а сам Гернсбек, что с ним?

В 1929 году, через три года после блестящего старта, журнал «Эмейзинг» постигла судьба многих: разразившийся в США кризис, как цунами, прошелся и по издательскому миру. Гернсбек был объявлен банкротом, и журнал ушел из-под его контроля. Правда, Гернсбек еще не раз затевал все новые и новые НФ журналы. Но уже наступали другие времена, новые звезды сверкали на горизонте американской журнальной фантастики, и слава «Эмейзинг» постепенно тускнела. Самого Гернсбека, впрочем, не забыли и даже

пригласили в 1952 году на одну из Конвенций почтенным гостем...

Он жил долго. Родился в 1884 году, через год после того, как Константин Циолковский, чудаком-мечтатель из далекого русского городка Калуги, высказал первые свои соображения об использовании ракет для исследования космического пространства. А умер Гернсбек в 1967-м, всего года не дожив до первых полетов «Аполлонов». Действительно, долгая жизнь — и сколько же всего случилось за эти годы!

Позабудутся со временем многочисленные изобретения Хьюго Гернсбека, запылится на полках библиофилов скучный роман о Ральфе, и даже легендарная слава американских журналов фантастики когда-то неизбежно канет в Лету. А вот имя «Хьюго» останется: ведь каждый год, в последние дни августа, вручая своим лауреатам серебристую ракету на постаменте, «фэны» — любители фантастики — поминуют благодарственным словом человека, который более полувека назад вызвал все это к жизни: научно-фантастические журналы, Конвенции, да и самих «фэнов».

Воображаемый диалог

В 1929 году издательство «Земля и фабрика» выпустило роман Жюль Верна «Путешествие к центру Земли» с предисловием выдающегося геолога и географа Владимира Афанасьевича Обручева.

Обручев сердито заметил, что «Путешествие к центру Земли» — одно из наиболее слабых произведений Жюль Верна, и так обосновал свой суровый приговор: «Невозможно, чтобы в глубине вулкана Скеффельса температура повышалась так медленно, как пишет Жюль Верн».

Далее Обручев говорит, что несостоятельно описание путешествия на глубине шестидесяти-семидесяти километров, где температура должна достигать самое меньшее нескольких сот градусов, а давление — четырехсот атмосфер, и приспособление организма, даже при медленном спуске, на что рассчитывает Жюль Верн, здесь не может.

«Невозможно, — пишет Обручев, — существование в земной коре колоссальной пещеры, вмещающей целое море в 600 миль шириной».

По описанию Жюль Верна, эта пещера имеет высоту в несколько километров, но, как говорит Обручев, в таком случае свод не выдержит давления выше лежащих каменных толщ.

Невозможны там и описываемые Жюлем Верном ветры и даже бури, так как температура в пещере должна быть всегда одинаковой, а с поверхностью Земли эта полость сообщается только ведущей к жерлу вулкана узкой галереей в сотни километров длиной.

Невозможно, как замечает Обручев, соорудить плот из ископаемого дерева, которое всегда тяжелее воды, но верх неправдоподобия — плавание на этом плоту по кипящей воде, а затем по расплавленной

лаве, в невыносимой жаре, среди огненных языков и удушливых газов. Неправдоподобно также вынесение плота путешественников из жерла вулкана вместе с изверженной лавой.

И еще целый ряд невероятных вещей отметил Обручев в этом романе...

Что мог бы возразить ему знаменитый романист?

Пожалуй, то, что в научно-фантастическом романе самого Обручева «Плутония», где также описано путешествие в глубь Земли, фигурирует еще более грандиозная полость, в которой помещается целый мир суши и вод.

Жюль Верн мог бы еще прибавить: «Вы, Обручев, как и я, использовали заведомо несогласную с научными данными ситуацию в качестве условного приема, чтобы развернуть увлекательный сюжет».

Кстати, а мог ли бы вообще состояться диалог на эту тему между двумя фантастами, в равной степени успешно — каждый для своего времени — популяризовавшими данные науки о прошлом нашей планеты?

Прикинем даты.

«Путешествие к центру Земли» первым изданием вышло в 1863 году — в год рождения Обручева.

Но оба — и Жюль Верн, и Обручев — жили долго (первый с 1828-го до 1905 года, второй — с 1863-го до 1956-го). Они продолжительное время были современниками.

«Плутония» написана в 1915-м, но впервые опубликована в 1924 году, когда Жюль Верна давно уже не было в живых. Тем более ему не могла быть известна статья Обручева, появившаяся в 1929 году.

Так что диалог остается в нашем воображении...

А. Р. ПАЛЕЙ

ТУДА И ОБРАТНО

СЮЖЕТ ДЛЯ РОМАНА

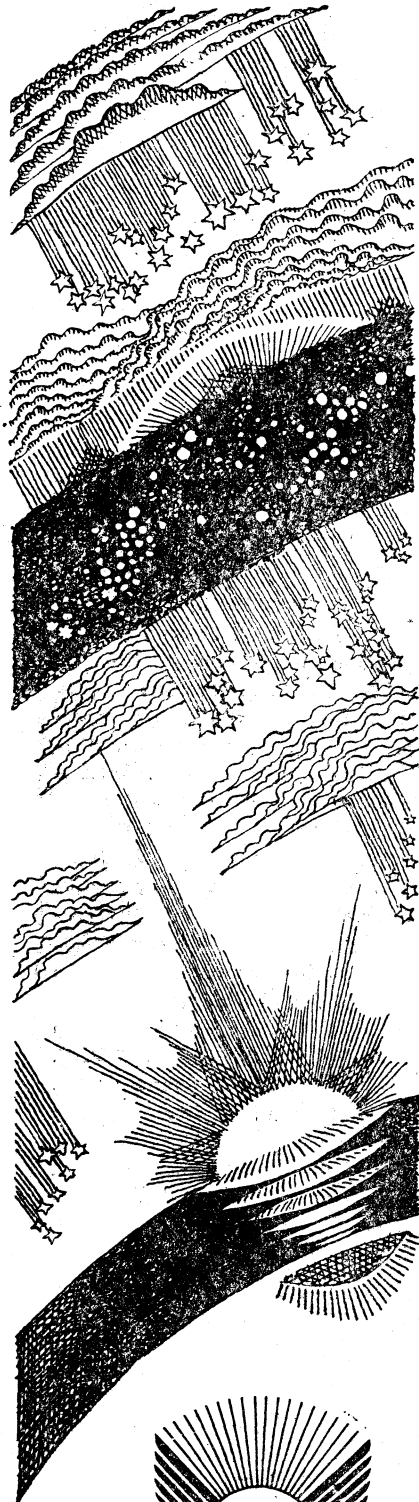
Перед вами — расшифровка последней, пятой главы рассказа из названий НФ произведений, помещенного в прошлогодних № 6—10 нашего журнала. В главе были использованы 49 названий, — как и прежде, авторы произведений указаны в скобках.

О том, кто из читателей более других преуспел в разгадывании нашего «сюжета для романа», мы сообщим в декабрьском номере журнала.

Десять лет спустя (Б. ЛАПИН). Поселенцы (Р. БРЭДБЕРИ; И. ДЖЕРЕКАРОВ). Вечные (М. КУЧИНЬСКИЙ). Охота на крупную дичь (А. КЛАРК). Проблемы охоты (Р. ШЕКЛИ). Умение ждть (Р. ПОДОЛЬНЫЙ). Стрельба по живой мишени (У. МАЛАГУТИ, Л. КОЦЦИ). Изменение настроения (Г. АНФИЛОВ). Очень просто (И. ЧЕБАНЕНКО). Зачем вспоминать сосны? (Д. ШАШУРИН). Мечты — личное дело каждого (А. АЗИМОВ). «По газонам не ходить» (Ч. ХРУЩЕВСКИЙ). Мертвое прошлое (А. АЗИМОВ). И вот однажды... (А. АЗИМОВ). Малыш (М. ГРЕШНОВ; А. СТРУГАЦКИЙ, Б. СТРУГАЦКИЙ). Слушайте, слушайте!.. (Э. ГРИФФИТ). Я знаю... (А. ЯРОМИН). Слушайте все (М. ГРЕШНОВ). Фургон (К. ЛЕУРЬЕ). Проникший в скалы (Г. ГАРРИСОН). Честное слово (Р. БЛОК). Надежда (М. ГРЕШНОВ; С. ХОСИ). Что там? (В. ОСИНСКИЙ). Ошибка невозможна... (Д. БИЛЕНКИН). Пропавшая машина времени (С. ЛЕМ). Клип клином (А. КАЗАНЦЕВ). Вставить палку в колеса (Г. ДИКСОН). И снова в путь... (ЛЕСТЕР ДЕЛЬ РЕЙ). Прости меня... (Ю. ДРУЖКОВ). Длинный Меч (П. ЭШ). «Нам, пожалуй, пора идти» (П. АНДЕРСОН). Может быть, мы уже уходим (Р. БРЭДБЕРИ). Ответ (Ф. БРАУН). Чужие люди (Л. БРЕКЕТТ). Красивые люди (Ч. БОМОНТ). Во веки веков — и да будет так! (Р. БЛОК). И грянул гром... (Р. БРЭДБЕРИ). Прыжок в послезавтра (П. ВОРОНИН). Обратным ходом (С. ВАЙНФЕЛЬД). Иные времена (Р. БРЭДБЕРИ). Себе навстречу (А. ПАЛЕЙ). Как здорово вернуться! (Р. ХАЙНЛАЙН). Потомки делают выводы (Р. ПОДОЛЬНЫЙ). Когда вымерли динозавры? (К. БУЛЫЧЕВ). Все началось с «Евы»... (А. ШАЛИМОВ). Дальнейшему хранению не подлежит (Р. ПОДОЛЬНЫЙ). По использованию уничтожить (М. ПУХОВ).

ЗВЕЗДНЫЙ

Александр
КУНИЦЫН

На Солнце магнитные бури!
Казалось, бушуют — и пусть.
Но я — оптимист по натуре —
И грустен, и вял становлюсь.

Конечно, не очень приятно,
Что вдруг в непредвиденный час —
Подумать! — какие-то пятна
Неладно влияют на нас.

Не все еще в мире понятно.
С чего навалиться беде?
Причина ли в солнечных пятнах,
А может быть, просто в дожде?

А может, не в том и не в этом —
Во мне? А все прочее — чушь?
...Но все же дождливое лето.
И пятна на Солнце к тому ж...

Фантастом был
И дальний пращур...
Хоть и мечтал он, как о чуде,
Всего-то о коврах летящих,
О звонких гусях-самогудах,

О полотняных самобранках,
О сапожищах-сороходах...
А наш земляк
В майорском ранге
Вчера исчез за небосводом!

И что там чудеса господни
Да колдунов и магов рать,—
Всю их фантастику сегодня
Наивной можно бы назвать...

Но все ж подумалось при этом,
Что это нам легко сейчас
Потолковать
Про скорость света...
А им-то —
В тот далекий час?..

И звезды ходят парами
В бескрайнем мироздании,
У юных и у старых
Любовные свидания.

И в семьи собираются...
Смейся тут, не смейся,
Их так и называют —
Звездные семейства!

Солнце село. Дело к ночи.
В речке темная вода.
...Наше Солнце, между прочим,
Заурядная звезда.

По объему
И по массе,
По светимости оно
Далеко не экстракласса.
Так уж, видно, суждено.

Захолустье мироздания...
Но коль мир и тут непрост,
То какие же создания
Там,
У сказочных сверхзвезд!

...И ведь все-таки сумело —
Породило нас с тобой
Это огненное тело,
Нашей ставшее судьбой!

Мыслитель прав и практик,
Что мир куда не прост —
В нем тысячи Галактик
И миллиарды звезд!

ДОЖДЬ

Рисунки
В. Меринова

Неисчерпаем атом...
А где-то там вдали
По тыще звезд на брата,
На жителя Земли...

На каждого по тыще!
...А в жизни только раз
Свою звезду отыщешь.
И то — лишь в звездный час.

Суть мира глубоко запрятана.
Но стану я — учти, природа, —
Владыкой Космоса,
И атома,
И генетического кода...

Не назову я точной даты,
Но все ж поставим крест на зле.
...И ни хромым и ни горбатым
Уже не будет на земле.

Постигнет глуби, дали, шири
Мой мыслящий,
Творящий дух.
И будет в том грядущем мире
Никто не слеп,
Никто не глух.

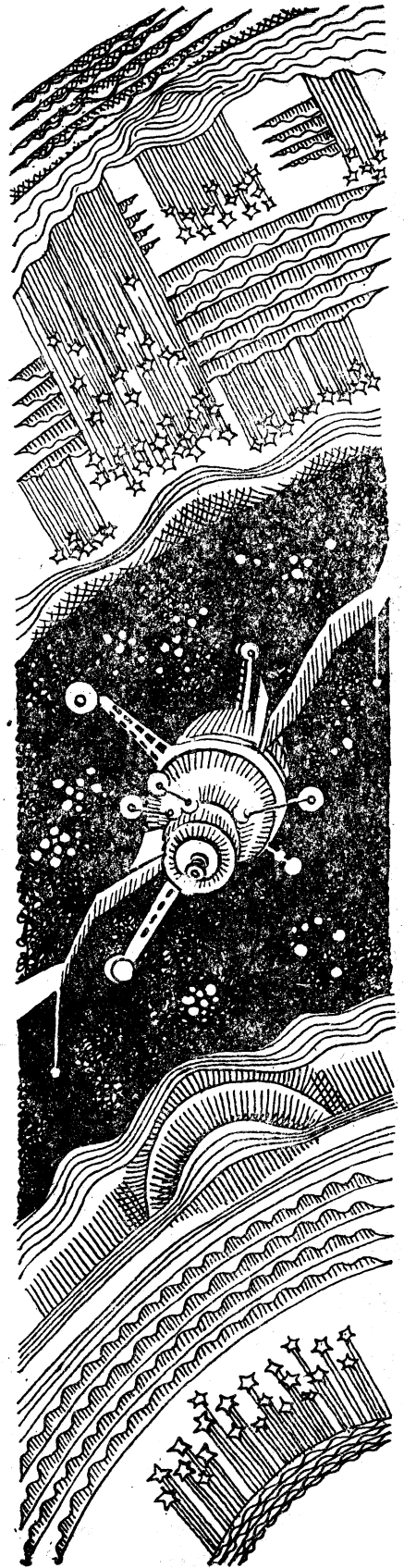
Наш путь небесный все смелей,
Внушительней дистанции.
От одноместных кораблей
До орбитальных станций.
Мы далеко еще пойдём,
Осваивая
Звездный дом,
Иные рубежи!
...Лишь не было б такой беды —
Что путь короче
До звезды,
Чем до другой
Души...

Грядущее жилище человека —
Не только тут,
Но и у дальних звезд,
Где зайца нет,
Не ходит рыба в реках,
Не бродит лось
И не летает дрозд.

А впрочем, что ж?
Быть может, вместе с нами
Они освоят новые миры —
Все братья и с хвостами, и с усами:
Сохатые, и зайцы, и бобры.

И будут не в диковинку, наверно
(Я это даже утверждать берусь),
С Меркурия куница,
Волк с Венеры
И красноперый марсианский гусь.

НАСЛЕДНИКИ НЕСТЕРОВА

*В безбрежности неба, в бескрайности ясной
пустыни лишь птицы сражались и гибли лишь
птицы донные.
«Песня о Нестерове», Стихи неизвестного автора.
«Нива». 1914 г.*

**Александр
АБРАМОВ**

Общезвестно, что первым военным летчиком, совершившим воздушный таран, был Петр Николаевич Нестеров, автор «мертвой петли», или «петли Нестерова». Он выполнил ее на аэроплане типа «Ньюпор» 27 августа 1913 года. Вскоре после этого Нестеров был произведен в штабс-капитаны, а киевское Общество воздухоплавания торжественно наградило его золотой медалью.

О «петле Нестерова» писали и в Европе, и в Америке. Французы, например, рассматривали огромный успех русского авиатора и как торжество своей национальной промышленности: как аэроплан, так и мотор его были французского производства. Известный в то время американский авиаконструктор Карлис, хоть и отнесся к полету Нестерова с недоверием, также был восхищен «безумной смелостью молодого русского авиатора».

К осуществлению своей мечты Нестеров готовился долго и кропотливо. «Петлю свою я действительно задумал совершить очень давно для доказательства своих принципов управления аппаратом, в корне расходящихся с господствующими взглядами,— писал он.— Мой опыт был рассчитан математически и носил серьезный характер. Только тогда я решился на него, когда был уверен в успехе».

Итак, П. Н. Нестеров первым в мире совершил «мертвую петлю». Однако приоритет свой ему пришлось доказывать и драться за него. Дело в том, что некоторые петербургские и московские газеты и журналы в 1913-м и даже в 1914 году, не затрудняя себя анализом событий и фактов, а попросту гонясь за сенсацией, слепо перепечатавали французские публикации, отдавая пальму первенства известному французскому авиатору А. Пегу. Этот летчик, действительно, сделал «мертвую петлю», но... только через 12 дней после Нестерова.

П. Н. Нестеров вынужден был выступить с протестом в газете «Свет». Не лично о себе, не о собственной славе заботился он — о чести и престиже родного Отечества была его первейшая забота.

В то время, когда российское

военное ведомство запретило своим летчикам делать «мертвые петли», французские авиаторы гастролировали по России, демонстрируя перед многочисленными зрителями те же самые «петли Нестерова». И вот 17 мая 1914 года при переполненной аудитории Политехнического музея в Москве произошла встреча Нестерова с Пегу. Тот публично признал первенство русского авиатора. Пегу подошел к Нестерову, дружески обнял и расцеловал. Приоритет русской авиации, который с такой легкостью отдавался французам, был восстановлен.

Национальным героем встретил П. Н. Нестеров первую мировую войну, в которой ему суждено было совершить свой второй — уже боевой — подвиг во славу русского оружия. Подвиг, сыгравший большую роль в развитии авиации, породивший целую плеяду наследников Нестерова, героев предстоящих битв...

Авиационный отряд, начальником которого был штабс-капитан П. Н. Нестеров, базировался на юго-западном фронте, в районе города Жолква. Летчики проводили воздушную разведку войск противника и доносили о результатах ее в штаб армии. Однако все чаще и чаще стали появляться над русскими позициями австрийские аэропланы. Особенно надоедал вражеский разведчик на двухместном «Альбатросе». В разговоре с одним из высших командиров Нестеров дал слово офицера, что покончит с этим разведчиком. До того он уже успел совершить двенадцать боевых вылетов, причем не только занимался разведкой, но и сбрасывал на противника трехдюймовые артиллерийские гранаты. По признанию пленных австрийцев, их командование сулило крупную денежную награду тому, кто собьет самолет Нестерова.

А русский штабс-капитан тем временем готовился к воздушному бою. Он говорил своим друзьям: «Меня занимает мысль об уничтожении неприятельских аппаратов таранным способом, пользуясь быстротой и быстроподъемностью аэроплана». Обдумывая способы, ко-

торые можно было бы применить в предстоящей схватке с противником, он однажды приспособил нож в конце фюзеляжа «с целью разрезать оболочку неприятельского дирижабля». В другой раз решил прикрепить к своему аппарату длинный трос с грузом, которым рассчитывал опутать винт аэроплана противника, маневрируя над ним. Нестеров считал вполне возможным сбить вражеский аэроплан ударом сверху колесами своей машины. Друзья предостерегали его, что атакующий летчик сам идет на огромный риск. На это Нестеров отвечал: «Жертвовать собой есть долг каждого воина».

Наступило 26 августа. В этот день над городом Жолква, где в местном замке располагался штаб местной армии, вновь появился австрийский «Альбатрос». Нестеров бросился к своему «жморану» и сразу взлетел. Но догнать вражеского разведчика ему не удалось. К тому же летчику не повезло при взлете: оборвался трос с грузом. Солнце уже приблизилось к зениту, когда на высоте 1000—1500 метров вторично показался «Альбатрос». С земли по нему открыли беспорядочную ружейную стрельбу.

Нестеров без промедления оказался в воздухе. Его быстродвижный «жморан» стал достигать австрийца. Противник развернулся в сторону своей территории и, наращивая скорость, пытался уйти от преследования, но тщетно. Набрав нужную высоту и зайдя сзади, Нестеров сверху нанес стремительный удар колесами своей машины по «Альбатросу». Оба аэроплана потеряли управление и рухнули на землю.

Так погиб в первом в истории мировой авиации воздушном бою легендарный русский пилот Петр Николаевич Нестеров.

Его боевой соратник поручик Крутень писал в редакцию газеты «Новое время»: «Итак, начало боя в воздухе положено. И первым бойцом был он же, русский герой, уже носитель венца славы за первую петлю — Петр Николаевич Нестеров... Слава тебе, русский герой!.. Слава богу, что русские таковы!»

Как эстафета подвига, передается из поколения в поколение наследие П. Н. Нестерова. В годы иностранной интервенции и гражданской войны авиационный отряд Нестерова был реформирован в истребительный дивизион, а затем преобразован в 1-ю Петроградскую Краснознаменную истребительную эскадрилью. В ней служил выдающийся летчик нашего времени Валерий Павлович Чкалов. «Мы с любовью и гордостью, — говорил он, — вспоминали славного летчика капитана Нестерова. Его новаторство в теории и практике пилотажа стало достоянием многих тысяч советских летчиков».

Все дальше и дальше уходят в

глубь истории события той давней поры. Однако время не властно предать забвению бессмертный подвиг Нестерова. В Петре Николаевиче проявились не только такие черты характера, как смелость, воля и упорство в достижении цели, но и талант авиатора, природный ум, благородство помыслов и беззаветное служение Отчизне.

...В городе Горьком, где родился П. Н. Нестеров, живет его дочь Маргарита Петровна. Она любовно хранит документы, фотографии, письма и подшивки журналов — семейный нестеровский архив, начало которому положено еще в прошлом веке. Под стеклами книжного шкафа — издания о П. Н. Нестерове, развернутые планшеты. Их часто берет с собой Маргарита Петровна, когда собирается на очередную беседу в клуб, школу, институт или на одно из предприятий города. В этих беседах-лекциях она вновь и вновь воскрешает перед новым поколением бессмертный подвиг своего отца.

Среди многочисленных фотографий, находящихся в этом доме, есть и малоизвестные. На одной из них, например, Петр Николаевич запечатлен с мандолиной в кругу своей семьи в Нижнем Новгороде. Оказывается, П. Н. Нестеров был не только выдающимся авиатором: он увлекался музыкой, обладал красивым голосом, играл на фортепиано и народных инструментах, неплохо рисовал.

Советские люди высоко чтят память о Петре Николаевиче Нестерове. Району и городу, где он воевал и погиб, присвоено его имя. В Москве и Гатчине есть улицы имени Нестерова. На домах, в которых он жил, установлены мемориальные доски.

В 1964 году Международная авиационная федерация учредила переходящий приз для победителя первенства мира по высшему пилотажу — кубок имени основоположника высшего пилотажа П. Н. Нестерова.

9 мая 1980 года на родине летчика — в городе Горьком, на берегу Волги, на новом бульваре имени Нестерова состоялся торжественный митинг, посвященный закладке памятника выдающемуся русскому летчику П. Н. Нестерову.

Память о П. Н. Нестерове свято хранят и в тех краях, где он совершил свой подвиг. В селе Воля-Высоцкая на Львовщине создан великодушный мемориал. На фоне бескрайнего поля высится обелиск. Титановым отсветом серебрится гигантская «мертвая петля». Ее шлейф, устремленный ввысь, венчает модель сверхзвукового истребителя. На обелиске барельефы: слева — крупный — Петра Николаевича Нестерова, далее — известных героев советской авиации и справа — первого космонавта Юрия Алексеевича Гагарина. И в этом большой

символический смысл. Юрий Гагарин говорил, что для советских летчиков короткая, но яркая жизнь П. Н. Нестерова всегда служила живым примером воинской доблести и героизма. Светлая память о нем нетленна. Отдавая дань признания и благодарности своему национальному герою, наследники Нестерова продолжают его дело.

Весть о таране быстро облетела весь мир. Спустя семь месяцев, в марте 1915 года, примеру Нестерова последовал другой русский летчик — Казаков. Настигнув неприятеля, он, пользуясь преимуществом в скорости, ударил винтом своего самолета по хвостовому оперению вражеской машины, сбил ее и благополучно приземлился.

Первым советским летчиком, повторившим подвиг П. Н. Нестерова, стал Антон Алексеевич Губенко. Будучи уже командиром группы летчиков-испытателей, Губенко получил особо важное задание. В то время велась большая и неотложная работа по доводке нового истребителя И-16. В один из дней Губенко должен был выполнить испытательный «полет на слом». Накануне вечером к нему на квартиру зашел Валерий Чкалов, чтобы подбодрить друга перед ответственным испытанием. Он подарил Антону портрет П. Н. Нестерова с надписью: «Нет равных ему!»

«Полет на слом» Губенко провел успешно. За отличное проведение испытаний новых видов авиационной техники правительство наградило его орденом Ленина.

В 1937 году Антон Губенко едет добровольцем помогать китайскому народу бороться с японскими захватчиками. И там 31 мая 1938 года в большом воздушном бою под Ханькоу он сбил таранным ударом один из 36 уничтоженных в тот день японских стервятников.

Было это так. В круговерти жестокой схватки Губенко вдруг обнаружил, что у него иссякли боеприпасы. На исходе и горячее. Тогда он решил использовать последний шанс. Губенко бросил свою машину на вражеский истребитель и разворотил его правую плоскость.

23 февраля 1939 года «Правда» опубликовала Указ Президиума Верховного Совета СССР. В нем сообщалось: «За образцовое выполнение специальных заданий правительства по укреплению оборонной мощи Советского Союза и за проявленное героичество присвоить звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина полковнику Губенко Антону Алексеевичу».

20 июля 1939 года в районе реки Халхин-Гол командир эскадрильи 22-го истребительного авиационного

полка старший лейтенант Витт Федорович Скобарихин в поединке с японским летчиком выполнил второй в истории советской авиации воздушный таран. Обстановка боя сложилась так, что у советского пилота остался единственный путь: рискуя собой, спасти товарища. И он ударил винтом и левым крылом «ястребка» в нижнюю часть фюзеляжа японского самолета. Однополчанин был спасен. У Скобарихина от резкого столкновения лопнули привязные ремни, и он ударился головой о приборную доску. На несколько мгновений летчик потерял сознание. Очнувшись, Скобарихин вывел машину в горизонтальный полет и мастерски приземлился на своем аэродроме.

Боевые друзья, прибывшие поздравить летчика с победой, увидели торчащее в крыле советского самолета колесо вражеского истребителя — все, что осталось от машины врага.

Вскоре над Халкин-Голом таранным ударом был сбит еще один вражеский самолет. Это отличился молодой летчик-истребитель Александр Мошин. Родина высоко оценила мужество и отвагу летчиков: В. Ф. Скобарихину и А. Ф. Мошину было присвоено звание Героя Советского Союза.

Такова краткая история воздушного тарана от подвига П. Н. Нестерова до грозного 1941 года...

В первый же день Великой Отечественной советские соколы, вступив в смертельную схватку с фашистской армией, смело шли на таран. Вот несколько эпизодов из боевой летописи того памятного дня.

...Между девятью и десятью часами утра 22 июня над аэродромом 123-го истребительного авиаполка в шестой раз прозвучал сигнал тревоги. Фашистские бомбардировщики «Юнкерс-87» обрушились на штаб соседнего подразделения. Бомбардировщиков прикрывала группа «мессершмиттов». В воздух взмыла четверка советских «чак» (истребитель И-153). Впереди — командир звена капитан Мажаев, следом за ним — лейтенанты Рябцев, Назаров и Жидов. Неожиданно по краю облака скользнули еще уловившие тени. И тут же пропали. Прошло несколько секунд, и на мажаевское звено ринулось восемь неизвестно откуда взявшихся «мессершмиттов».

Завязался неравный бой. «Чайки» старались держаться вместе, чтобы при необходимости прикрывать друг друга. Хладнокровно отражали яростные атаки противника.

Наткнувшись на упорное сопротивление, фашисты решили применить хитрость. Четыре «мессера» вошли в глубокий вираж, а остальные продолжали связывать советских летчиков боем. Сверху на «чак» внезапно накинута вынырнувший из облаков «хейнкель».

Лейтенант Жидов рванулся на встречу ближайшему «мессершмитту», но в то же мгновение сзади на него налетел другой вражеский истребитель. На выручку лейтенанту поспешил командир звена, однако был атакован сразу, тремя фашистскими самолетами.

Тогда наперерез противнику бросил машину Петр Рябцев. Грохнула немецкая пушка, потом ударил пулемет. Но Рябцев, словно не замечая опасности, несся вперед без единого выстрела. Он хотел подойти к «мессершмитту» как можно ближе и тогда только открыть огонь.

Когда до врага оставалось не более двухсот метров, летчик поймал в перекрестье прицела прыгающую черную свастику и нажал на гашетку пулемета. Очередь не последовало. В пылу схватки Рябцев не заметил, как израсходовал весь боекомплект.

А капитан Мажаев между тем из последних сил отбивался от фашистских истребителей. Еще минута — и они растерзают израненную «чайку». И в этот отчаянный момент у лейтенанта Рябцева молниеносно созрело решение: «Таран!».

Сделав крутой разворот, он устремился на заходившего в хвост командирской машины «мессершмитта». Немец, по-видимому, догадался о намерении советского летчика, но не захотел уступать. Два самолета, как метеоры, на бешеных скоростях неслись навстречу друг другу. Через две-три секунды неизбежно столкновение. Тут у немца сдали нервы. Накрив машину, он попытался ускользнуть в сторону. Но было поздно! Оба истребителя, фашистский и наш, охваченные пламенем, понеслись вниз. В воздухе вспыхнуло белое пятнышко — парашют. Это выпрыгнул из горящего самолета раненный в ногу советский летчик. Гитлеровский ас разбился вместе с машиной...

Имя Петра Сергеевича Рябцева стало известно всей стране благодаря неумолимым поискам писателя, лауреата Ленинской премии Сергея Смирнова. Работая над книгой о защитниках Брестской крепости, он разыскал в архивах личное дело летчика и рассказал о его подвиге.

Долгое время считалось, что первые воздушные тараны в Великой Отечественной войне были совершены 29 июня 1941 года Героями Советского Союза П. Харитоновым, С. Здоровцевым и М. Жуковым. И вдруг оказывается, что отважный советский летчик П. Рябцев уничтожил таранным ударом вражеский истребитель буквально через несколько часов после гитлеровского вторжения. Значит, воскрешена еще одна страница героической летописи той суровой поры...

После того, как Сергей Смирнов выступил в газете и по радио с рассказом о первом воздушном таране

Великой Отечественной войны, он был буквально засыпан читательскими письмами. И тут выяснилось неожиданное: и писатель ошибался. Подвиг Петра Сергеевича Рябцева тоже не был первым.

Из боевых донесений и свидетельств однополчан стало известно, что в тот же день 22 июня, но на несколько часов раньше лейтенанта Рябцева, воздушный таран применили еще три наших летчика: Дмитрий Кокорев, Иван Иванов и Леонид Бутелин.

...4 часа 05 минут 22 июня 1941 года. Сто двадцать немецких бомбардировщиков под прикрытием шестидесяти «мессершмиттов» лавиной обрушились на приграничный аэродром 124-го истребительного авиаполка.

В это время из воздушной разведки возвращался МИГ-3, пилотируемый младшим лейтенантом Дмитрием Кокоревым. Летчик еще издали заметил над аэродромом столбы огня. И вдруг справа по курсу увидел фашистский «дорнье». Тот производил аэрофотосъемку.

Мгновенно оценив обстановку, Кокорев повел машину прямо на врага. Неприятельский пилот сразу же увеличил скорость и попытался оторваться от преследования. Он явно не хотел вступать в единоборство.

Дмитрий открыл огонь с дальней дистанции. Мимо! В ответ немецкий стрелок ожег МИГ-3 длинной очередью. Затем хлестнул еще раз, еще... «Дорнье» лихорадочно маневрировал, торопясь уйти к границе.

Младший лейтенант безошибочно угадывал эти маневры и опережал их. Выжав до предела сектор газа, Кокорев устремился в новую атаку. Приблизившись к «дорнье», он опять дал очередь из пулемета. Звук получился прерывистый, не такой, как обычно, и летчик с отчаянием понял, что выпускает последние патроны.

А враг уходил. На секунду Дмитрия охватило мучительное напряжение. Но он уже знал, что делать. Лицо его посуровело, губы плотно сжались. Кокорев вплотную подошел к противнику и инстинктивно убавил газ.

Удар! Вражеский самолет беспомощно задрал нос, и Дмитрий отчетливо различил перекошенное от страха лицо хвостового стрелка. Тело младшего лейтенанта пронзила нестерпимая боль, и он потерял сознание.

Когда летчик очнулся, его «МИГ» беспорядочно скользил вниз. У самой земли Кокореву удалось перевести самолет в планирование и посадить на фюзеляж. Неподдалеку догорали останки гитлеровского «дорнье»...

Так в 4 часа 15 минут 22 июня 1941 года в районе города Замброд

был совершен первый таран Великой Отечественной войны.

...Тишину всколыхнул пронзительный и тревожный вой сирены. 4 часа 25 минут 22 июня 1941 года. Летчики 46-го истребительного авиаполка бросились к самолетам. В небо взвились три истребителя И-16. Ведущим шел старший лейтенант Иван Иванович Иванов.

Едва машины легли на курс, как слева показались шесть «юнкеров». Они спешили побыстрее сбросить смертоносный груз и убраться в сторону.

Один из вражеских самолетов задымил. Остальные суматошно поворачивали обратно. Тройка истребителей кинулась в погоню, но вынуждена была возвратиться на аэродром: кончалось горючее.

Иван Иванов уже стал снижаться, когда из-за леса неожиданно вынырнул «Хейнкель-111». Обстоятельства диктовали единственный выход. Старший лейтенант развернул свой И-16 и рванулся на перехват фашистского бомбардировщика. Тот ожесточенно отстреливался и старался ускользнуть.

Иванов с беспокойством бросил взгляд на трепетавшую возле нуля стрелку прибора: вот-вот иссякнут последние капли горючего. Надо спешить!

Летчик швырнул машину в сумасшедший вираж и оказался позади «хейнкеля». Секунда на то, чтобы сориентироваться, бросок вперед — и самолет со свастикой, потеряв хвостовое оперение, закружился в воздухе.

Но радость первой победы над врагом для боевых друзей Ивана Ивановича Иванова была омрачена: поврежденный советский истребитель тоже разбился. Небольшая высота не позволила пилоту выбраться с парашютом. Ивану Ивановичу посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

В его послужном списке запись: «Погиб при таране фашистского самолета ХЕ-111 22 июня 1941 года в районе города Нестеров». Это произошло недалеко от того места на Львовщине, где в 1914 году совершил первый в истории мировой авиации таран знаменитый русский летчик Петр Нестеров.

...Над одним из приграничных аэродромов в 5 часов 15 минут 22 июня 1941 года взвилась в небо сигнальная ракета. Приказ командира 12-го истребительного авиаполка был краток:

— Немские бомбардировщики пересекли границу... Уничтожить врага!

На выполнение задания вылетело звено младшего лейтенанта Леонида Бутелина.

«Юнкеры» шли четким, монолитным строем. Но как только из облаков выпали советские «ястре-

ки», боевой порядок немецких бомбардировщиков тутчас распался. Однако «юнкеры» продолжали следовать заданным курсом.

Леонид Бутелин заметил, как вражеский бомбардировщик повернул в сторону бензоскладов, расположенных в двух километрах от летного поля. Пропустить его, дать возможность сбросить бомбы на цель — значит оставить наши самолеты без горючего. Леонид прибавил скорость и погнался за противником, отвечая на бешеную стрельбу фашиста короткими очередями. Ему казалось, что он вот-вот поразит «юнкера», но тот лишь слегка вздрагивал и уходил то вправо, то влево. Его словно заколдовали.

Бутелин заметно нервничал. Выбрав удобный момент, он вновь полоснул свинцом по неприятельской машине... Но... пулемет захлебнулся и смолк. На короткое мгновение Леонид выпустил бомбардировщика из поля зрения. А когда снова отыскал его, тот находился уже недалеко от цели. Без колебаний младший лейтенант Бутелин направил свой «ястребок» на противника. «Юнкер» переломился в воздухе и рухнул, взорвавшись на собственных бомбах.

Погиб в этом бою и бесстрашный советский летчик...

Вот к каким неожиданным результатам привел поиск, начатый Сергеем Смирновым и подвеченный многочисленными следопытами. Писатель разыскивал одного человека, а нашел четырех. Четырех отважных, совершивших воздушные тараны в первый день Великой Отечественной войны.

Итак — четыре. Четыре таранных удара, обрушенных на врага 22 июня 1941 года.

А может быть, существовал и пятый? Исследования архивных материалов подтвердили и это предположение.

В донесении 126-го истребительного авиационного полка говорилось, что утром 22 июня в пяти километрах севернее аэродрома появилось более сорока самолетов врага. Наши истребители сразу же вступили с ними в бой.

Командир звена младший лейтенант Е. М. Панфилов, сражаясь на высоте 600 метров с двумя МЕ-109, одному из них винтом своей машины отрубил хвост и, будучи сам подожжен вторым МЕ-109, выпрыгнул с парашютом.

К четырем славным именам прибавилось еще одно. Е. М. Панфилов был самым молодым: ему только-только исполнилось двадцать...

У нас нет возможности рассказать обо всех воздушных поединках славных советских соколов, в которых они сокрушили противника

смертельным тараном 22 июня 1941 года. Но не назвать их имена мы не можем. Достоинными наследниками П. Н. Нестерова, кроме тех, о ком мы говорили выше, стали также старший лейтенант А. И. Мокляк, старший политрук А. С. Данилов, старший лейтенант К. П. Оборин, лейтенант С. М. Гудимов. Почти все они пали смертью храбрых в тот же июньский день, некоторые отдали свои молодые жизни в других воздушных сражениях, уничтожив еще не один самолет врага. Из этой девятки в живых остался лишь Андрей Степанович Данилов. Чудом спасшийся после того памятного боя у Гродно, в котором он, дважды раненный, протаранил фашистского аса, Данилов воевал на многих фронтах, сражался над Берлином. Сейчас подполковник запаса А. С. Данилов — почетный гражданин города Гродно.

Молва о таранах быстро ширилась. Многие наши летчики, попадая в сложные, безвыходные ситуации, применяли этот прием воздушного боя и добивались победы над врагом.

Таран наводил ужас на противника! Вот, к примеру, признаниецелевшего после тарана немецкого пилота: «О таране мы знали понаслышке и не верили в его существование. Теперь я убедился, какая эта страшная вещь».

Мы назвали лишь девять имен. Но, как установили теперь военные историки, в первый день войны их оказалось двенадцать. Двенадцать отважных летчиков. И все они были коммунистами и комсомольцами. Это закономерно. Сыны партии и комсомола всегда и везде шли впереди. Первыми они были и в подвиге.

В 1964 году, в день 50-летия первого тарана, в Доме авиации и космонавтики им. М. В. Фрунзе летчики рассказывали, как они в годы Великой Отечественной войны совершали тараны. 25 летчиков осуществили по два тарана, Алексей Хлобыстов и Николай Терехин применили таран трижды, а Борис Ковзан — четырежды. За всю войну с 1941-го по 1945 год — было осуществлено около 500 таранов.

...Тридцать пять лет назад огрели последние залпы Великой Отечественной войны. Но беспримерные подвиги советских летчиков в битве с жестоким врагом до сих пор продолжают изумлять. И они никогда не изглаживаются из памяти народной. Потому что для отважных советских соколов существовал один девиз в жизни: служить Родине, пока бьется сердце.

Вручение судьбы

Леонид
ЛЕОНИДОВ

Подполковник запаса Александр Борисович Берлин — историк по образованию и призванию. Много лет подряд, когда служил, он разыскивал фронтовые документы, фотографии, письма — писал историю своей части. На новой работе, став деканом факультета общественных профессий Сибирского металлургического института, он взялся еще за один поиск. Оказалось, что историей СМИ никто толком не занимался, — и он начал ее писать. Для себя. Для души. Для вуза, в который пришел работать.

Александр Борисович просиживал в библиотеке, встречался с ветеранами вуза. Среди них были и те, кто поздней осенью 1931 года прибыл из Томска на станцию — маленькое ветхое строение, отдаленно напоминающее железнодорожный вокзал. Научных работников и будущих студентов встретили непогода и непролазная грязь. Вместо учебных помещений, общежитий и квартир — бараки и землянки. Об этом времени и об этих местах писал Илья Эренбург: «Кузнецкий завод люди строили в сердце Азии. Земля промерзла на три метра... Вокруг были болота и тайга... Люди жили, как на войне...»

Институт, как выяснил Берлин, имеет богатейшую историю. Управляться в одиночку становилось все сложнее: не хватало времени, сил. Александр Борисович стал привлекать студентов.

Один из первых пришел в поисковый клуб Сергей Корнеев, Ленинский стипендиат, с инженерно-механического. На кафедре истории партии предложили ему написать «нестандартный» реферат, посоветовали обратиться к Александру Борисовичу Берлину. Получил Сергей задание — разыскать материалы об Алексее Павловском, выпускнике института, героически погибшем в боях за Днепр.

Группа капитана Павловского заняла высоту 177. Утром ее окружили враги — 46 танков и три роты солдат... Сутки длился бой. Семнадцать танков были уничтожены. Павловского контузило; когда сознание вернулось к нему, он услышал немецкую речь... Плен, пытки... Молчал под пытками капитан, молчала и горстка его солдат. Не добившись ничего, фашисты сожгли их заживо в стогу сена. Это было в декабре 1943-го...

— Сначала мы послали запрос в архив Министерства обороны, в Подольск, — рассказывает Сергей Корнеев, — получили оттуда наградной лист на Павловского. По пяти подписям, стоявшим на нем, стали искать авторов. В живых осталось три генерала — от них пришли первые сведения. Особенно помог командир корпуса генерал-лейтенант запаса П. Кузнецов, приславший, кроме подробного письма, два военно-исторических журнала с подробными описаниями боев при фор-

сировании Днепра... В это же время я познакомился с вдовой Алексея. Зиновия Алексеевна Павловская рассказывала:

— Он страшно любил авиацию. Таскал меня за собой на все праздники. И вот когда у нас родилась дочь, он сказал: «Назовем ее Элеонора — к элерону ближе...» Так и сделали.

Алексею Павловскому прочили карьеру ученого. Он окончил институт с отличием, стал преподавать на кафедре литейного производства — читал лекции, консультировал дипломников.

— И работой, и учебной, преподавательской и производственной деятельностью Алексей слепил в себе все то, что в условиях войны, в критической ситуации преломилось в подвиг, — говорит Сергей Корнеев. — Я прошел с ним по предвоенным годам, и его героический поступок, решивший исход боя, воспринял как естественное, само собой разумеющееся...

Судьба павших особенно близка нынешним студентам; герои жили в том же городе, ходили по тем же переулкам и площадям, слушали лекции в тех же аудиториях.

На третьем этаже института помещается ныне музей боевой и трудовой славы.

— Можно вас потревожить?

Я уступил место. Молодой человек прикрепил табличку к бюсту героя-выпускника СМИ.

Студент третьего курса механического факультета Саша Федоров еще до армии увлекся лепкой. Поступив в СМИ, он стал активным членом «Поиска». По военным выцветшим фотографиям он восстанавливает в глине образы фронтовиков. Консультанты — родственники погибших героев, они же первые и благодарные ценители.

...Двое преподавателей что-то оживленно обсуждают. Один из них мне знаком — где я мог его встретить? В Новокузнецке я впервые и все-таки знаю его... Вспомнил: минуту назад видел это лицо — взрослое лицо студента-младшекурсника — на фотографии здесь, в музее. Яша Шамец. Пришел в институт после десятилетки, и началась война...

Доцент Яков Васильевич Шамец отдал «Поиску» самое дорогое: фронтовой дневник, фотографии военных лет, пробитый осколком вражеской мины комсомольский билет № 10235271.

Это было первое приобретение музея. Вторым приобретением стал залитый кровью комсомольский билет сержанта танковых войск, ныне проректора по научной работе Николая Васильевича Дадоочкина.

Шамец и Дадоочкин учились после войны в одной группе прокатчиков. О том, что у их комсомольских билетов — схожие судьбы, они узнали спустя почти тридцать лет. Оба немало сделали для музея. Яков Васильевич, проректор по учебной работе, во всем шел навстречу ребятам. А Николай Васильевич — председатель музея.

...Дверь открывает Зиновия Алексеевна Павловская, вдова героя.

Между нами большая разница в прожитом и еще больше — в пережитом. Я родился, когда война уходила в прошлое: налаживалось хозяйство, люди возвращались к мирной жизни... Но сейчас, глядя на лицо вдовы, я словно прикасаюсь к той эпохе.

— Рассказать могу много, а вот материалы почти все отдала Берлину и его ребятам, даже письмо Алешино последнее. Отдала, потому что знаю: в надежных руках будет храниться. Почти три десятка лет прошло с того дня, как получила похо-

ронную... Мимо института, бывало, иду и на душе скверно. Думаю: он ведь ваш, герой он, — почему же вы забыли о нем?! А потом меня разыскали школьники из села Днепровокаменка, с Украины. Там он погиб. Вот уже семь лет перелисываюсь с ними. Ездил на открытие мемориала павшим при форсировании Днепра.

...На снимке — высота 177,0. Покатый невысокий холм, ничего примечательного: на пароходе проплывешь — внимания не обратишь. Но пускай есть берега внушительнее и красивее. А на красавец Днепр лучше взглянуть с той, последней высоты, взятой Павловским и его воздушно-десантным батальоном...

Не всем студентам под силу поисковая работа. Одни боятся непривычных контактов с людьми. Другие из-за расхлябанности и пассивности вообще ничего не успевают. Третьи впрямую заявляют: «Поступил в вуз — больше ничего не надо» или еще лучше: «А что мне с этого?»

Всякое бывало в вузовском следопытском клубе: вроде бы во всем сильные студенты уходили, не проявляясь, а ничем прежде не проявлявшие себя ребята становились хорошими следопытами — происходило какое-то чудо-превращение.

Ирина Ходос, будущий инженер-механик, так оценивает свою работу в клубе:

— Поисковая работа научила меня быть собраннее. Сегодня я должна навести справки, назавтра договорилась побеседовать с преподавателем-ветераном войны, послезавтра сяду за обработку материалов, много накопилось...

Ирина познакомилась с клубом «Поиск» до поступления в институт: смотрела передачу по телевизору о нем. Решила: если поступит в СМИ, то обязательно займется поиском. И на первом же курсе взяла задание, студенты тогда восстанавливали по воспоминаниям ветеранов историю вузовского комсомола в военные годы.

Позже Ирина Ходос включилась в поиск материалов об Анне Язовской. Аня с отличием окончила десятилетку. Училась легко, радостно. Увлекалась авиацией, занималась в аэроклубе.

— Вот что удивляет в ровесниках тех лет — они во всем были страстными! Я преклоняюсь перед их настойчивостью в труде, в учебе, перед их самоотверженностью, с которой они относились к любому делу, — признается Ирина. — А как рвались, металась она, не находя покоя ни в чем, пока не оказывались на фронте, лицом к лицу с врагом.

«...Я живу все так же. Сейчас, как никогда, хочется скорее на фронт. Там, где я жила, в Кропотки-

не, — немцы, бои... Просто не представляю: по моим знакомым местам, где я могла ходить с закрытыми глазами, ходят враги, идет жуткое истребление. Больно, когда занимают незнакомые города... Но Кропоткин, мой милый Кропоткин...

Через ЦК ВЛКСМ она добилась отправки на фронт в единственный женский полк пикирующих бомбардировщиков под командованием Марины Расковой. Была командиром звена. За участие в боях за Сталинград ее наградили орденом Красной Звезды. 14 октября 1943 года эскадрилья нанесла удар в районе Орши. На обратном пути летчик атаковали фашистские истребители. Во время неравного боя загорелся самолет лейтенанта Губиной. Спасая ее, погибла Анна Язовская.

Крупнейший центр по подготовке кадров для промышленного Кузбасса — Сибирский металлургический институт имени Серго Орджоникидзе — расположен в самом центре Новокузнецка. У входа в главный корпус — две небольшие с серебрястым отливом таблички:

**ЗДЕСЬ УЧИЛСЯ И РАБОТАЛ
ПРЕПОДАВАТЕЛЕМ
ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
ГВАРДИИ КАПИТАН
АЛЕКСЕЙ АНДРЕЕВИЧ
ПАВЛОВСКИЙ**

**ЗДЕСЬ УЧИЛАСЬ КОМАНДИР
ПИКИРУЮЩЕГО
БОМБАРДИРОВЩИКА
ГВАРДИИ ЛЕЙТЕНАНТ
АННА МАКСИМОВНА ЯЗОВСКАЯ**

Изнутри, над входом в музей института, укреплена пластина из нержавеющей стали. На ней написано: «Под этой плитой находится письмо студентам XXI века. Вскрыть 9 мая 2005 года».

Мне неизвестны слова, скрытые под металлической пластиной. Но, может быть, их смысл верно расшифровал один из посетителей музея — представитель Коммунистической партии ФРГ, главный редактор журнала «Корбискерн» Фридрих Хитцер:

«Я был сегодня в вашем музее и кое-что узнал из истории вашего знаменитого института. Самое большое впечатление произвели забота и любовь к людям, которые здесь учились и преподавали и которые отдали свои жизни за освобождение человечества от гитлеровского фашизма... Это письмо является верным признаком надежды на великое будущее людей, готовящих грядущий век».

СЛОВО В СЛОВО

**Юрий
РЯЗАНОВ**

Этой заметкой Ю. Рязанова открывается новая рубрика нашего журнала. Она расскажет о наиболее интересных музейных экспонатах и находках, представленных в музее журнала. О некоторых уже рассказывалось в заметке «Оставить след, продолжить память» (см. «Уральский следопыт» № 9 за 1979 год). Сегодня рассказ о новом экспонате.

Выходу в свет этой книги предшествовало объявление, распространенное московской старообрядческой типографией: «С 1 октября 1912 года книгопечатня приступила к изданию Библии древней печати (так называемой Острожской) слово в слово и лист в лист с Библией издания знаменитого ревнителя древлеправославия князя Константина Острожского, печатанной московским первопечатником диаконом Иваном Федоровым.

Оригиналы этой редкостной Библии в настоящее время продаются антикварами от 100 до 300 рублей».

Заметим, что указанная сумма по тогдашнему курсу была весьма значительной.

«Библия нашего издания, — говорилось далее в объявлении, — будет со 120 лицевыми изображениями, взятыми с древнейшей и единственной рукописи времен Иоанна Грозного «Лицевой свод», хранящейся в Московском историческом музее...»

«Цена назначена до 1 января 1913 года 10 рублей за экземпляр в хорошем кожаном переплете... После же 1 января 1913 года цена Библии будет повышена до 17 рублей».

Если принять во внимание, что в то время корова стоила 2,5—3 рубля, то далеко не всякий желающий мог приобрести новое издание Острожской Библии.

В следопытском экземпляре на последней странице под сигнетом (типографским знаком, гербом печат-

ника) Ивана Федорова и выходными данными оригинала 12.VIII 1581 года читаем: «Ныне с того же переводу во всем согласно издана... в лето от сотворения мира 7422 месяца марта в 15 день в преименитейшем граде Москве...»

Книгопечатание на Руси литературными кирилловскими шрифтами началось в Москве в середине XVI века, приблизительно в 1553 году, в том же «преименитейшем граде» и закончилось вскоре после 1917 года.

Следует заметить, что первоначальный период книгопечатания в Москве изучен довольно неплохо, а вот о последнем мало что известно. В частности о старообрядческих изданиях, в основном перепечатках книг XVI — первой половины XVII века. Можно полагать, что особенно после «куцей конституции» 1905 года старообрядческие типографии выпустили немало книг, отпечатанных кириллицей.

Переиздания эти не только внешне копировали древние фолианты (их заключали в деревянные переплеты, обтянутые тисненой кожей, а то и бархатом, с металлическими застежками и замками, литыми или штампованными украшениями из металлических накладок), но и дотошно, из буквы в букву воспроизводили текст оригиналов.

После двух с половиной веков гонений и запретов старообрядцы, испытывавшие большой недостаток древнепечатанных книг, не испорченных правкой «беса в обличье чело-вечьем» (так они называли патриарха Никона), наконец-то получили возможность утолить книжный голод.

Сейчас нам странным покажется, что даже явные ошибки в «святых» книгах у этих ревнителей русской старины считались священными, а исправления ошибок, сделанные в эпоху патриаршества Никона, в середине XVII века и позднее, считались от лукавого, то есть от самого сатаны.

Острожская Библия издавна пользовалась у раскольников разных мастей абсолютным авторитетом, и мы в немалой степени обязаны ста-

рообрядцам тому отрадному факту, что по сей день сохранилось сравнительно большое количество экземпляров этой книги, изданной обычным по тем временам полуторатысячным тиражом.

Есть надежда, что будут выявлены и другие экземпляры. Находки советских ученых в последние годы подтверждают это предположение.

В прекрасно изданном альбоме А. Запаско «Художественное наследие Ивана Федорова» (Львов, 1974) среди перечисленных 170 известных тогда науке экземпляров Острожской Библии не учтен, например, хранящийся в Свердловском объединенном историко-революционном музее, другие, найденные после 1974 года, а также находящиеся в частных собраниях.

Только у одного знакомого мне московского библиофила Ю. М. Вальтера в личной коллекции имеются два экземпляра первого издания Острожской Библии, причем один — в завидно хорошем состоянии. А сколько таких коллекционеров в стране?!

Но за что же так почитали старообрядцы, да и не только они, последнее творение великого просветителя русского народа, «сына з Москвы» Ивана Федорова?

В это, тринадцатое по счету, издание русский первопечатник вложил весь свой опыт, умение, талант художника. Библия — наиболее богато орнаментированная книга, превосходящая по объему все остальные: 629 листов большого формата с двухколонным текстом. А Запаско подсчитал, что в Библии 3 240 000 печатных знаков, что превышает предыдущие двенадцать изданий, вместе взятые.

Но не это являлось главным достоинством Острожской Библии, хотя и как произведение полиграфического искусства она долгое время была образцом для печатников не только Руси, но и Западной Европы. Острожская Библия украшала драгоценное и обширное собрание книг царя Ивана Грозного, известного библиофила своего времени.

Основоположник науки славистики¹ Иозеф Домровский в начале века писал, что ему посчастливилось держать в руках Острожскую Библию Ивана Федорова. «Я отдал бы половину своей библиотеки за Острожскую Библию!» — воскликнул ученый.

Основная ценность этой книги состояла в том, что она была первой полной печатной Библией на славянском языке.

Католические и прочие ученые-богословы корили русских за необ-

разованность, — у них, дескать, даже Библии на родном языке нет. Теперь эта карта недоброжелателей оказалась битой.

Церковной верхушкой в Москве Острожская Библия была принята в основном благожелательно. Книга послужила основой первой русской печатной Библии, изданной в Москве в 1663 году, и последующих переизданий.

Острожской Библия называется по месту издания. Она была создана и отпечатана на Украине, в поместье Константина Константиновича Острожского, мецената и патриотически настроенного славянского магната, на его средства. Примечательно, что такую огромную книгу, не уступающую лучшим изданиям западноевропейских типографий, Иван Федоров отпечатал лишь вдвоем с учеником Гринем.

Острожская типография, основанная И. Федоровым, действовала много лет и после смерти первопечатника в 1583 году. В моей коллекции находится книга в восьмью долю листа, называемая «Часослов с Месяцесловом», изданная в Остроге 25.V.1612 года. Это, вероятно, последнее издание Острожской типографии.

Язык Острожской Библии утвердился как норма церковнославянского языка, который в свою очередь все самое ценное передал возникшему в XVIII веке и бурно развившемуся в XIX веке русскому литературному языку.

Трудно переоценить роль Острожской Библии, которую она сыграла в русском (украинском и белорусском — тоже) книгопечатании в последующие века. На эту тему написано много статей и книг. Приведу лишь одно свидетельство крупнейшего советского историка славянской книги Е. Л. Немировского:

«Острожская Библия сыграла исключительно большую роль в истории культуры восточнославянских народов... Перевод Библии на национальный язык и издание ее на этом языке говорили о росте национального самосознания... Острожская Библия — важная веха в борьбе восточнославянских народов с окатоличиванием и ополячиванием».

Но вернемся к экземпляру Библии из музея «Уральского следопыта».

Допускаю, что перепечатка, как и было обещано в объявлении, «слово в слово» повторяет текст оригинала, по крайней мере, выборочная сверка этому не противоречит. А вот насчет «лист в лист» — не совсем так. Перепечатка Библии, в отличие от Острожской, богато иллюстрирована множеством штриховых и тоновых репродукций миниатюр из древних русских рукописей и поэтому имеет большее число листов. Причем расположены эти репродукции не все

вместе, в начале или конце книги, а рассредоточены в тексте и даются примерно там, где рассказывается о том или ином сюжете рисунка.

Воспроизведен в переиздании, и весьма точно, многочисленный и разнообразный орнамент оригинала. Правда, в музейном экземпляре утрачены первые семь листов. Поэтому ничего нельзя сказать о гравированной рамке титульного листа, о гербе К. Острожского и большой заставке. Но сохранилось около 80 малых заставок, отпечатанных и в оригинале с 16 различных досок; 70 концовков, оттиснутых с 19 ксилографических досок, и девять комбинированных — ксилографических и отливных — концовков. Сохранены 35 мелких украшений, почти 80 строк вязи, без малого 1400 узорчатых букв... Верстка, двухцветная печать (красный и черный цвета), отличающаяся высоким уровнем в оригинале, сохранены и в переиздании.

Почему-то в библиографии об Острожской Библии не упоминается о переиздании 1914 года, хотя это, видимо, единственное воспроизведенное знаменитой книги.

Неизвестно, каким тиражом отпечатана иллюстрированная Библия 1914 года. Но вот что примечательно: ни в одном музее, ни в одной библиотеке, где мне удалось побывать, ни в одном частном собрании книг кирилловского шрифта я не встречал хотя бы еще один такой экземпляр. Что это — личное невежество или результат ничтожно малого тиража?

Лицевую Библию (в ней одна иллюстрация отпечатана многоцветно) мне подарил чудесный старик, большой книголюб и любитель древней русской литературы, уралец Илларион Максимович Лебедин в 1976 году, а четыре года спустя она стала экспонатом музея «Уральского следопыта».

¹ Славистика (славяноведение) — совокупность наук, изучающих славянские языки, литературу, культуру, историю и быт славян.

ПЕРО ЯСТРЕБА

Авенир
КРАШЕНИННИКОВ

Рисунок
А. Банных

Перед рассветом в лесу жутковато: темень между стволами густеет варом, пропадают шелесты и шорохи, шаги по затверделому проселку кажутся оглушительными, а впереди маячит что-то огромное и косматое.

Оно и в самом деле может встретиться. В этом заброшенном краю, в долине таежной речки Соколки, там и сям попадаются раскороженные когтями трухлявые пни, половиком завернутый дерн, смятые обсосанные малинники, следы растоптанных лаптей на влажных суглинках. В прошлом году один косматый мишка повадился на пасеку. Махнув лапой на осипших собак, на сторожиху, судорожно палящую в воздух дробью, он, как заправский мастер спорта, мячиком перелетал через заплот, забирал под мышку улей вместе с сонным пчелиным семейством и на всех парах устремлялся к речке. Треск ольховника и черемух, короткий всплеск — и улей в воде по самую крышку. Витой черной пеною вытекают по стержню пчелы, а мишка, содрав крышку, загребает лапой, будто ковшом, мед и вошину, чавкает и похрюкивает от удовольствия.

Наезжали охотники с лайками, одну он порвал и ушел раненый, нынче о нем не слышать, а все равно боязно; я озираюсь: так и подмывает вернуться.

Но что же ты празднуешь труса? Столько лет ты бродишь по этим лесам, и никогда они не были тебе враждебны, и ни разу твою тропу не пересекала тропа хищника! Вперед! Еще немного, и этот черный лес на вершине увала расступится, стальной синевой блеснет на Соколке омут. И гляди — над тайгою по восточным увалам брезжит розоватая дымка, бамбуковое удище стало холодным, сапоги облились росой.

Ну, сейчас надо набрать ручейников. Их домики в кольчуге песчинок и камушков сливаются с туманным дном, вода обстрекала руки докрасна. Вообще в Соколке и в знойный полдень температура воды самое большее плюс четыре.

В этой студеной быстрой воде, на перекатах

и перепадах омутов, чутко стоят хариусы. Невелики они, не то, что в реках, пристрастных к Ледовитому океану, но по статям такие же красавцы, столь же стремительны и осторожны, и чтобы наудить их на ушку либо на сковородку, нужны сноровка и выдержка.

Да много ли нам с женой, с дочкой надо! Удовольствие от этой рыбалки-охоты, когда воздух родниково чист, когда от благовеста птиц и насекомых стоит в нем тугой неенссякаемый звон и всякая травинка показывает солнышку свой цветок,— вот что выманивает из постели, побуждает бежать по лесной дороге, лазать в буревалах, в джунглевых сплетениях душистой крапивы и черемух...

До чего же хорошо мне было в то летнее раннее утро, так и подмывало запеть во все горло, но рыбалка есть рыбалка, самодеятельностью будем заниматься потом, на обратном пути. А пока перебросим удилище вот через этот смородиновый куст, нависший над упругим перекатыком. Осторожно, осторожно — не топнуть бы сапогом, не зацепиться лескою за угловатые листья: тогда хариусов поминай как звали!

И вдруг — что же это такое? Плеск, глухие удары, голоса. Не чудится ли мне все это в шуме леса, в бурлении Соколки?

Я наматываю леску на катушку и с удилищем наперевес пробираюсь вдоль берега. Травы — чуть не в мой рост, обдают брызгами, я почти не замечаю этого. Впереди должен быть завалившийся мосточек, переброшенный когда-то через Соколку пастухами; чуть ниже его любит держаться харюзозовая стайка. Голоса — отсюда. Я концом удилища разнимаю травы.

На берегу язва кострища, черно-серая, сбоку валяются пустые бутылки, рюкзак, выдавший виды, в пятнах и потеках. На мосточке зеленое эмалированное ведро и трехлитровый алюминиевый бидон, а за мосточком — два мужика, по пояс в воде, матерясь и покрякивая, распялили бредень. И углан, годов четырнадцати-пятнадцати, с другой стороны мосточка, лупит по воде поленом, топает болотными сапогами — ботаает, гоня по течению ржавую муть.

До меня нескоро дошло, что они тут промышляют. А как дошло, черно вокруг сделалось, в ушах заныло нехорошим звоном. Я вылетел из травы и заорал срывисто, необычным для себя тонким голосом:

— Да что же вы делаете? Разве так можно-о?

Мужики сперва вздрогнули, смешались, ко мне повернулись. Один, маленький, шилоносый, с прилипшей к нижней губе сигаретой, бегающими глазками обшарил меня и облегченно смачно выматерился. Другой, здоровый длиннорукый дрын с опухшим лицом, облизал шершавые губы и, равнодушно переступая, стал заво-

дить край бредня. Углан приостановился, нерешительно поглядывая то на меня, то на мужиков. Был он, как и старшие, в штормовке; из-под спортивной вязаной шапочки с кисточкой шупальцами кальмара спадали волосы.

— А ну, катись отседова! — разъярясь, крикнул маленький, не отпуская край бредня.

Я принял я убеждать: зачем, мол, губить речку, куда им столько рыбы-хариуса, почти малька, да и долго его не сохранить... Что-то еще говорил жалобное, длиннорукому это надоело, он хрипловато, негромко так велел углану:

— Паша, выруби-ка этого...

Паша охотно полез на берег. Был он жилист и тоже длиннорук, выше меня на полголовы; глаза его, цвета жидкого чая, из-под припухших век зыркали с наглинкой и все-таки с опаскою. Лицо у него было даже симпатичное, до взрослости еще недотесанное, ямочка на щеке играла. Он шел на меня, хрустя травой, а я стоял, держа в опущенной руке удилище, и почему-то совсем не думал, что меня могут «вырубить».

Огненный взрыв полыхнул в голове. Через секунду я очухался — лежал на земле, и рука все сжимала удилище. Я вскочил, зажал другой рукою расшибленный глаз, едва различая путь в черноте: меня понесло, понесло в сторону, в тайгу, на увал. Я не плакал от боли, от бессилия, от позора: какое-то время я вообще не существовал.

Сторожиха совхозной пасеки Анна Митрофановна пришла к нам утром после дежурства. Она все-таки успела заглянуть к себе домой и принесла на плече моток ременных вожжей и лопату. У ног Анны Митрофановны крутились две собаки, в предках которых наверняка согрешила с каким-нибудь лихим дворянкой сибирская лайка. Перед чужим домом, не то что на пасеке, они не рычали, не дыбили шерсть на загорбке, а ходили челноками, суя повсюду пытливые свои носы, то и дело метили столбики заплота и деревья фамильными знаками.

— Какую воду-то вы пьете, — загадочно начала Анна Митрофановна, прислонив к заборчику палисадничка лопату и усаживаясь на скамейку.

Мы только что поставили на уличную печку чайник, зачерпнув в него до краев, а воды в чайнике вроде бы и не было — до того она прозрачна, лишь дно изнутри казалось выше, чем на самом деле.

— Ну-у, как всегда, из Соколки, — ответил я, на речку Анне Митрофановне указывая.

— Из Соколки, — повторила она сокрушенно. — Бери-ко лопату да пошли.

Очень хотелось чайку, да и Анна Митрофановна, конечно, от чашки бы не отказалась, но

не ради чаю же она пришла с вожжами, с лопатой, и не станет впустую звать.

— Я с вами! — твердо заявила моя дочка.

Я вопросительно на Анну Митрофановну посмотрел, она не возразила.

В этой покинутой богом и людьми «бесперспективной» деревеньке, состоящей из какого-нибудь десятка латаных-перелатаных избенок, доживали свой трудный век костистые цепкие старухи, так что другой рабочей силы, кроме нас с дочкою, сейчас для Анны Митрофановны, вероятно, не было. Знакомые в городе звали меня дачником, землевладельцем, помещиком, здешние — по имени-отчеству, и купленной нами несколько лет назад избушка-развалюшка с клочком земли, который жена с дочкой любовно обихаживали, никому здесь помещьем не мерещилась. С пяти годков дочка знала летнюю природу, с деревенскими ребятами — когда то семейство тут одно еще держалось — по-хорошему ладила, даже ездить верхом на лошадях научилась. Теперь дочке было четырнадцать, она выросла в покладистое и дружелюбное существо, однако, разумеется, как все в этом возрасте, завышающее цену своим познаниям и жизненному опыту и очень ломкое. Я любил, когда она отправлялась со мною по грибы или на рыбалку, и сейчас никаких причин оставлять ее дома не имелось.

Жена, в слезах от шатучего дыма, на печке стряпала обед, а мы бодренько поспешали за Анной Митрофановной.

Как все деревенские пожилые женщины, хоть и насквозь прошитые всякими болячками, шагала она мелко и так быстро, что угнаться за нею было непросто. В войну Анна Митрофановна таскала мешки с мукою и зерном, от этой тяжести потом у нее высохла почка, и вот, подпирая со спины кулаком пустой правый бок, она мчалась по проселку вдоль речки и на ходу рассказывала:

— Гляжу, собаки куда-то наладились. Утром передам пасеку, а они — в сторону, скрытно так, мне ничего не говорят...

Собаки Анну Митрофановну уважали, зайцев ей целехоньких из лесу нашивали, повиновались по одному взгляду, и я понимал, как хозяйку их самовольство озаботило.

— Потом замечаю, — продолжала она, — воронье над Соколкой-то кружит. Падет куда-то книзу и опять взмывает и кружит. Ну вот и выследила.

Анна Митрофановна остановилась на взгорочке перевести дух. Дочка скинула панамку, обмахивая горящее лицо, да и комары сразу же напали. Носишко ее, в конопушках и капельках пота, был обиженно привздернут, глаза она отводила в сторону. Я сочувствовал девочке: уже дважды Анна Митрофановна добиралась до самого главного и осекалась.

А собаки, вероятно, знали, куда хозяйка нас ведет, убежали, возвращались, шумно дыша, вываливая узкие языки.

В бору, чудилось мне, нагнеталась не утреннему напряженной тишина. От нее ломило уши, и внезапно раздавшийся стук дятла по сушине был оглушитель. Он и Анну Митрофановну как будто подтолкнул, и она решительно свернула на боковую замшелую, словно в золе, тропинку, ствоя и придерживая перед нами проволоочно-колючие ветки ельника.

Открылась застарелая луговина в копытене и лопухах, в проплешинах, Анна Митрофановна велела:

— Кидайте лопатки-то. Счас он будет. Они всегда, подранки, к воде стремятся. Этот тоже. Только завяз бессильный и помер.

Она боком пробралась сквозь подрост ольховника, разняла ветки. Собаки возникли на другом берегу Соколки, гулко залаяли. А на перекате, в завали набитых половодьем стволов и веток, я через плечо Анны Митрофановны увидел что-то беловатое, бурое, пучки темной шерсти. И сквозь бегущую зеленоватую воду стеклянню, выкаченно уставился на меня огромный мертвый глаз.

— Не смотри... Ты не смотри! — сказал я дочери.

— Буду, — тряхнула она головой. — Мне нужно.

— Давайте яму копать, — деловито позвала Анна Митрофановна. — Захороним. Молодехонек был лось-то. Молодехонького стрелили.

Она еще несколько раз повторилась, как будто это особенно важно было, пока мы бросали сыпучую податливую землю. А мне почему-то вспомнились трое в верховьях Соколки, раннее светлое утро и боль — в голове, во всем теле, в душе. В душе-то она до сих пор не зажила. И вот ее снова разбередило...

Мы, босиком в ледяной воде, обвязали костяк лося вожжами и поволокли на берег. Кости отваливались, вода уносила клочья кожи и белого размытого мяса. От тяжелого запаха мутило. Я не выдержал, выскочил на луговину, к кустам, меня вывернуло. С трудом одолел себя — перед дочерью было неловко. Она оказалась крепче: побледнела, но все обирала внаклон ветки, очищала от шерсти и кишок.

С грехом пополам мы перетащили останки в яму, засыпали землей.

Небо хмурилось, холодный ветер набежал, шипя в ельнике, крутя полярные листья осинки. Дочка стояла над рыжим холмиком, тиская в кулаке панамку, шевелила губами.

Я испугался за нее:

— Чего ты шепчешь?

— Погоди... Я так просто не могу. Я хочу в стихах. Вот послушай: «Жил лось молодой в заповедном лесу...»

Какой там заповедный лес! Жестяные таблички с призывами беречь зеленого друга и указаниями, какому охотничьему хозяйству угождать эти приписаны, от дробы точно в оспе, а то и зияют насквозь. В конце августа воздух ревет от выстрелов и собачьего зова. Все глубже, все глубже в тайгу скрываются зверь и птица, пока не схлынет напор, не уберется в чехлы оружие.

У меня на ремне тоже ружье: старенькая тулка шестнадцатого калибра, в кармане — пять патронов. Охотник я никакой, только в армии бил по мишеням — из карабина, автомата, пистолета, попадал неплохо, но это вовсе другое дело. Зато на «вторую охоту», по грибы, расталкивать меня не приходилось, я чувствовал боровика или красноголовика нутром, даже предсказывал своим спутникам, что вот отчитаю пять шагов — и там будет ждать белый, и почти не ошибался. И в июне, когда еще не напирал грибной пласт, редкие разведчики составляли шляпку из-под листочков и хвоинок, у меня на сковородке уже душисто поспевала жареха. Правда, я знал места...

Ну, а в конце августа и говорить нечего. Мы с дочкой взяли корзинки и решили обежать соседние лесочки, которыми другие пренебрегали...

Для чего же я прихватил ружье? Или возбужденные голоса охотников, эхо гулких выстрелов так подействовали?

Ружье мне досталось от прежнего хозяина дома. Хозяин обещал мне за ним и еще за кое-какими вещичками своими приехать, да целый год не подавал о себе знака, след его где-то затерялся, ружье висело на стенке у двери в брезентовом чехле, ждало, когда сможет выстрелить. Под ним, на том же гвозде, за ремешок был зацеплен клеенчатый патронташ, добела вытертый.

Вчера я ружье снял, вдыхая сладковатый запах сгоревшего пороха, вычистил так, что на черноте ствола запоблескивал зайчик, собрал как положено. Утром, вовсе не помышляя ни о какой охоте, набросил ремень на плечо, сунул в карман патроны.

Теплынь держалась летняя. Ни один красный и желтый лист не зажегся еще в рябинах и осиннике, даже липы, прежде всех признающие осень, всюю кудрявились и вроде бы, казалось издали, снова цвели — так густо сидели на ветках восковые крылышки семян. Однако солнце было не по-летнему низкое и пегое, в косых лучах его, пробивающих лес, не хороводилась уже мошकारа, и дорога, по которой мы шли, ископыченная, заляпанная, влажно чавкала под сапогами.

Я переломил ружье, недолго думая, вставил патрон, закрыл переломку и огляделся.

Что-то переменялось во мне. Вроде бы я делался выше ростом, сильнее; взгляд мой хищно рыскал по зарослям, по верхушкам деревьев;

корзинка теперь мешала, я на брючном ремне перекинул ее за спину. Грибы исчезли.

— Ну вот, папа, да вон же! — расстраивалась дочка, обнаруживая чуть ли не под ногами у меня торчмя стоящий красноголовик.

Мы вышли на округлую поляну в посохшей мелкой траве; у кочек и старых пней лишаями лежал похулый земляничник. По другую сторону поляны выступали две кряжистые сосны с толстенными кривыми ветвями вразброс, с темными спутанными кронами — будто не прибрались еще после провального сна. И на одной из них, на коряво изогнутой ветви я обостренно приметил какое-то живое шевеление. Вгляделся — точно! Орехово с пестротой рыжий, притаился, сливаясь со стволом, матерый ястреб-тетеревятник. Умно пропустил охотничьи ватаги в тайгу, а сам выжидает, когда можно будет и самому поохотиться.

Было до него шагов тридцать, заряд мог и на излете его не достигнуть, но ружье словно само по себе припало к левой моей ладони, уперлось прикладом в плечо и — выстрелило.

Ястреб тяжело взмыл из своего убежища, вдруг споткнулся обо что-то в воздухе и повалился, повалился прямо на середину поляны. Приподнявшись на железных своих когтях, он сидел ко мне боком, бурый, в конопатинах и узорах, под рыжим осенним солнцем.

«Взять живьем! Добить и чучело сделать!» — замелькали в голове моей мелкие мыслишки.

Однако ружье больше не поднималось, я, почему-то крадучись боком на цыпочках, медленно приближался к ястребу. Я боялся гордо вскинутой клювастой головы его, взъерошенных на затылке перьев, а особенно его глаза, огненно-зеленого, пылающего болью и яростью.

Он ссутулился, наклонил голову, шею вытянул вперед по-гусиному, разжал клюв, обнаружив маленькую косточку языка, и невероятным усилием поднял себя над травой. Презрительно взмахивая растрепанными крыльями, он потянул по-над поляною к речке.

А в воздухе будто бы на лучах зависло перо, широко кружась вокруг острия, выровнялось и впилося в землю возле самых моих ног. Я подобрал его, оно было шелковистым, необыкновенно красивым: шоколадного цвета с желтоватым накрапом и дымчатыми полосками в елочку.

Я хотел показать его дочери — в охотничьем азарте совсем позабыл о ней, взял перо за легкую полую трубочку, на кончике которой налипло что-то серое:

— Посмотри, какое чудо!.. Ты слышишь?

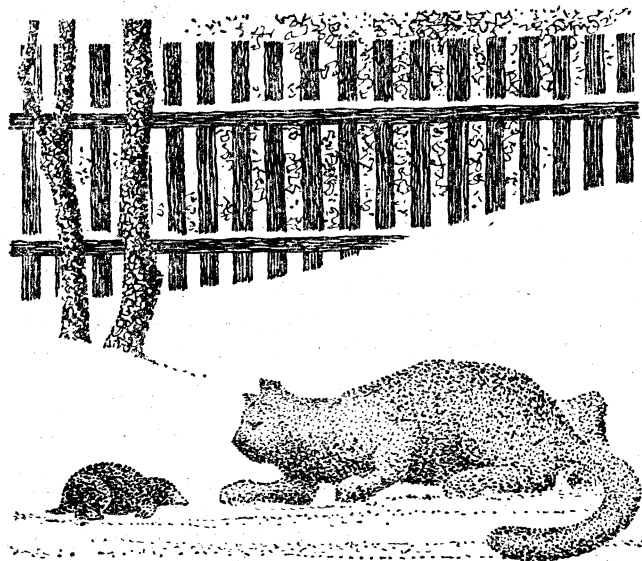
Дочь стояла ко мне спиной, вобрав голову в плечи, глядела в приречный ольховник, скрывающий ястреба, и, сколько я ни старался, ни шумел, ни за что не оборачивалась.

ИЗ КНИГИ ПРИРОДЫ

Виктор
БАНЬКИН

Рисунки
Ю. Калмыкова

КРОТОВА ВЫЛАЗКА

Накануне с крыши сторожки дружно капало. Белые облака таяли в вышине, и по небу расплывались влажно синеющие разводы, в которые засматривалось напропалую веселое мартовское солнце.

Из леса, вплотную подступающего к сторожке, тянуло отволглрой хвоей, талой водой и тонким — с горчиночкой — запахом.

На опушке в зарумянившемся вербовнике бестолково стрекотали сороки. Особенно же звонко свистели синицы в этот отраднo пестрый денек, словно бы приветствуя дерзко смелый натиск весны.

Под вечер все лужи затянуло старательно ледком, крыша ощерилась острыми сосульками, и мой хозяин лесник Митрич, у которого гостил я, во второй раз затопил подтопок.

— Не сумлевайся, она — зима-зимушка... она еще покажет себя, даром что по календарю ноне десятое число, — ворчал добродушно Митрич, прикрывая чугунную дверцу. — Слышь: эго дружно загудело в трубе! Ей-ей жомонет к утру!

Митрич словно в воду глядел: ночь выдалась ясной, морозистой. Проснулся в самую глухомань, а от окон, покрытых серебряной сканью,

взгляда не оторвать: любопытница-луна, пытаясь заглянуть в сторожку, вкрапила в замысловатые тончайшие узоры мириады драгоценных камней.

Поутру, до чая, решил прогуляться в продуктовый ларек за хлебом-сахаром. Предусмотрительный Митрич приневолит надеть его подшитые валенки.

— В твоих боярских сапожках, может, и форсисто, да ногам зябко будет. И скользко ко всему прочему.

Уже в сенцах меня обдало январской стужей.

Стоящие за палисадником ели горделиво принарядились в белые легкие шубы. Под ногами хрумкали леденцы-орешки.

Едва вышел за калитку, как увидел Митричева кота, не ночевавшего дома. Он резвился на тропинке, припорошенной инеем, то припадая к земле, то пятясь назад, то проворно хватая толстыми лапами черный жалкий комок.

— Ты чего тут, лобастый? — спросил я жиревшего кота. — Неужто мышку поймал?

Рыжий кот трусливо отбежал в сторону, оставив на тропе свою добычу. Я подошел чуть поближе и увидел крота с трогательно смешным рыльцем-пяточком.

Трудолюбивому, выносливому этому зверьку хуже всех приходится зимой. Крот не впадает в спячку, бодрствуя при любых морозах. А проделывать ходы в окаменевшей земле нелегкое дело. Там, где земля промерзла глубоко, он выходит на поверхность и бежит до сугробов, под которыми грунт податлив.

Вот и в это утро, выбравшись на свет божий, чтобы сделать очередную пробежку, крот и попал в лапы Митричева кота.

Но не успел рыжий бездельник придушить слепушка. Придя в себя, крот резво побежал к сугробу, за ночь прикрывшемуся стеклянной корочкой. Взобравшись на снежную гору, он юркнул в ямку, ведомую только ему одному.

Радуюсь в душе тому, что удалось спасти от гибели отважного крота, не забывшегося мартовского забористого мороза, я зашагал к продуктовому ларьку. Навстречу резво шла чернобровая, с румянцем во всю щеку девушка.

— С морозцем вас! — весело улыбнулась она, поправляя на плече ремень почтовой сумки.

— А вас — с весной! — тоже весело сказал я.

СИАМСКИЕ БЛИЗНЕЦЫ

Собирались после завтрака работать. Да глянул в окно, и сердце обомлело от радостного изумления.

Все вокруг — белым-бело. Расточительно, точно сахарной пудрой, были осыпаны и прокопченная банешка справа, и кособокый сарай перед окнами, и стожок слева, похожий на монашескую скуфейку. Огромные ели, древними стражами стоящие за надворными постройками, тоже приоделись в парчовые ризы.

«Такой праздник нечасто в природе встречается», — подумал я, цапая с вешалки шапку и дубленку. Оставив Митричу записку (лесник еще затемно отправился в обход своего участка), я поторопился в лес.

Когда шагаешь не спеша, присматриваясь к каждому кустику, к каждому дереву, к каждому следу, оставленному на снегу зверем или птицей, лесная жизнь откроет тебе много своих тайн. Так было и в это утро.

Безмолвием встретил меня старый бор, как бы еще все не очнувшийся от ночной дремы. И пороботал же ночью мороз: пушистой изморозью от макушки до комля разукрасил он и березы, и ели, и осины, и кустарники. Я шел по узкой тропе, тянувшейся напрямки через лес к сельцу Востряки с деревянной часовенкой над никогда не замерзающим ключом-бормотуном. Шел и все оглядывался по сторонам, чутко прислушиваясь к обманчивой тишине.

Возле высоченной ели, вершину которой не мог усмотреть в этом белом — от земли и до

неба! — белом мире, остановился, замер на месте. В образовавшуюся вокруг ствола чашу сыпалась легкая янтарная шелуха вперемешку с ином.

Кто трудился там, в вышине? Белочка? Клест? Прошедший год выдался урожайным на шишки, и лесным обитателям было чем полакомиться в зимнюю студеную пору. А сверху все сыпалось и сыпалось на снег в глубокую чашу вокруг старой ели янтарные невесомые чешуйки.

Пошел дальше, так и не увидев ни клеста, ни шустрой белки. Через несколько шагов поднял оброненную кем-то шишку — тяжелую, как бы отлитую из червонного золота. И тотчас увидел сизогрудого поползня, проворно спускавшегося вниз по стволу березы. Занятый своим делом, поползень даже не отлетел в сторону, когда проходил я мимо березы.

Видел в безмолвно-немотное это утро и крупные следы лося, на рани пробиравшегося к водою, и бусины алой крови, и серые пушинки — прямо на тропе. Возможно, куница собиралась справлять здесь тризну над жертвой — зазевавшейся птахой, но ей кто-то помешал, и хищница ускакала с добычей в чашу непролазного кустарника.

Как бы запоздало оплакивая жестокую расправу, вдруг печально засвистели где-то совсем рядом снегири.

Но это еще не все, что видел я во время прогулки по старому бору. Мне и раньше доводилось проходить мимо могучей прямоствольной осины при дороге, но почему-то в беспечности своей я не обращал внимания на приткнувшуюся у нее под боком голенастую елку. А нынче вот что-то заставило попристальнее взглянуть на странно толстый комель осины, зеленеющий внизу. И тут я сделал для себя открытие: молодая елка как бы росла из ее корня!

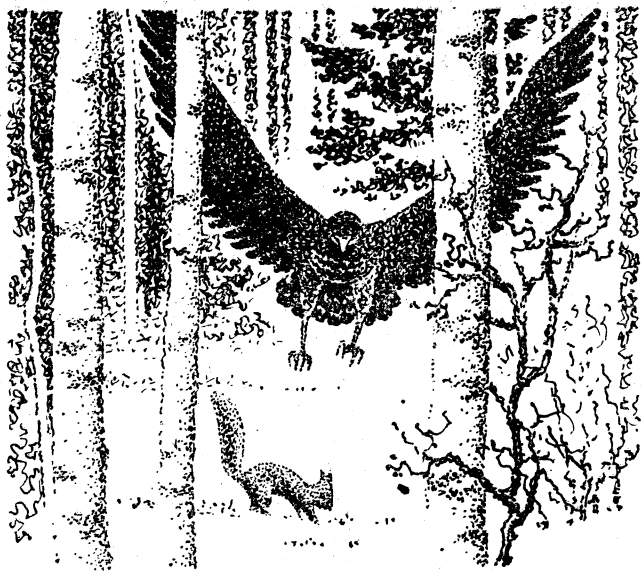
Давно когда-то еловое семечко упало рядом с набирающим силу деревом. А стоило появиться возле осины тонюсенькой елочке, как она словно бы притянула к себе слабую, неокрепшую малышку. Со временем елка окончательно срослась у комля с осинкой.

Ель, стремящуюся всеми силами отстраниться от могучей соседки, метрах в трех-четыре от земли соединяла с осинкой надежная пуповина. Вероятно, осина в этом месте пустила побег, и он вписался в ствол ели, утолщаясь год от года.

«Ну, чем не сямские близнецы?» — спрашивал я себя, глядя на гордо вознесшуюся в белое безмолвие осину и хилую ель, в своем страстном порыве убежать от коварной соседки даже чуть сгорбившуюся.

Но уж ничто не поможет теперь молодой елке вырваться из плена. Навек соединены между собой сямские — столь не похожие — близнецы.

НЕЖДАНЫЕ ЗАСТУПНИЦЫ

Остановился у овражка и не спеша огляделся по сторонам, ища какую-нибудь орясину, переброшенную на тот берег. Хотелось мне добраться к сочно пламенеющим по крутояру лозинам красного вербовника с распушившимися барашками-свечками.

Осели, уплотнились волнистые сугробы, застругами перекрывающие овраг, по дну которого, разъедая рыхлый снег, булькал — пока еще невнятно и робко, только что народившийся ручей. Кругом ни звука, ни шороха в февральском лесу с нависшим над землей угольно-мерклым небом.

Лишь напрягая слух, можно было уловить попискивание стайки гаичек, порхавших по тяжелым ветвям ели, безбоязненно утвердившейся на краю оврага. Вдруг одна из пташек тревожно-громко свистнула, и вся стайка, точно по команде, шарахнулась в заросли кустарника. В это время и увидел я летевшую низко над лесом большую серую птицу. Подумал: «Неужели ястреб-тетеревятник?»

Мерно махая крыльями, птица сделала два-три круга над оврагом. А потом опустилась воровато где-то неподалеку — не то на осину, не то на березку. И до того скрытно затаилась, что я не мог ее разглядеть.

У подножия старой ели, на ветвях которой недавно резвились гаички, весь снег был осыпан чешуйками шишек. Видимо, и белка здесь кормилась.

Лишь собрался податься влево — в той стороне, почудилось мне, было переброшено на противоположную сторону оврага бревно, покрытое наледью, — как по черному стволу ели, в сметанно-кремовых натеках смолы, спустилась вниз белка, легкая на помине. Она покопала лапками — с оттенком брезгливости — жухлый снег, сердито поцокала и поскакала, горбом выгнув спину, к соседнему дереву.

В следующий миг на белку камнем упало что-то темное. И тотчас оторвалось от земли и взмыло вверх, цепко держа в острых когтях трепыхавшегося зверька.

— Кыш! Кыш! — придя в себя, замахал я шапкой на ястреба-тетеревятника, но было уже поздно.

Хищник поднимался все выше и выше, намекаясь, по-видимому, опуститься на ближайшее дерево, чтобы растерзать свою добычу.

И тут, откуда ни возмись, появились стрекочущие возмущенно сороки. Длиннохвостая дружная стая бесстрашно набросилась на ястреба.

Хищник вертел в разные стороны головой, свирепо выкатив желтые глаза, угрожающе раскрывая клюв. Он стремился уклониться от погони, но сороки храбро бросались на ястреба и сверху, и снизу до тех пор, пока он не выпустил из своих когтей неосторожную белку.

Раненый зверек упал в сугроб по ту сторону оврага. Возможно, он и оправится от потрясения, заживут и его раны.

Сороки же, нежданные и смелые заступницы белки, еще долго преследовали ныряющего между ветвями деревьев ястреба, пока он не забился в самую чашу молодого ельника.

И подумал я с веселой ухмылкой: «Не зря говаривали в седую старину наши пращуры-славяне: «Смелость города берет!»

**Олег
БОГДАНОВ**

ЗМЕЯ ВМЕСТО ТАКСЫ

Пришлось мне в Киргизии ловить змей и ящериц вместе с охотником Московского зоокомбината Левого Машатовым. Как всякий охотник-промысловик, он не любил компаньонов и держал профессиональные секреты за семью печатями. На второй или третий день оказалось, что щитомордников мы ловим примерно оди-

наково, а вот разноцветных ящурок у него в десять раз больше. Значит, знает он какой-то секрет. Несколько раз пытаюсь выведать, но Лева уклоняется от ответа.

Спустя несколько дней случайно замечаю, как он, отправляясь в поле, сунул в рюкзак мешочек с узорчатым полозом. Может быть, Машатову в охоте помогает узорчатый полоз, который почти не встречается в этой местности? Уму непостижимо! Не мог же, в самом деле, Машатов научить змею тому, чему люди обучили охотничьих собак? На это ушли сотни, а может быть, и тысячи лет, пока появились таксы или фокстерьеры. Других же собак в нору и палкой не загонишь. Об этом я думал, разыскивая змей среди холмистых предгорий, покрытых душистой полынью.

Но вот передо мной мелькнула стрелка, повратарски бросаюсь ничком и успеваю схватить змейку. От поднятого шума перед моим носом в нору песчанки заскакивает разноцветная ящурка. Встаю. Из зажатого кулака, как лапша с ложки, свисают два полуметровых конца тонкой змеи. Машинально сую голову змеи в нору, и в тот же миг оттуда прямо на меня выскакивает ящурка, так неожиданно и с такой прытью, что я отшатываюсь, падаю на спину. Так вот в чем секрет! Разноцветные ящурки панически боятся своих злейших врагов — змей. Этим и пользовался мой московский приятель.

ГЮРЗА В ЗАСАДЕ

Теплая осенняя погода, нестерпимой жары уже нет. Красные ягоды боярышника привлекают пролетных птиц. В чуть-чуть пожелтевших кронах тала грустно посвистывают пеночки-теньковки. Их свист кажется плачем. В зарослях мяты, у родников, бросается в глаза ярко-голубая грудка варакушки.

Все предвещает удачную охоту, но вот мы уже три дня тщетно лазаем по Нуратинским горам в надежде встретить гюрзу. Обычно змеи отсиживаются в убежищах по несколько дней, когда дует ветер, но в эти дни было поразительно тихо. Листик не колыхнется. Прозрачный воздух кажется неподвижным. В небе нет даже паутинок, на которых осенью путешествуют миллионы новорожденных паучков, чтобы заселить новые территории. На привалах от необычной тишины закрываем глаза, кружится голова, становится тоскливо. Природа умирает.

Нам нужна всего-навсего одна змея — для киноъемок, но у нас нет времени. Обследовав нижние части оврагов, отправляемся в горную котловину, где летом стояли лагерем геологи. По их словам, ежедневно несколько гюрз заползало в палатки.

На месте лагеря валялись консервные банки и обрывки бумаги. Я узнаю эту маленькую котловину с двумя талами, тремя шелковицами, длинной зеленой мочажинной на склоне и многочисленными гюрзинскими выползками, оставшимися после их линьки. Мы здесь однажды побывали три года назад. Гриша вспоминает, что за водоразделом, примерно в километре отсюда, есть еще один родник, и мы, оставив кинооператоров, снимающих фильм «Осторожно — кобра!», вдвоем отправляемся туда.

Вот и родник, где когда-то росла мята, а теперь ничего не было. Родник манит прозрачностью и прохладой. Жажды нет, но грех не напиться студеной воды. И мы ложимся на крупнозернистый песок.

Метрах в пятнадцати от нас поднимается невысокая скала. Недалеко от скалы каменная глыба. На глыбе лежит туркестанская агама и смотрит на нас. Почему бы не снять операторам хотя бы агаму, если нет гюрзы, решаю я, и направляюсь к ящерице. Агама поднимается на ноги, высоко задирает голову. Припадает на брюхо, снова приподнимается и стремглав бежит вдоль скалы. Пристально слежу за ней, чтобы не пропустить, в какую щель она прыгнет. Вот агама сунулась под выступ и сразу отскочила. Она побежала в сторону моего спутника. Что с ней случилось? Движения ее стали неверными, она волочит задние ноги. Я уже не смотрю на агаму, а бросаюсь к скале. Из расщелины высывается огромная гюрза...

ПОЙМАТЬ СОБОЛЯ

Евгений
ЧЕРНИКИН

Кому не известен соболь? Именно погоня за собольими мехами увлекла казаков в Сибирь. В начале двадцатого века соболь оказался на грани исчезновения, и царское правительство, уступая настояниям русских ученых и общественности, организовало Баргузинский заповедник для охраны соболя. Группа энтузиастов во главе с З. Ф. Сватошем и К. А. Забелиным сохранила заповедник в годы гражданской войны и разрухи. Ценный зверек не исчез. Баргузинский соболь не только восстановил былую численность на охраняемой территории, но и заселил сопредельные угодья. Часть животных была отловлена для пополнения племенного стада звероферм в других районах Сибири. Теперь соболь — основной промысловый вид в Прибайкалье.

Однако биология популярного зверька долгое время была известна ученым главным образом со слов охотников. Сенсацией стала работа профессора П. А. Мадейфеля, установившего с группой сотрудников московского зоопарка в 1928—1929 годах, что гон у соболей происходит не в марте, как это утверждали охотники, а в июне-июле.

Зверек и ныне загадка. Ничего странного в этом нет. Скрытны это хищник. Благодаря такому нраву зверек выжил в условиях бесконтрольного промысла. Но как преодолеть «барьер скрытности» соболя?

В Баргузинском заповеднике мы пытались ловить соболей на приманки. Однако быстро поняли, что так можно поймать только голодных

зверьков. Надежнее ловить соболя с собаками. Лайки загоняют его на ветку дерева или в дупло. Пойманных зверьков тщательно осматриваем, метим и отпускаем. Данные о каждом соболе заносим в карточку. Метим их ушными кнопочными метками и татуировкой, которая наносится на внутреннюю сторону ушной раковины. А как получить сведения о дальнейшей судьбе меченого животного? Еще и еще раз надо поймать его. Это непросто. Ведь никто не видел, как соболи заселяют свободную территорию. В 1966 году в заповеднике провели мечение, и уже через два-три года охотники стали добывать клейменных зверьков даже за 150 километров от этого места. Для немногих соболей характерна оседлость. Впоследствии оказалось, что подвижность их меняется в зависимости от обстановки. Некоторые, например, после нескольких лет оседлой жизни вдруг совсем покидали заповедник. Массовые кочевки отмечались в голодные годы.

Характер суточной активности соболей долгое время был предметом споров. Соболи, оказывается, выходят на охоту не один, а два-три раза в сутки. Одного самца мы трижды ловили по вечерам. Остальные зверьки были активны днем. Кстати, у соболей разные типы нервной системы: есть холерики и флегматики. Попадают настолько возбудимые, что погибают в руках человека от нервного шока. К счастью, такие зверьки редки.

Индивидуальные особенности есть и в характере питания. Некоторые из них, например, птицеловы.

Где живут соболи? Кедровые леса сильно захламлены, и в них встречается очень много дуплистых деревьев. Это и важно для соболя и мелких грызунов, которыми хищник питается. Кедр — источник высококалорийного корма. От урожая кедровых орехов зависит благополучие не только соболя, белки, мелких грызунов, но и большинства других обитателей тайги. В годы обилия орехов соболи весят гораздо больше, чем обычно, а молодой растёт ускоренными темпами (явная акселерация!).

Какие особенности поведения соболей в период воспитания молодняка? Самки, у которых разрушено убежище, перезодят выводок

на расстояние до километра. А ведь недавно считалось, что для соболей характерны строго охраняемые индивидуальные участки. Мы же увидели совершенно иное. В наиболее ценных угодьях отлавливалось до четырех особей на квадратный километр. При такой плотности населения ни о какой изоляции индивидуальных участков не могло быть и речи. Вообще по отношению к соболю справедливы самые различные мнения. Он может охотиться и днем, и в сумерках, питаться растительной пищей и вести себя как свирепый хищник, избегать пищевых приманок, сделанных человеком, и залезать в кладовые и на помойки. Рой вопросов к соболиной биологии!

Обычно, рассказывая о научных исследованиях, автор более знакомит с результатами. Читатели узнают суть дела, но очень смутно представляют процесс работы, трудовые будни. А ведь мы любим свой труд не только за его результаты! Само творчество обладает необыкновенной притягательной силой, даже если она складывается из вереницы дней, заполненных однообразной работой, нередко грязной и небезопасной.

Наши полевые выходы на отлов и мечение соболей в принципе мало чем отличаются от охоты. Правда, мы добываем зверьков в непромысловый сезон, бережно относимся к своим трофеям, стремясь как можно меньше их травмировать, и, пометив, тотчас отпускаем на свободу. А в остальном все очень похоже. Выезжаем на лодке по зеркально гладким или мрачно неспокойным ледяным водам Байкала. Бродим по тайге, присматриваемся к звериным следам и стараемся вовремя услышать далекий собачий лай, который летом заглушается комариным звоном, а весной — барабанными трелями дятлов.

Лесная жизнь требует постоянной собранности и внимания к окружающей обстановке. Однажды в начале лета мы встретились с разъяренной мамой-лосихой, которая, подняв дыбом гриву, гоняла собак в нескольких метрах от нас. Если учесть, что оружия мы обычно не носим, то можно понять, с каким облегчением мы вздохнули, когда смогли убраться восвояси. В другой раз, когда мы добывали соболя из дупла поваленного дерева, я вдруг увидел, что метрах в тридцати стоит медведь и с интересом наблюдает за нашей работой. Собаки тотчас прогнали добродушного соседа и вернулись к прерванному занятию. А вообще-то встречи с этим зверем нежелательны, потому что иногда он может быть настроен весьма агрессивно. Так, например, нередко себя ведет медведица с медвежатами или хищник, задавивший лося или дружную жертву.

Но вот собаки нашли соболя и загнали его на высокий кедр. Начинается наиболее драматичная часть нашей работы. Охотник должен забраться на дерево и, привязавшись поясом к стволу на тридцатиметровой высоте, изловчиться, надеть зверьку на шею петельку, подтащить к себе и посадить в мешок. Иной все сделает успешно, а когда придет черед посадить разъяренного зверька в мешок, потеряет уверенность, и соболев вцепится мертвой хваткой в палец охотника. А дальше... кажется, легче оторвать зверьку голову, чем заставить его разжать зубы.

Наконец мешок с дорогой добычей привязан к поясу охотника и он, взмокший, стоит на земле. Теперь мы стараемся поскорее оглядеть и взвесить зверька, пометить и незаметно для собак выпустить его на волю. Стандарта в нашей работе мало. Каждый зверек — особый случай. О любой поимке соболя можно рассказывать отдельно.

Хорошо помню, как я поймал своего первого соболя. Моя лайка только начинала работать. Поэтому я страшно обрадовался, когда июльским днем она загнала соболя на молодой кедр. Я так поторопился влезть на дерево, что забыл захватить мешок. Поймал зверька я очень быстро, удачно схватил его за шею, освободил от петли и, держа в руке, стал спускаться вниз. Когда я, наконец, ступил на землю, мне казалось, что на руке, в которой был зажат соболев, кожи уже не осталось. Острыми когтями зверек обрабатывал мою руку не менее десяти минут. К счастью, все раны, нанесенные соболем, как это случилось и позже, зажили очень быстро.

Долг летний день, и все же, когда нередко случается возвращаться в лагерь в темноте и защищать лицо руками от ударов веток, задумываешься над тем, а каково же приходится собакам?! Их головы находятся на уровне кустарников, пихтового стланика. Каждая веточка целилась в глаз. А они не сбавляют темп — здесь метнутся за летягой, там пугнут усевшихся на ночлег рябчиков.

Но вот, наконец, и лагерь. Яркие языки костра лижут закопченные котелки. Собаки радостным лаем приветствуют раздачу корма. Мне всегда приятно выполнять эту обязанность, чтобы чем-то отблагодарить наших преданных помощников. Мы прекрасно понимаем друг друга. Что мы без лаек? Только благодаря им оказались возможными исследования соболя.

Памятник собаке, лебедю, пчеле...

**Александр
ЛЕВЕНКО**

Наполеоновские полчища уносили за Березину память о Кутузове, о партизанах, о морозе и... о волках. Иззябшие вояки зубами рвали конское мясо, но и этот провиант вырывали у них волки.

Один из дезертиров пробирался на юг. В Альпах на перевале Сен-Бернар его засыпало снежными вихрями почище российских. Очнулся дезертир от шершавых поглаживаний по лицу. Вскрикнул. Над ним застыл огромный пес в шерсти до когтей, белый, в коричневых и желтых пятнах, с тупым носом и большими ниспадающими ушами... Вскричал: «И здесь волки!» — спасенный вояка ударил кинжалом в широкую мохнатую грудь. Сен-Бернар дополз до монастыря, его отвезли в Берн, в лечебницу, но потеря крови была чересчур велика...

Спустя три четверти века, на одном из островков Сены, в Париже, основали кладбище животных. Символом его стал памятник сенбернару Барри, и надпись гласила: «Спас сорок человек, убит сорок первым».

...Японские школьники привезли подраненного лебеденка из стаи, летевшей с советского Дальнего Востока в теплые края. Лебеденку дали имя Озетта, вырыли для него пруд. Но прекрасная птица — ангел зимы — пала. Возле той школы возник памятник лебедю.

Есть в Японии и весьма своеобразный памятник... пчеле. Это стена с бетонными шестигранниками сверху, посреди этих символических сотов — бронзовый барельеф городского насекомого.

В город Ном на Аляске собачья упряжка несла противодифтерийную сыворотку. Колобродил такой ураган, что каюр-погонщик лежал на нартах, грея груз, а упряжку по торосам залива Нортон вел пес по имени Болто. Как учуял он, где надо выбраться на берег, человеку не постичь, но сыворотка была доставлена вовремя. В Нью-Йорке, в Центральном парке, стоит этой собаке памятник.

Итальянец, рабочий, нашел как-то белый мягонький комочек. Щенок подрос и стал провожать к автобусу и встречать своего друга. Шла война. Однажды знакомый ящик на колесах не прибыл, другой автобус доставил уцелевших при бомбежке... Четырнадцать лет встречала собака Фидо ушедшего навеки человека, и она еще была жива, когда близ Флоренции, в городке Борго-Сан-Лоренцо, открыли ей памятник — Ожидаящей Србаке.

В Ростове-на-Дону запечатлен в бронзе, с голубем в руках, Витя Черевичкин. Голубя его носил разведанные в Батайск... Фашисты расстреляли пионера.

А вот знаменитая собака, верно служившая науке. Памятник находится на Аптекарском острове в Ленинграде, на улице Академика Павлова, в саду Института экспериментальной медицины. В Колтушах изображен в рост сам Павлов, у ног Ивана Петровича — собака.

Встречаются на земном шаре и курьезные, и иронические памятники. В США, в штате Алабама, жук-долгоносик истреблял хлопок. Терпенье алабамцев лопнуло, назло насекомому принялись они выращивать все, кроме хлопка, и так разбогатели на земляном орехе, что и решили воздвигнуть монумент своему благодетелю — долгоносику.

Удивительные были о человеке и животных рассказывает ленинградским школьникам энтузиаст-исследователь В. З. Бульванкер. Анималистической скульптуре посвящено немало трудов, но Владимир Захарович, можно сказать, пионер в изучении памятников конкретным существам природы.

Помимо собак, птиц, насекомых, носивших конкретные имена, на Земле увековечены в нетленных созданиях и кошка, и заяц, и корова, и слон... В коллекции Бульванкера больше сотни памятников. В. З. Бульванкер работает над книгой о памятниках животным.

Кто знает, быть может, и на Урале найдется повод воздвигнуть символ нерасторжимости человека и природы. Возможно, подобные памятники животным здесь уже есть?

Самый экономный реактор

На Белоярской атомной электростанции, которая находится недалеко от Свердловска, как уже сообщалось, произошло большое событие в истории отечественной атомной энергетики — пущен крупнейший энергоблок с реактором на быстрых нейтронах мощностью 600 тысяч киловатт. Он отличается от обычных реакторов тем, что вырабатывает не только электроэнергию, но и горючее — плутоний, вовлекаемый в свою очередь в топливный цикл.

Тридцать лет назад в подмосковном городе Обнинске были созданы первые экспериментальные реакторы-размножители. А в 1973 году уже пущен первый в мире крупный реактор на быстрых нейтронах. Это осуществлено в городе Шевченко, где «быстрый» реактор дал энергию для опреснения каспийской воды.

Реакторы-размножители используют ядерное горючее в десятки раз эффективнее. Они отменили мрачный прогноз, что атомная энергетика не сможет развиваться из-за исчерпаемости урана. Теперь ядерное горючее будет расходоваться столь экономно, что его хватит на тысячелетия...

Два «Шпицбергена»

В русском флоте существовало два корабля, носивших имя «Шпицберген». Первый — 32-пушечный шлюп был построен корабельным мастером Сарычевым в Архангельске в 1805 году.

Шлюп «Шпицберген» участвовал в осаде и занятии турецкой крепости на острове Тенедос и в блокаде Дарданелл в период русско-турецкой войны 1806—1812 годов. Во время перехода эскадры Сенявина из Средиземного моря на Балтику «Шпицберген» с командой в 145 человек попал в непогоду, отстал от соединения. Командир корабля капитан-лейтенант Качалов нашел якорное место в порту Виго, на испанском побережье Атлантики.

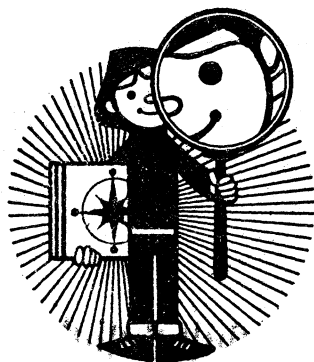
Качалову предлагали сдаться в плен сначала англичане, затем французы, но ответ командира «Шпицбергена» был один: «Исполнить не могу, ибо это послужит пятном моему флагу, и честь мне повеле-

вает защищаться до последней капли крови...» Так продолжалось пять лет, и только 19 января 1812 года на имя капитана первого ранга Качалова поступило из Петербурга письменное распоряжение: «Корабль, как блокированный, продать, а самим добираться на оказиях на родину».

Отправились двумя группами. Первая из них осенью того же года прибыла в Россию. Большая же часть команды (110 человек) была взята французами в плен, находилась в парижской тюрьме до 1814 года и была освобождена вступившими в Париж русскими войсками...

Вторым кораблем «Шпицберген» была двухпушечная шхуна Беломорской флотилии, построенная в Архангельске корабельным мастером полковником Ершовым в 1838 году.

Николай ЗАЙЦЕВ

МИР

НА ЛАДОНИ

Фото Круковского

Летом 1906 года большое путешествие по Южному Уралу совершил писатель М. А. Круковский. Свои «Путевые очерки» он сопроводил 140 снимками. Круковский писал: «Насколько приветливо и гостеприимно встречали меня как заезжего человека, гостя, настолько недружелюбно относились к фотографии. Магомет запретил правоверным воспроизводить и распространять их изображение».

Женщин нельзя было сфотографировать даже за деньги.

В Уфе у муфтия, главы мусульманского духовенства, Круковский выхлопотал разрешение на фотографическую съемку для научных целей. Бумажка от муфтия дала ему возможность снимать не только башкир, но и башкирок.

Значительная часть снимков Круковского стала иллюстрациями тома «Урал» — полного географического описания России.

Евгений БИРЮКОВ

Костромской Кулибин

Помните, в «Грозе» А. Н. Островского есть замечательный образ механика-самоучки Кулигина. Многие уверены, что прототипом этого персонажа был знаменитый народный умелец Иван Кулибин. Оснований для такой аналогии более чем достаточно: созвучность фамилий, характер деятельности, место жительства — приволжский город...

Однако в действительности Кулигин списан Островским с другого человека — с жителя Костромы Александра Васильевича Красильникова. Трудно сказать, знал ли его драматург лично. Но, несомненно, был знаком по рассказам своего дяди — костромского старожилы П. Ф. Островского, который в своей работе «Исторические записки о Костроме» уделил немало места восторженным отзывам о творчестве талантливого самоучки.

А. В. Красильников поистине был универсальным специалистом. Он превосходно рисовал, мастерил хронометры и электрические машины, микроскопы и астролябии, проектировал здания, строил мосты... На чердаке своего дома он открыл первую в губернии обсерваторию, сам изготовил для нее телескоп и прочие сложные приборы.

К сожалению, талантливый самородок не оставил своих автографов ни на писанных им картинах, ни на сделанных приборах, ни на фасадах спроектированных зданий. Поэтому сейчас трудно отыскать его творения. Единственное, что достоверно известно: А. В. Красильников был архитектором надвратной церкви в костромских Красных рядах. Сейчас реставраторы возвратили ей прежний вид.

Виталий ПАШИН

Когда Глазов стал городом?

11 сентября 1780 года было утверждено Вятское наместничество. Все селения, которые назначались для приписания к ним уездов, стали городами. В их числе был и Глазов.

Церемония открытия Вятского наместничества состоялась 18 декабря 1780 года; 28 декабря 1780 года, в день открытия Глазовского уезда и города, к исполнению обязанностей приступил городничий, секунд-майор Семен Глатков. В этот же день открылись присутственные места — канцелярия, земский суд... Городской магистрат в Глазове не был открыт «по неимению купечества и мещанства».

Следовательно, 200 лет Глазову исполнится 28 декабря 1980 года, но это по старому календарю, а по новому — 10 января 1981 года.

Вручали шляпу и хламиду

Когда приходит зрелость? Чем она отмечалась в разные времена у разных народов? В Афинах (5 век до н. э.) пора совершеннолетия совпадала со временем поступления на государственную службу. Восемнадцатилетний юноша приносил присягу в храме Ареса, у подножия акрополя; имя его вносилось в список граждан. Затем он представлялся народу в театре, получал право носить оружие, являться к суду, жениться. Преобразался юный афинянин и внешне: впервые надевал походную широкополую шляпу и черную хламиду (военный плащ).

Этим самым юноше напоминали — будь готов к неожиданностям в жизни. Поучительный акцент!

Конкурент

Симеон уступил

В январе голодного 1921 года в Верхотурье, знаменитом церквами и мощами святого Симеона, было создано Общество изучения Верхотурского края.

Горстка людей, может быть, даже более голодных, чем другие, начала с малого — с создания краеведческого музея и библиотеки при нем. Правда, первоначально всю библиотеку человек мог унести под мышкой, и экспонатов музея было немного.

Оценивая работу Об-

щества за четыре года, журнал «Знание и труд» в 1925 году писал:

«Верхотурский музей стал культурной святыней верхотурского края. Он стал успешно конкурировать с другой местной святыней — монастырем и, несомненно, скоро убьет своего конкурента».

С тех пор прошло 60 лет. Давно уже забыли верхотурцы о «чудодейственной» силе мощей Симеона Праведного, а культуру и историю своего родного края стремятся не только сберечь, но и приумножить. В Верхотурье создается исторический заповедник, центром которого стал краеведческий музей.

Евгений ЧЕРКАШИН

Дон-Кихот Ламаншский

Почти двести лет назад состоялось первое в мире воздушное путешествие... Французы Бланшар и Джеффри поднялись на воздушном шаре в городе Дувре и полетели в сторону Альбиона. Через два с половиной часа, преодолев Ла-Манш, они благополучно приземлились на английском берегу в местечке Гвин, где, кстати, в честь отважных воздухоплателей была потом установлена памятная колонна.

Первый успешный полет над морем вызвал всеобщее ликование. Город Кале назвал Бланшара своим почетным гражданином и поместил его воздушный шар в церковь как памятник. Французский король почтил Бланшара аудиенцией и назначил ему пенсию. Бланшар, в свое время изрядно повеселивший карикатуристов попытками строить воздушный корабль с веслами, теперь прославился; Бланшар, прозванный репортерами Дон-Кихотом Ламаншским, стал первым спортсменом от авиации.

Надо сказать, до Бланшара попытку перелететь Ла-Манш сделал в том же 1785 году француз Пилатр де Розе и Ромэн. Они долго ждали попутного ветра и, наконец, полетели... на потрепанном монгольфьере. Шар лопнул. Покорители Ла-Манша погибли.

История одного пианино

Несколько лет назад в Пермском краеведческом музее появился новый экспонат — старое шредеровское пианино.

У этого инструмента славная история. Когда-то он принадлежал русскому музыканту Илье Алексеевичу Шатрову — капельмейстеру 214-го Мокшанского полка, автору знаменитого вальса «На сопках Маньчжурии».

В июле 1904 года казармы на окраине Златоуста опустели — полк был отправлен на Дальний Восток. И. А. Шатров решил подарить пианино своим друзьям Фенелоновым, у которых он часто бывал.

Аркадий Лаврович Фенелонов стал профессором Пермского медицинского института. И пианино он перевез в Пермь. Когда А. Л. Фенелонов умер, родственники его передали инструмент в музей.

Борис ЗЕЛИЧЕНКО

На поводке... морж

Итак, уже почти двести лет сотни смельчаков штурмуют Ла-Манш. Например, ровно через сто лет после полета Бланшара пролив переплыл первый в мире человек, американец Бойтон, в честь которого королева Виктория даже устроила в своем замке прием. В том же году английский матрос Вэбб улучшил достижение американца, преодолев Ла-Манш без какого-либо спасательного костюма. А затем и женщины стали покорительницами пролива. Самым же курьезным было плавание француза Мишеля, доказавшего, что плавать по морю умеют не только англичане. Он достиг берегов Англии, держа на поводке, как собаку, тренированного моржа!

Полет на велосипеде

Летом 1909 г. француз Блерио совершил исторический перелет через Ла-Манш. Хрупкий аэроплан преодолел пространство над морем с фантастической для того времени скоростью — 80 километров в час, и полет занял всего двадцать семь минут. В Англии пилота встретил репортер парижской газеты, бежавший навстречу аэроплану со знаменем Франции в руках. Лондон и Париж ликовали: открывалась эра авиационных сообщений.

И вот в прошлом году Англия как бы взяла реванш, победив первопроходцев воздушного океана — французов. Ла-Манш перелетел на воздушном велосипеде «Альбатрос» некий Аллен. Это был самый продолжительный полет (2 часа 50 минут) без всякого мотора. Пилот вращал винт, работая ногами, как велосипедист. Конструктор летающего велосипеда Мак-Криди плакал от радости, когда Аллен достиг французской земли. Его можно понять: было совершено около ста предварительных полетов, разбито полтора десятка машин, и вот — победа!

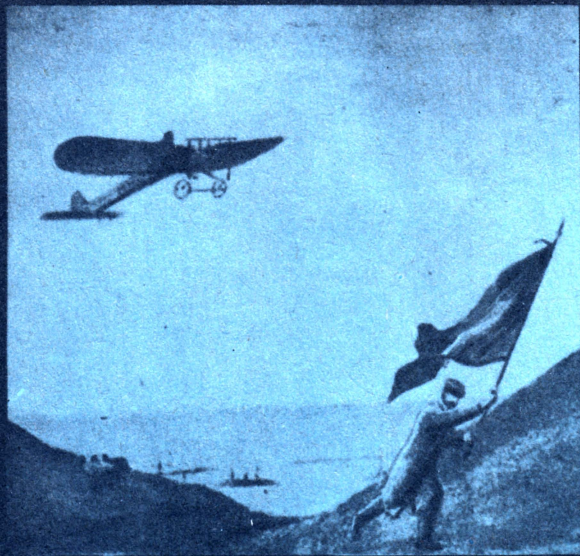
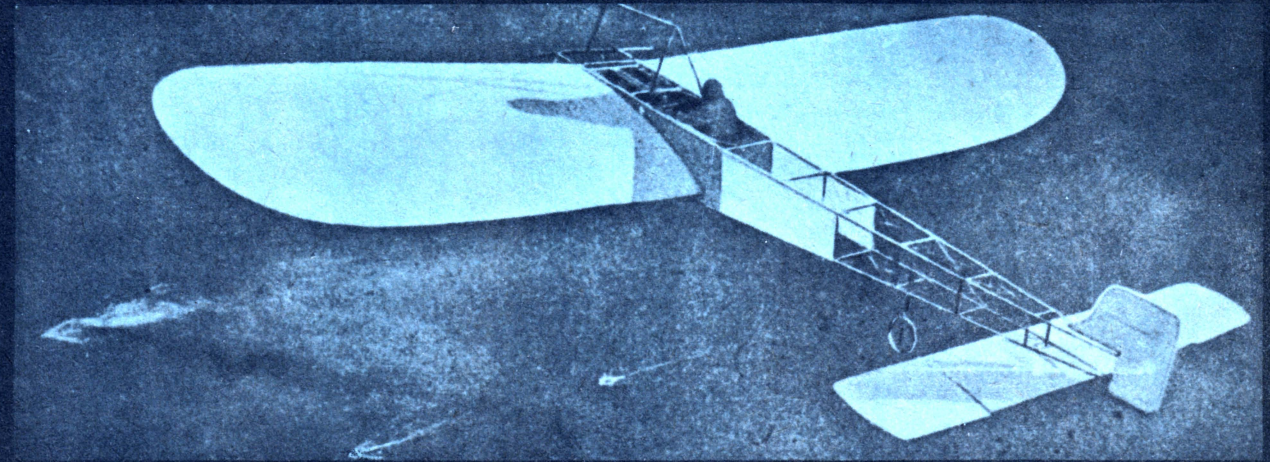
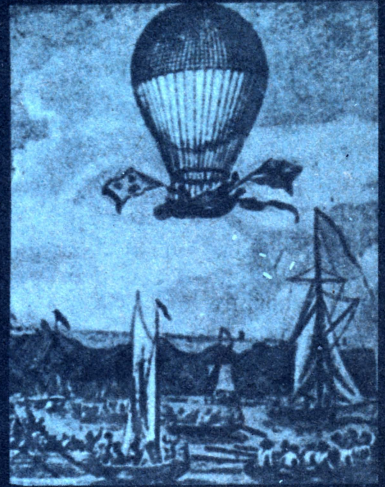
Что значит Бангкок

Самое длинное географическое название, как свидетельствует «Книга мировых рекордов Гиннеса», у столицы Таиланда города Бангкока. В русской транскрипции с тайского название столицы состоит из 12 слов.

В переводе на русский Бангкок означает: Великий Город Ангелов, Высшее Вместилище Божественных

Сокровищ, Великая Земля, которую нельзя завоевать, Великое и Процветающее Царство, Великолепная и Восхитительная Столица Деятели Драгоценных Камней, Место, где живут Самые Великие Владыки и находится Великий Дворец, Обиталище Богов и Перевосплощающихся Духов.

Яков ДАВИДОВ

Медаль, выбитая в память перелета Блерио через Ла-Манш в 1909 г.; полет Бланшара; Блерио над Ла-Маншем; репортер со знаменем Франции встречает Блерио на английском берегу; моды прошлого века на тему воздухоплавания.

Фотомонтаж Александра Лысякова

ЧИТАЙТЕ В 1981 ГОДУ

1981 ГОД ДЛЯ ВСЕХ НАС БУДЕТ ОСОБО ЗНАЧИМЫМ — В ФЕВРАЛЕ СОСТОИТСЯ XXVI СЪЕЗД КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА, КОТОРЫЙ НАМЕТИТ ПУТИ РАЗВИТИЯ СТРАНЫ НА ПРЕДСТОЯЩУЮ ПЯТИЛЕТКУ, И КАЖДАЯ КОНКРЕТНАЯ ЦИФРА, КАЖДОЕ КОНКРЕТНОЕ РЕШЕНИЕ СТАНУТ НЕ ТОЛЬКО НАУЧНО ОБОСНОВАННЫМИ, ЛОГИЧЕСКИМ ПРОДОЛЖЕНИЕМ СТРОИТЕЛЬСТВА НАШЕГО ОБЩЕСТВА, НО И ОВЕЯННОЙ ИДЕЯМИ КОММУНИЗМА ПЕРСПЕКТИВОЙ, ВЕДУЩЕЙ НАС ДАЛЬШЕ, ЗА ГРАНЬ ПЯТИЛЕТИЯ.

Редакция в новом году намерена выступить с публицистическими материалами, имеющими прямое отношение к ближайшим и будущим проблемам, непосредственно касающимся молодого читателя.

Для того чтобы по праву оценить настоящее, стоит заглянуть и в наше недавнее прошлое. Участник Великой Отечественной войны Василий Анпилов расскажет на страницах нашего журнала о том, как он двенадцатилетним пареньком помогал в тридцатые годы нелегкому становлению родного колхоза.

Новую повесть «Дети Синего Фламинго» написал для журнала лауреат премии Ленинского комсомола писатель Владислав Крапивин. Этой повестью, насыщенной приключениями и романтикой, мы открываем 1981 год.

Заканчивает для «Уральского следопыта» свою повесть «31 день в сентябре» и писатель Николай Никонов. На его произведения, опубликованные в журнале ранее, до сих пор идут отклики — свидетельства состоявшегося доброго контакта с читателями. В новой повести писа-

тель рассказывает о школе, о радостях и тревогах первой юношеской любви — тема и вечная, и глубоко современная.

Проблема «трудных» подростков найдет свое отражение в детективной повести «Жесткое счастье» писателя-сибиряка Михаила Черненко.

Любителей фантастики мы познакомим с новой повестью Кира Булычева «Царицын ключ», веселой и поучительной.

Историческую повесть об уроженце Шадринской слободы Иване Гореванове — лице историческом, об уникальной Сакмарской станице — вольном острове среди невыносимого гнета и жестокости горнозаводского Урала времен генерала Геннина и Демидова — дал журналу писатель Владимир Печенкин.

В портфеле «Уральского следопыта» — рассказы о минувшей войне, о современных трудовых буднях, о природе и ее защитниках.

